САМОЗАЩИТА

МАРКСИСТСКІЙ СБОРНИКЪ

335.5
Т-78-С.

I.

(2 экз.)

ПЕТРОГРАДЪ
1916.

Типографія Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ". Прачешный, Петроградъ, 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этомъ сборникѣ встрѣтились тѣ изъ марксистовъ, для кого идея интернаціонализма и идея самозащиты страны не являются понятіями, другъ друга исключающими, а наоборотъ—представляютъ то единство, которое опредѣляетъ на ближайшее время линію ихъ практической политики.

Это общее связываетъ ихъ и покрываетъ собою тѣ различія въ оцѣнкахъ отдѣльныхъ сторонъ современной общественности, которыя несомнѣнно имѣются у авторовъ и за которыя каждый изъ нихъ несетъ отвѣтственность—индивидуально.

Статьи Батурскаго, К. Гвоздева, Б. О. Богданова, А. Горскаго, Л. Ортодоксъ, Л. Сѣдова, М. Б—ва, Н. Череванина и др. появятся въ слѣдующихъ сборникахъ.

О войнѣ.

Отношеніе къ великой войнѣ, властно вторгнувшейся во всѣ стороны жизни и мысли современныхъ людей, заслоняетъ собою въ значительной степени ихъ согласіе или разногласіе по другимъ вопросамъ. Въ средѣ нашей крайней демократіи оно развело въ разныя стороны не мало старыхъ единомышленниковъ и свело, наоборотъ, многолѣтнихъ противниковъ.

Вашимъ предложеніемъ написать что-нибудь для вашего сборника мнѣ хотѣлось бы воспользоваться для того, чтобы высказать и свое отношеніе къ этой войнѣ.

Съ самаго начала я желала и продолжаю желать возможно болѣе полнаго пораженія Германіи. И не одна только любовь къ родной странѣ внушаетъ мнѣ это желаніе. Гибель или хотя бы ослабленіе западныхъ демократій въ пользу и безъ того могучей страны, руководимой полуабсолютистской юнкерской Пруссіей, было бы громадной потерей въ настоящемъ и угрозой для будущаго—для того будущаго, къ которому стремится пролетаріатъ. Относительно Россіи я раздѣляю взглядъ Плеханова на тѣ условія, въ которыя поставила бы ее рѣшительная побѣда Германіи. Я не могу ни на минуту усумниться во всемъ этомъ, но,—къ несчастью—несомнѣнно для меня и нѣчто другое.

Когда недавно на одномъ собраніи ораторъ призывалъ присутствовавшихъ забыть все, кромѣ отпора идущей на насъ „иноземной“ силѣ, женскій голосъ крикнулъ съ мѣста: не можемъ—„срединемная“ сила не позволяетъ забыть о себѣ.

И, дѣйствительно, эти двѣ силы ведутъ между собою неустанную борьбу за душу русскаго демократа, слѣдящаго за событіями. Съ самаго

начала войны Германія сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы приковать къ себѣ всѣ чувства и помыслы гражданъ всѣхъ странъ, подвергшихся ея нападенію. И на подмогу военнымъ чувствамъ борьбы и отпора она своимъ нападеніемъ на Бельгію, своими „новыми способами веденія войны“, выставившими ее въ такомъ неожиданномъ свѣтѣ, вызвала чисто человѣческія, гражданскія чувства негодованія и отвращенія, далеко не всегда сопутствующія внѣшнимъ войнамъ. Для демократическихъ странъ Запада этого было слишкомъ достаточно. Но даже въ Россіи, все еще переживающей тотъ періодъ нарушеннаго равновѣсія между своими стремленіями и внѣшними формами своей жизни, о которомъ говорится въ „докладѣ“ Витте,—даже въ ней Германія сумѣла пробить широкую брешь въ свойственномъ такимъ періодамъ чувствѣ розни между государствомъ и страной.

Но ее задѣлали. Если для верхняго слоя общества проснувшаяся жажда активности могла находить нѣкоторое удовлетвореніе въ дѣятельности земскихъ и городскихъ союзовъ, то для широкихъ слоевъ не обладающей цензомъ демократіи условія военнаго времени уничтожили послѣднюю возможность какихъ бы то ни было проявленій. Здѣсь разбуженное иноземнымъ врагомъ чувство борьбы и отпора должно было неизбѣжно перейти въ обычное настроеніе, свойственное странѣ „нарушеннаго равновѣсія“.

Но лѣтомъ, когда началось отступленіе, тревога за судьбу родной страны снова охватила съ удвоенной силой широкіе слои населенія...

Читая въ сентябрѣ извѣстное воззваніе, подписанное Плехановымъ и др., даже тѣ изъ насъ, которые были согласны съ нимъ, чувствовали, что есть въ немъ нѣчто сказанное не совсѣмъ такъ, какъ хотѣлось бы, нѣчто не вполнѣ соотвѣтствующее ихъ настроенію. Что же именно?

Вспомните только, что воззваніе писано въ то время, когда Германія наступала по всему фронту, забирая наши крѣпости и города, а русскія лишенныя снарядовъ арміи отступали все дальше,—когда была созвана Дума, смѣнялись министры и само правительство нашло, казалось, что русскимъ людямъ совершенно естественно волноваться бѣдствіями родины, объединяться и сообща искать средствъ помочь ей. Въ тотъ моментъ все въ воззваніи звучало вполнѣ вѣрно. Но... пріостановилось нашествіе, началось успокоеніе. Дума „волновала“—она распущена. Произошли новыя смѣны въ противоположномъ направленіи. Незачѣмъ искать средствъ помочь родинѣ. Это не дѣло обывателя. Онъ долженъ молча и спокойно сидѣть и ждать. Проснувшееся чувство

тревоги за исходъ войны отъ этого не могло, конечно, исчезнуть, а должно было, наоборотъ, усилиться, но оно видоизмѣнилось, ушло внутрь. Мнѣ бы хотѣлось надѣяться, что два чувства, тянувшія въ разныя стороны душу русскаго демократа, сольются, не уменьшаясь, въ одно цѣлое.

Я знаю, значительная часть рабочей демократіи—если эти строки попадутся ей на глаза—скажетъ, что тякія чувства могли быть у шовинистовъ-прихвостней буржуазіи, а они—интернаціоналисты—всегда были за миръ и не могли интересоваться оборономъ просто потому, что все время руководствовались идеей международной солидарности.

Такъ они говорятъ, такъ думаютъ и тѣмъ не менѣе самый фактъ такого преобладанія интернаціонализма именно среди русскихъ рабочихъ совершенно невѣроятенъ послѣ всего того, что произошло среди рабочихъ Запада. Вѣдь въ жизни организованныхъ рабочихъ Германіи Франціи, Бельгіи интернаціоналъ занималъ безконечно болѣе мѣста, чѣмъ въ жизни русскихъ рабочихъ, для которыхъ онъ и былъ и остается отвлеченнымъ понятіемъ, а тамъ, вслѣдъ за рабочей партіей Германіи, рабочія партіи Франціи и Бельгіи приняли самое энергичное участіе въ организаціи обороны противъ германскаго нашествія.

Разъ оказавшись безсильнымъ остановить нападеніе, интернаціонализмъ уже не могъ, не долженъ былъ мѣшать оборонѣ, которая была бы страшно ослаблена, быть-можетъ, невозможна, если бы отъ нея устранились организованные рабочіе Франціи, Белгіи, а затѣмъ и Англіи. Какъ же, въ виду всего этого, мы сможемъ объяснить себѣ исключительный интернаціонализмъ части русскихъ рабочихъ, какъ не исключительностью нашего національнаго строя.

Щедринъ писалъ когда-то, что у насъ участокъ ставитъ себя на мѣсто отечества, а обыватель вѣритъ ему и тоже смѣшиваетъ эти двѣ вещи. Знаменитый сатирикъ старался объяснить обывателю, что между ними громадная разница.

Равнодушіе части рабочихъ къ оборонѣ отечества всего легче объясняется не силою ихъ интернаціонализма, а именно тѣмъ, что для нихъ — эта „разница“ все еще не выяснилась.

А между тѣмъ великая война грозитъ у насъ не участку, а отечеству, и въ томъ будущемъ, которое приготовила бы отечеству побѣда Германіи, всего больше пострадалъ бы именно рабочій классъ.

В. ЗАСУЛИЧЪ.

P. S. Я только-что прочла въ 241 № „Русск. Вѣд.“ (отъ 21 окт.) изложеніе содержанія статьи Плеханова, напечатанной въ газетѣ „Призывъ“. Меня очень обрадовала эта статья. Призвавъ на помощь Маркса, авторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ того „опаснаго недоразумѣнія“, „того предразсудка“, который побуждаетъ нашихъ соціалистовъ и вообще крайнюю лѣвую относиться такъ враждебно ко всѣмъ выступленіямъ отвѣтственной оппозиціи, что „можно подумать, что самое существованіе этой оппозиціи представляется имъ весьма вреднымъ для дѣла свободы“. Они любятъ свободу, говорить онъ въ заключеніе, а поступаютъ такъ, какъ будто бы они ее ненавидѣли.

Этотъ опасный предразсудокъ зародился и началъ приносить плоды еще наканунѣ событій 1905 г. Онъ уже тогда приводилъ меня въ отчаяніе. Я твердила о его вредоносности всѣмъ кто только соглашался слушать, но убѣдить не сумѣла рѣшительно никого. Съ тѣхъ поръ опасный предразсудокъ продолжалъ жить и дѣйствовать, постепенно ослабѣвая у меньшевиковъ (не безъ рецидивовъ, впрочемъ) и все сильнѣе разростаясь у большевиковъ. Тамъ—боюсь—среди довольно широкаго слоя, подпавшаго ихъ вліянію, предразсудокъ успѣлъ уже пріобрѣсти всю прочность свойственную предразсудкамъ. Во всякомъ случаѣ, я не могу не пожелать статьѣ Г. В. Плеханова самаго широкаго распространенія и возможно болѣе внимательныхъ читателей.

В. З.

О патріотизмѣ и о международности.

Мы все еще гадаемъ, каковы будутъ возможныя послѣдствія міровой катастрофы, но одно послѣдствіе—и притомъ чрезвычайно серьезное для всего демократическаго движенія—уже на лицо: война въ средѣ демократіи.

Война, смѣнившая миръ, которому, казалось, не будетъ конца. Ибо зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, рабочимъ всѣхъ странъ воевать другъ съ другомъ? Они, вѣдь, не собственники, и нѣтъ той добычи, которую бы имъ причиталось дѣлить. Имъ въ порядкѣ вещей другъ съ другомъ не враждовать, а соединяться. Не даромъ же кличъ, который призвалъ ихъ къ соединенію—прозвучавшій почти три четверти вѣка назадъ—уже давно сталъ, какъ будто живою конкретностью, обрѣлъ плоть въ современномъ интернаціоналѣ рабочихъ, въ ихъ международномъ общеніи.

И тѣмъ не менѣе—миръ нарушенъ и интернаціоналъ въ развалинахъ. Сейчасъ воюютъ не только правительства, сейчасъ—не за страхъ, а за совѣсть—воюютъ и народы, и трудящійся народъ въ томъ числѣ, и даже въ первую голову.

Кто же прервалъ этотъ миръ рабочихъ людей, разбилъ ихъ единство?

Ходъ событій даетъ вразумительно ясный, не подлежащій сомнѣнію отвѣтъ: идея отечества.

Именно эта идея отечества явилась тѣмъ снѣжнымъ комомъ, который, разъ приведенный въ движеніе, головокружительно быстро разросся въ лавину и схоронилъ подъ собой созидавшееся десятилѣтіями зданіе международной солидарности пролетаріата. На зовъ: отечество въ опасности! защищайте его!—какъ одинъ человѣкъ, поднялась вся рабочая масса Германіи, и такъ же единодушно затѣмъ

поднялись на аналогичные призывы пролетаріи Бельгіи, Франціи, Англіи... И что заслуживаетъ особенно вниманія: рабочая масса Германіи поднялась при такихъ обстоятельствахъ, когда—можно было думать—мобилизуется не чувство страха за родину, а самый жгучій протестъ противъ провокаціонной политики имперскаго правительства.

И, однако, мобилизовался совсѣмъ не протестъ, мобилизовался патріотизмъ, и притомъ всенародный, патріотизмъ такой интенсивности и такого охвата, какихъ—я не знаю—видала ли много исторія.

Ясно, мы можемъ сколько угодно винить германскую соціалдемократію—ея вина несомнѣнна—но мы не объяснимъ этой виной тотъ порывъ на защиту страны, который тотчасъ же по объявленіи войны съ элементарной силой овладѣлъ рабочими массами, подавляя сознаніе этихъ массъ, гоня прочь всѣ соображенія объ общечеловѣческой—международной справедливости и двигая массы противъ такихъ же рабочихъ массъ, но только входящихъ въ составъ другихъ государствъ.

Конечно, въ этомъ порывѣ германскаго пролетаріата было нѣчто и отъ специфическихъ чертъ германской жизни послѣднихъ десятилѣтій, тѣхъ чертъ, которыя, между прочимъ, сказались и въ характерномъ умонастроеніи германскаго профессіональнаго движенія съ Легіномъ во главѣ, и въ имперіалистскомъ характерѣ ревизіонизма одной части соц.-дем-тіи. Но это нѣчто все же не даетъ намъ права укладывать весь германскій порывъ въ прокрустово ложе подобныхъ особенностей. Дѣло не въ этихъ особенностяхъ, а въ томъ общемъ развитіи, которое взрастило порывъ въ Германіи, какъ взрастило во Франціи, въ Англіи—во всѣхъ странахъ европейскаго Запада, за однимъ, быть-можетъ, частичнымъ исключеніемъ земель австро-венгерской короны.

Передъ нами на всемъ этомъ Западѣ одинъ общій процессъ, который война вывела наружу въ формѣ патріотизма, въ видѣ готовности принести величайшія жертвы, чтобы отстоять отъ какихъ бы то ни было сторонніхъ посягательствъ свое національно-государственное цѣлое. Процессъ—я бы сказалъ—возросшаго сцѣпленія частей внутри каждаго цѣлаго.

Мы знаемъ хорошо, что по мѣрѣ того, какъ капитализмъ продвигался впередъ въ этихъ странахъ европейскаго Запада, продвигалось и классовое расщепленіе общества, росла полярность богатства и бѣдности. Но мы не всегда склонны обращать вниманіе на другую сторону этого капиталистическаго развитія, на то, что расщепленіе общества сопровождалось не только большей напряженностью классовой борьбы, но и съ ней попутно идущимъ преобразованіемъ общества—*превращеніемъ обывателей въ гражданъ*. Объектъ стараго режима—

вѣрноподданный,—въ различной мѣрѣ, но повсюду на Западѣ—уступилъ мѣсто субъекту современнаго конституціоннаго строя, повсюду—и даже въ полу-абсолютистской Германіи, и даже въ юнкерской Пруссіи.

Ибо даже въ прусской Германіи при всемъ безсиліи ея парламента и безправіи ея демократіи отвоевала себѣ право на жизнь общественность, т.-е. самодѣятельность населенія въ ея самыхъ различныхъ проявленіяхъ и съ ея неизмѣннымъ организующимъ творчествомъ. Вотъ эта-то развившаяся до гигантскихъ размѣровъ общественность и совершила на протяженіи истекшаго вѣка чудо претворенія былой человѣческой „пыли“ въ разслоенную на классы и группы, но плотную ткань новѣйшаго общественнаго организма.

Организмъ этотъ полонъ противорѣчій, кишитъ антагонизмами, само развитіе его идетъ черезъ эти антагонистическія противорѣчія, все ростущія, все заостряющіяся, но онъ отъ этого не перестаетъ ощущаться, какъ организмъ, какъ цѣлое, съ которымъ каждая часть тѣмъ больше связывается, чѣмъ интенсивнѣе проявляется ея жизнедѣятельность, чѣмъ больше предъ нею становится задачъ—реформаторскихъ или революціонныхъ. Вѣдь, реформируютъ цѣлое; вѣдь если хотятъ въ корнѣ измѣнить—то именно цѣлое; всюду и всегда это цѣлое является фокусомъ всякихъ усилій, основой и рамками дѣятельности для любой изъ частей, для каждой группы и партіи, какъ бы принципіально враждебна она ни была данному строю этого цѣлаго.

Я бы даже сказалъ: чѣмъ больше дѣятельной ненависти къ строю, тѣмъ больше къ цѣлому—любви, активной любви, которая и составляетъ патріотизмъ. И въ этомъ смыслѣ величайшимъ патріотомъ былъ Жоресъ, величайшимъ патріотомъ былъ Бебель. Конечно, ихъ идеи были мірообъемлющи, но во имя этихъ мірообъемлющихъ идей каждый изъ нихъ до послѣдняго дыханія трудился надъ собственнымъ цѣлымъ—надъ Франціей или Германіей, и, трудясь, срослался съ цѣлымъ, какъ срастается художникъ съ своимъ дѣтищемъ, зодчій съ своимъ недостроеннымъ храмомъ. И для нихъ обоихъ недостроенный храмъ, который еще надлежитъ перестроить, ихъ Франція или Германія—conditio sine qua non ихъ общественнаго существованія и существованія всего движенія, кульминаціоннымъ выраженіемъ котораго они сами являлись.

Пусть этотъ храмъ пока еще въ чуждыхъ рукахъ и классъ угнетенный не отвѣчаетъ за то, какъ распоряжаются въ храмѣ господа положенія, но—стоитъ чуждой силѣ притти и разрушить храмъ, или нанести ему существенный ущербъ, и эта сила нанесетъ съ тѣмъ вмѣстѣ ущербъ, быть можетъ, непоправимый и угнетенному классу—дѣлу Жореса и Бебеля: подъ обломками храма окажется похоронен-

нымъ все то развитіе, въ которое вкладывали душу какъ вожди, такъ и масса, сотни тысячъ, если не милліоны рядовыхъ, безымянныхъ представителей труда.

И, конечно, когда мысль Жореса или Бебеля останавливалась на грядущей опасности, то имъ и въ голову притти не могло, что когда-нибудь мудрецами Восточной Европы начнетъ оспариваться самая мысль о защитѣ отечества, какъ нашедшая себѣ незаконно пріютъ въ сознаніи пролетаріата. Жоресъ для защиты отечества разрабатывалъ идею демократической „новой арміи“, приспособленной именно къ дѣлу защиты страны, а Бебель—говорилъ, что въ случаѣ бѣды иноземнаго нашествія, онъ возьметъ въ свои руки ружье, чтобы отстоять свою родину.

И то, что говорили Жоресъ и Бебель, эти двѣ величайшія вершины европейскаго движенія, то ощущалось и его самыми широкими низами, ибо и для этихъ низовъ ихъ активное участіе въ движеніи являлось основой, на которой возросъ и расцвѣлъ ихъ патріотизмъ, т.-е. ихъ пролетарская гражданственность.

Понятіе „отечества“ перестало быть мертвою схемой, казенною вывѣской; сливаясь съ ареной многолѣтней работы—борьбы, оно насытилось трепетомъ этой борьбы, оно впитало въ себя ту любовь, которою эта борьба сумѣла связать съ собою рабочія массы. Когда то въ своемъ „Манифестѣ“ Марксъ могъ—въ извѣстномъ смыслѣ—сказать, что пролетаріатъ не имѣетъ отечества и что кромѣ цѣпей терять ему нечего. Съ тѣхъ поръ западно-европейское развитіе привело повсемѣстно къ тому результату, что пролетаріатъ имѣетъ что терять и даже очень большое—свой накопленный имъ, въ границахъ „отечества“, а потому индивидуально, т.-е. національно-государственно окрашенный, капиталъ труда и борьбы...

Капиталъ я разумѣю идейно-психологическій, духовное богатство движенія его, общественно-политическія пріобрѣтенія и цѣнности. Этотъ капиталъ, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ капиталомъ—вещественнымъ, которымъ тоже обрастаетъ движеніе въ видѣ развѣтвленнаго вѣдомства всяческихъ организацій и ихъ непомѣрныхъ бюджетовъ. Вещественный капиталъ вноситъ свою лепту вліянія въ психику—и лепту консервативную. Но общій вопросъ рѣшаетъ не онъ, и не онъ, а общественно-политическій капиталъ труда и борьбы залегъ чертой, отдѣляющей старое отъ новаго, психику, скажемъ, дореволюціонной Германіи отъ того, какъ мыслятъ и чувствуютъ не одни современные эпигоны движенія, создавшаго германскую соціалдемократію, но и лучшіе германскіе шестидесятники.

Чтобы пояснить—небольшое отступленіе въ старозавѣтное прошлое. Я не знаю: помнитъ ли читатель у Гейне, не у теперешняго германскаго сверхпатріота Вольфганга Гейне, а у стараго Генриха Гейне, который пѣлъ свои чудныя пѣсни и разсыпалъ направо и налѣво жемчужины мыслей, помнитъ ли онъ разсказъ, какъ Гейне ребенкомъ наблюдалъ вступленіе въ рейнскія провинціи Наполеона во главѣ его арміи? И помнитъ ли онъ то сложное чувство, которое вызывалось видѣніемъ дѣтства въ уже взросломъ поэтѣ? Наполеонъ, который вторгся въ чужую страну, сливался въ его представленіи съ другимъ Наполеономъ, отголоскомъ великой революціи, въ своемъ шествіи черезъ Европу обронившимъ и этимъ рейнскимъ провинціямъ кое-что отъ свободъ, крохи со стола тогдашней французской культуры. И ради этой крохи, ради марсельезы, узурпированной авантюристомъ-корсиканцемъ, геніальный поэтъ готовъ былъ простить авантюристу все зло, которое тотъ причинилъ его родинѣ.

Исключеніе ли Гейне въ этомъ случаѣ? Наоборотъ, я думаю, онъ символъ, и символъ не только старой Германіи, богатой идеями и нищею волей, но и всей той обывательской психики, которая складывается всюду, гдѣ усмотрѣніе начальства замѣщаетъ собой самочинную энергію народа. Это—психика, рождающая идеализацію корсиканца, мечты о лучшемъ, которое придетъ, откуда бы то ни было, хотя бы черезъ „гладъ, потопъ и нашествіе иноплеменныхъ“; въ этой психикѣ звучитъ иногда, какъ у Пушкинскаго Отрепьева въ „Борисѣ Годуновѣ“ жалоба Пимену: „хоть бы ханъ опять нагрянулъ, хоть Литва бы поднялась“— восточно-европейская мелодія.

Вотъ эта-то мелодія безвозвратно умолкла на Западѣ, заглушенная традиціей работы и борьбы. Вмѣсто этой мелодіи звучитъ ей діаметрально-противоположная: съ нашей собственной скверной мы справимся сами, не мѣшайте только намъ съ этой скверной справиться. Вѣдь, въ томъ, чтобы справиться съ нашею скверной, и заключается національная задача нашего движенія. Мы еще не обанкротились въ нашей общественности и мы нашей задачи не уступимъ никому, да и неспособенъ никто, кромѣ насъ, рѣшить эту задачу.

Если хотите, въ такомъ оборотѣ психики, не безъ элементовъ національно-государственнаго самолюбиваго чувства, могущаго, при случаѣ, перейти въ національно-государственную исключительность, но это прочный, десятилѣтіями подготовлявшійся выводъ изъ всей практики, которая все время протекала исключительно въ руслѣ бытія національно-государственнаго цѣлаго.

Особенности послѣдняго періода истекшаго вѣка еще сверхсмѣтно

усилили этотъ процессъ консолидаціи національно-государственнаго сознанія массъ и ихъ національно-государственнаго самочувствія. Я не буду въ настоящей статьѣ говорить объ этихъ особенностяхъ: ихъ я подробно касаюсь въ другомъ мѣстѣ, въ статьѣ „На рубежѣ двухъ эпохъ“ [1])... Да и не въ нихъ сейчасъ дѣло, а въ томъ основномъ, историческомъ процессѣ въ его цѣломъ, который можно резюмировать такъ: окрѣпла гражданственность; національно-государственная индивидуальность каждой страны осознала себя и дала въ результатѣ патріотизмъ нашихъ дней, эту стихію, поразившую всѣхъ своей элементарной силой.

Спѣшу, однако, оговориться: до сихъ поръ я въ цѣляхъ упрощенія бралъ историческій процессъ превращенія обывателей въ гражданъ, какъ единый процессъ, а на дѣлѣ—такого единства, разумѣется, нѣтъ. Мы живемъ въ вѣкъ всеобщей дифференціаціи: дифференцирована гражданственность, дифференцированъ и патріотизмъ; и патріотизмъ демократіи, а въ особенности патріотизмъ рабочаго класса существенно иной, чѣмъ патріотизмъ буржуазнаго общества въ большинствѣ его подраздѣленій.

Правда, эта дифференціація обычно не доведена до конца, и патріотизмъ господствующихъ классовъ налагаетъ свою печать и на психику массъ, заражая эту психику свойственными именно ему, для него характерными лейтмотивами. И тѣмъ не менѣе, даже въ хаосѣ перекрещивающихся вліяній настоящей войны возможно нащупать кардинальное различіе этихъ двухъ типовыхъ разновидностей патріотизма: патріотизма, готоваго въ интересахъ своего государственнаго цѣлаго посягать на интересы другихъ, и патріотизма, ни во имя какихъ бы то ни было соображеній не посягающаго ни на чьи интересы и только со всей возможной энергіей отстаивающаго неприкосновенность развитія своего собственнаго цѣлаго. Словомъ,—патріотизма агрессивно-буржуазнаго и патріотизма пролетарски-демократическаго—„защитнаго цвѣта“...

Мнѣ нужно было сдѣлать это подраздѣленіе, ибо только исходя изъ него, мнѣ думается, мы въ состояніи подойти къ оцѣнкѣ настоящаго конфликта между патріотизмомъ и международностью, конфликта, разрушившаго, какъ я уже указывалъ въ началѣ статьи, интернаціоналъ рабочаго класса; только исходя изъ этого подраздѣленія, мы сможемъ отдѣлить преходящіе моменты даннаго конфликта отъ моментовъ, глубоко коренящихся въ исторіи развитія, и соотвѣтственно этому рисовать себѣ и дальнѣйшее будущее одинаково свободно и отъ безнадежнаго пессимизма, приводящаго къ капитуляціи передъ дѣйстви-

[1]) «Наше Дѣло», № 1 за 1915 г.

тельностью, и отъ задора той оптимистической романтики, которая живетъ въ царствѣ грезъ, видитъ сны наяву и глуха ко всѣмъ звукамъ земли.

Въ самомъ дѣлѣ, другой дилеммы не можетъ и быть для всѣхъ тѣхъ, кто готовъ въ одну кучу валить агрессивно-буржуазный патріотизмъ и патріотизмъ пролетарски-демократическій, для кого существуетъ всего-на-всего лишь монолитный патріотизмъ, который надо цѣликомъ принять, отвергая интернаціонализмъ, или такъ же цѣликомъ отвергнуть, ставъ на сторону его антагониста. Или быть Санчо-Пансо, или стать Донъ-Кихотомъ. Потому что надо прежде стать Донъ-Кихотомъ, чѣмъ рѣшиться отвергнуть à limine, какъ негодную ветошь, патріотизмъ въ его цѣломъ—иначе говоря, вѣковой процессъ гражданской кристаллизаціи общества, нашедшій свое кульминаціонное выраженіе въ чувствѣ отечества—въ патріотизмѣ. И если бы международность была, дѣйствительно, непримиримымъ антагонистомъ всего этого „интегральнаго“ патріотизма, то можно было бы заранѣе признать ея дѣло пропграннымъ; можно было бы сказать, что на предвидимое время она имѣетъ не больше шансовъ осуществиться, чѣмъ любая изъ старыхъ утопій...

Къ счастью, это не такъ. Къ счастью, интернаціонализмъ, несовмѣстимый съ агрессивно-буржуазнымъ патріотизмомъ, совмѣстимъ съ пролетарски-демократическимъ или, что то же, съ патріотизмомъ, очищеннымъ отъ классоваго или мѣстнаго своекорыстія.

Я бы даже сказалъ: интернаціонализмъ является дальнѣйшимъ развитіемъ патріотизма, приложеніемъ въ большемъ масштабѣ тѣхъ же самыхъ мыслей и чувствъ, которыя первоначально окрѣпли въ процессѣ гражданской кристаллизаціи внутри каждаго цѣлаго. И только тамъ, гдѣ человѣческій матеріалъ прошелъ черезъ школу гражданственности въ національно-государственныхъ рамкахъ, только тамъ—при наличности извѣстныхъ историческихъ условій—можетъ появиться и общественное международное сознаніе и общественное международное чувствованіе.

Появиться, какъ прорывъ національно-государственныхъ рамокъ этой самой гражданственностью; какъ выступленіе изъ традиціонныхъ національно-государственныхъ береговъ ея практики и образованіе новой практики съ ей соотвѣтствующими новыми задачами и новыми цѣлями.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ слишкомъ часто забывали эту связь патріотизма съ гражданственностью, и потому уже совсѣмъ не представляли себѣ той связи, которая существуетъ въ дѣйствительности

между патріотизмомъ и международностью. Патріотизмъ и международность, казалось, просто исключаютъ другъ друга, и такъ стало тѣмъ болѣе казаться съ тѣхъ поръ, какъ настоящая война нанесла свой страшный ударъ второму интернаціоналу рабочаго класса.

Но такъ ли на дѣлѣ?—Думаю, что рѣшительно не такъ, что жестокій урокъ настоящей войны—если читать его съ должнымъ вниманіемъ—говоритъ о многомъ и разномъ, но только совсѣмъ не о томъ, что международность и патріотизмъ исключаютъ другъ друга при всякихъ условіяхъ.

Патріотизмъ войны разрушилъ не международность, а только ту форму международности, которую настоящій моментъ катастрофы получилъ въ наслѣдство отъ послѣднихъ десятилѣтій. Эта форма дѣйствительно разрушена: блестящая видимость и скудное содержаніемъ нутро могли спрягаться другъ съ другомъ только до тѣхъ поръ, пока не существовало серьезной международной „практики“, которая бы подвергала испытанію эту форму. Стоило „практикѣ“ явиться, достаточно было вспыхнуть міровому пожару, чтобы при свѣтѣ его стало ясно, какъ день, что международность была до сихъ поръ совсѣмъ не факторомъ общественно-политической жизни, не достояніемъ массоваго сознанія, а только—идеологической формулой или хуже еще—парадною фразой, которою по праздникамъ, въ высокоторжественныхъ случаяхъ, привыкли обмѣниваться между собою главари отдѣльныхъ пролетарскихъ движеній. И вмѣстѣ съ тѣмъ стало ясно, что и высшее проявленіе этой казовой международности, второй интернаціоналъ рабочаго класса, за всю четверть вѣка своего бытія, не обрѣлъ самостоятельнаго, наднаціональнаго, международнаго существованія. Онъ все время игралъ лишь подсобную роль для національно-пролетарскихъ коллективовъ, помогая нормировать имъ—съ ихъ общаго согласія—нѣкоторыя стороны ихъ національно-пролетарскихъ движеній. Но онъ не былъ когда-либо въ силахъ стать дѣйствительно верховной инстанціей для этихъ движеній, той высшей волей международности, передъ изъявленіемъ которой имѣютъ склониться всѣ частныя воли, всѣ національно-пролетарскія индивидуальности.

Потому я и опредѣлялъ въ своей статьѣ о второмъ интернаціоналѣ рабочихъ, какъ основную черту его,—национальное сознаніе, регулируемое международными правилами, а отнюдь не сознаніе международное, совершенно отличное отъ него, принципіально иное,—не сознаніе международное, которое не перестаетъ быть международнымъ, сколь бы сильно ему ни приходилось считаться съ національными особенностями и правами каждаго изъ входящихъ въ составъ

международнаго общенія національно-государственныхъ цѣлыхъ. Такого международнаго сознанія еще не было въ современномъ рабочемъ движеніи къ моменту, когда пробилъ часъ катастрофы; до такого сознанія оно еще не смогло дорасти и не доразвило своей практики.

Это и обнаружила война, развѣявъ иллюзіи и показавъ настоящую пропорцію явленій—левіаѳана національно-государственной гражданственности и пигмея—эмбріона гражданственности международной. Національно-государственная гражданственность это, вѣдь, итогъ столѣтняго развитія. Международность—это даже еще не развитіе, это—пока что—предисловіе къ развитію, которое придетъ, какъ выводъ изъ предыдущаго, какъ его необходимый переломъ, который будетъ означать, что гражданственность—и въ первую очередь гражданственность пролетаріата—начинаетъ и въ самомъ дѣлѣ, перерастая, ломать существующія національно-государственныя перегородки, начинаетъ и въ самомъ дѣлѣ жить жизнью цѣлаго міра.

Впрочемъ, будетъ точнѣе сказать: этотъ переломъ у ж е наступилъ, это развитіе—въ своемъ исходномъ моментѣ—у ж е началось. Они даны настоящей войной, которая въ своихъ нѣдрахъ таитъ не одно разрушеніе, но и совершающееся—мимо ея воли—созиданіе. Война не только реализуетъ накопленную вѣковымъ развитіемъ силу гражданственности въ національно-государственныхъ рамкахъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ реализуетъ и первый серьезный прорывъ этихъ рамокъ гражданственностью и тѣмъ самымъ кладетъ первый камень того фундамента, на которомъ будетъ отстраиваться зданіе ощущаемой и сознаваемой массами, не безвольной, какъ до сихъ поръ, а надѣленной творческой волею международности.

Подъ шумъ войны, въ хаосѣ величайшихъ событій, которыя набѣгаютъ одно на другое, какъ волны, представители буржуазнаго міра, господствующіе классы, уже мастерятъ на свой ладъ—по своему подобію и образу—свое собственное преодолѣніе старыхъ рамокъ и свою собственную sui generis международность въ видѣ постепеннаго превращенія прежнихъ довлѣющихъ себѣ государствъ въ зависимые члены новѣйшихъ коалицій—своего рода государственныхъ трѣстовъ. Совершенно очевидно, что и пролетаріату соотвѣтственно этому строительству придется перестраивать свою старую общественность, исключительно приноровленную къ національно-государственнымъ рамкамъ, на новый болѣе широкій масштабъ, и формировать свою пролетарскую международность.

Разумѣется, неблагодарная задача предсказывать, какъ будетъ въ точности выглядѣть эта пролетарская международность, и мы за

эту задачу не беремся; но существуютъ тѣмъ не менѣе нѣкоторые общіе признаки, которые можно и теперь уже установить, ибо они намѣчаются всѣмъ направленіемъ современнаго кризиса, переживаемаго міровою общественностью.

Эта пролетарская международность будетъ, безъ сомнѣнія, развиваться, съ одной стороны, какъ антитеза буржуазной международности съ ея характеромъ борьбы группъ—единоборства конкурирующихъ трёстовъ: этой буржуазной борьбѣ пролетарская международность противопоставитъ, какъ свой верховный принципъ, міровое единство пролетаріата, не признающаго различія между іудеемъ и эллиномъ. И съ другой стороны, она явится также антитезой и той прошедшей международности, развитіе которой завершилось крушеніемъ въ годину войны. Чтобы оказаться жизнеспособной, она вынуждена будетъ въ соотвѣтствіи съ слагающейся новой общественностью создать международную властную волю. Ея не было прежде—этой воли, тѣмъ настоятельнѣе будетъ ощущаться нужда въ ней теперь, когда весь ходъ современной жизни такъ явственно для всѣхъ начинаетъ перекладываться на международные рельсы.

Но эта властная воля должна будетъ считаться съ той конъюнктурой исторіи, которой она обязана своимъ бытіемъ, а, стало-быть—и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что возникаетъ она не на развалинахъ старой національно-государственной общественности, а въ эпоху, когда образовалась лишь первая трещина этой общественности, когда эта общественность ищетъ способовъ приспособленія, когда силы ея далеко не изжиты и когда въ этихъ силахъ имѣются даже элементы, сохраняющіе свою прочную цѣнность для пролетаріата и для всего мірового развитія.

Въ самомъ дѣлѣ, надо помнить и то, что рядомъ съ силами имперіалистскаго хищничества продолжаютъ вести свою линію и силы другого порядка—силы сложившихся въ національно-государственныхъ рамкахъ многообразныхъ и многогранныхъ культуръ. Съ культурно-политическимъ единствомъ, образующимъ національно-государственную индивидуальность каждой страны, международная воля должна будетъ считаться не только какъ съ силой, которую сейчасъ нельзя превозмочь и съ которой поэтому заключаютъ компромиссъ—перемиріе, но и какъ съ подлиннымъ накопленнымъ исторіей богатствомъ, которое надо беречь и которое—будучи претворено—ляжетъ въ основу высшей культуры грядущаго.

Считаясь же съ этимъ національно-государственнымъ индивидуализмомъ каждой страны—тѣмъ самымъ индивидуализмомъ, который,

кстати сказать, давно уже признанъ законнымъ въ извѣстномъ и популярномъ тезисѣ о правѣ на самоопредѣленіе,—международная воля будетъ eo ipso считаться и съ явленіемъ, производнымъ отъ этого индивидуализма,—съ патріотизмомъ въ его пролетарски-демократической сущности.

Она возьметъ этотъ патріотизмъ, она приметъ сознаніе и чувство національно-государственной особенности, какъ одну изъ составныхъ частей своей международной пролетарской политики, какъ ту грань, которую нельзя, насилуя, переступать при постановкѣ своихъ международныхъ цѣлей и при осуществленіи своихъ международныхъ задачъ.

Это не значитъ, какъ думаетъ Каутскій, что пролетаріатъ всѣхъ странъ, ведущихъ войну, одинаково правъ, берясь за оружіе и поддерживая оружіе силою общественнаго мнѣнія, различными видами коллективной работы. Но это значитъ, во-первыхъ, что международная воля, сформировавшись, если бы еще не была въ состояніи своимъ противодѣйствіемъ просто-на-просто помѣшать наступленію общественнаго бѣдствія, то, во всякомъ случаѣ, была бы должна начать свою миссію съ возложенія на пролетаріатъ этихъ странъ существенно различныхъ обязанностей: призывая однихъ къ оборонѣ, она призывала бы другихъ, памятуя Лассаля, поднять знамя „депопуляризаціи“ войны.

Это значитъ, во-вторыхъ, что и „виновную“ сторону, когда дѣло обороны ея антагонистовъ было бы успѣшно закончено, она не позволила бы экзекутировать: наступилъ бы моментъ, когда международная воля провозгласила бы прежнюю виновницу въ состояніи законной обороны, а противниковъ ея вершащими уже неправое дѣло, которое слѣдуетъ остановить всѣми силами и больше всего тѣми силами, которыми располагаетъ демократія и пролетаріатъ этихъ странъ.

Такъ международность упирается въ индивидуальность каждой страны, индивидуальность, которую въ ея дѣйствіяхъ можно и должно ограничивать въ интересахъ и цѣляхъ международнаго развитія и международной справедливости, но на которую, даже и въ выгодахъ этого развитія, посягать нельзя, тѣмъ болѣе нельзя подвергать уничоженію.

Но наличность національно-государственныхъ индивидуальностей опредѣляетъ отрицательную программу международности—что ей не слѣдуетъ дѣлать. Она не опредѣляетъ положительную—что ей дѣлать надлежитъ по пути къ осуществленію своей конечной задачи.

Положительное содержаніе международной политики пролетаріата—даже и въ той части ея, которая непосредственно соприкасается съ войной,—выходитъ далеко за предѣлы вопросовъ національной обороны;

оно куда шире и много сложнѣе подобныхъ вопросовъ и, конечно, не можетъ сводиться къ консервативной охранѣ statu quo ante bellum—положенія вещей до войны, ибо всякая война—и особенно подобная той, которая въ настоящее время охватила Европу, обладаетъ способностью стихійно подымать и развертывать вопросы, до того не поставленные или находившіеся въ зародышевомъ видѣ, а теперь получившіе въ своемъ развитіи революціонный толчокъ отъ войны и повелительно требующіе своего разрѣшенія.

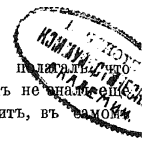
Такъ, настоящей войной воскрешенъ изъ многолѣтняго небытія тотъ старый польскій вопросъ, который, казалось, основательно забытъ, похороненъ въ мемуарахъ прежнихъ борцовъ и вычеркнутъ изъ предѣловъ возможнаго даже своими наиболѣе постоянными и наиболѣе упорными пропагандистами. А теперь къ нему, хочешь-не хочешь, придется установить отношеніе не только конгрессу державъ, но и пролетарской международности—въ случаѣ, если бы она тоже, какъ Польша, воскресла.

Такъ, событія на Балканскомъ полуостровѣ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго десятилѣтій заставили даже второй интернаціоналъ рабочаго класса, при всей его неприспособленности къ такого рода политикѣ, выступить съ провозглашеніемъ идеи балканской федераціи (включающей и Турцію), т.-е. идеи созданія новой государственной формаціи, какъ единственнаго метода разрѣшенія тѣхъ противорѣчій, которыя раздираютъ и другъ на друга натравливаютъ балканскіе народы, и какъ единственнаго средства обезопасить эти народы—созданіемъ крупной единицы—отъ колонизаціоннаго натиска всевозможныхъ державъ.

Это уже не вопросы обороны, т.-е. не вопросы только охраны того, что есть, но и вопросы активнаго строительства пролетаріата, его дѣйственнаго вмѣшательства въ международный зловѣщій хаосъ, являющійся такимъ характернымъ спутникомъ современнаго мірового, имперіалистскаго капитализма.

А отъ этихъ pas excellence международныхъ вопросовъ, поставленныхъ войнами, близокъ переходъ и къ вопросамъ, которые называются внутренними, но которые такіе же внѣшніе, такіе же по своему полновѣсному значенію, международные, какъ и каждый изъ нами отмѣченныхъ.

Такъ, сейчасъ едва-ли найдется охотникъ оспаривать Жореса, который первый въ свое время указалъ на всю международность значенія, казалось бы, исключительно внутренняго вопроса Германіи—вопроса о сохраненіи въ ней полуабсолютистскаго строя и вопроса о безсиліи

многомилліонной германской соціалдемократіи. Жоресъ полагалъ, что безсиліе этой партіи давитъ кошмаромъ на Европу. Онъ не знаетъ, тогда, какой ни съ чѣмъ несравнимый кошмаръ готовитъ, въ самомъ дѣлѣ, Европѣ политическая летаргія этой партіи...

И такъ же окончательно разъяснена въ настоящее время войной и до чрезвычайности заострена международность и цѣлаго ряда другихъ вопросовъ, по внѣшности столь-же „внутреннихъ“, какъ и германскій... Мы, вѣдь, лучше, чѣмъ кто-либо, знаемъ—послѣ года войны—что извѣстная система внутри данной страны парализуетъ ея внѣшнюю силу, и что параличъ этой силы можетъ до основанія измѣнить международную конъюнктуру войны и соотвѣтственно всѣ ея соціально-политическія послѣдствія.

Ясно: международной политикѣ пролетаріата, если бы таковая дѣйствительно, сформировалась, здѣсь открывалось бы необычайно широкое поле для воздѣйствія, для самаго активнаго вмѣшательства въ этотъ переплетъ явленій „внѣшнихъ“ и „внутреннихъ“, въ эти внѣшне-внутренніе и внутренне-внѣшніе узлы, которые надлежало бы распутать или разрубить съ наибольшей пользою для мірового развитія.

И ясно: международной политикѣ пролетаріата приходилось бы дѣлать свое дѣло независимо отъ того, царитъ ли миръ или свирѣпствуетъ война. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ она шла бы за исконной, подкрѣпленной опытомъ и успѣхомъ увѣнчанной тактикой использованія—въ интересахъ пролетаріата—существующей неоднородности буржуазнаго міра—его взаимно противоборствующихъ силъ. Развивая свою собственную энергію коллективнаго дѣйствія, она сегодня поддерживала бы однѣ изъ этихъ силъ и боролась бы съ другими съ тѣмъ, чтобы завтра, быть можетъ, измѣнить свою позицію на діаметрально противоположную вчерашней, но ни въ какомъ случаѣ не измѣнять своему правилу: вездѣ и всегда продвигаться впередъ къ своей цѣли. Активное и самостоятельное вмѣшательство международной воли пролетаріата въ войну было бы, такимъ образомъ, всего-на-всего однимъ изъ приложеній этой тактики; та или другая возможная „ориентація“ простымъ случаемъ преходящаго использованія въ своихъ цѣляхъ неоднородныхъ господствующихъ силъ современнаго общества.

Итакъ, теоретическая линія международной политики пролетаріата вырисовывается. Что же касается практическаго проведенія ея, осуществится ли оно цѣликомъ или только частично, то все зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ разовьется въ ближайшее время процессъ интернаціонализаціи общественной жизни вообще, пролетарскаго движенія въ особенности.

Пока что, передъ нами лишь самый начальный періодъ этой интернаціонализаціи общественности, ея (интернаціонализаціи) кровавое вступленіе войной. Дѣйствуетъ стихія, но нѣтъ еще сознательныхъ всходовъ, культурнаго плода этого перерастающаго національно-государственныя рамки новаго, расширеннаго, поднявшагося на высшую ступень теченія жизни. Международная воля—международное дѣйствіе—это музыка будущаго, быть-можетъ, и не отдаленнаго, но еще не наступившаго, для приближенія котораго еще надо изрядно поработать, чтобы его взять у исторіи, чтобы его раздобыть—заслужить.

И работая, надо помнить: международная воля — международное дѣйствіе являются въ извѣстномъ смыслѣ отрицаніемъ той воли и того дѣйствія въ національно-государственныхъ рамкахъ, которыя имъ предшествовали. Но они не только отрицаніе ихъ; они въ то же время и ихъ продолженіе, они невозможны безъ этихъ своихъ предшественниковъ; они мыслимы лишь, какъ доразвившійся до своего отрицанія національно-государственный—пролетарскій и иной—патріотизмъ, какъ вершина, вѣнчающая цѣлую гору гражданскихъ переживаній въ національно-государственномъ масштабѣ.

Вотъ почему этотъ шквалъ патріотизма на Западѣ, принесшій такъ много разочарованій и разбившій столько кумировъ, не сдѣлалъ меня пессимистомъ. Какъ бы ни шумѣлъ этотъ шквалъ, неся соръ шовинизма, имперіалистскую шелху и прочіе отбросы буржуазнаго міра, я знаю—онъ несетъ и свое преодолѣніе. Я знаю: когда уляжется та муть, которая поднята шквалом, то окажется, что гораздо больше, чѣмъ когда-либо прежде, что только теперь впервые—хотя сколько-нибудь—подготовлена почва для международности.

И потому же, почему я оптимистъ для Запада, я пессимистъ для Востока. Я не вѣрю въ восточный интернаціонализмъ, который, будто бы, процвѣлъ и спасаетъ честь соціализма, между тѣмъ какъ Западъ увялъ и погрузился въ грѣховность. Я съ подозрѣніемъ смотрю на этихъ восточныхъ праведниковъ, несущихъ сейчасъ свое просіянье ума европейскому грѣшному міру, и я твердо храню въ своей памяти, что это не въ первый уже разъ Пошехонье спасаетъ Европу.

Три четверти вѣка назадъ помѣщичьи-крѣпостная Россія приняла спасать Европу Бакунинымъ и—черезъ четверть вѣка—доспасала... до уничтоженія дѣтища Маркса, — приснопамятнаго перваго интернаціонала рабочихъ. И тогда же — три четверти вѣка назадъ—впервые началось и наше просіянье ума: отъ славянофиловъ и Герцена вьется

тропка къ разработанному впослѣдствіи ученію о томъ, что Россія, минуя капиталистическое развитіе Запада, благодаря своимъ специфическимъ свойствамъ, прямикомъ-де грядетъ въ соціалистическое царство братства и равенства.

И я чувствую, какъ вновь въ наши дни оживаетъ знакомый курилка—традиціонная россійская отсебятина.

Какъ прежде безъ капитализма мы шли въ соціализмъ, такъ теперь, пренебрежительно отшвыривая патріотизмъ, какъ что-то отжившее, мы уже видимъ себя интернаціоналистами безъ страха и упрека. Мы аплодируемъ тому, что различныя отвѣтственныя лица пролетаріата не рѣшаются выставить знамя обороны, какъ знамя борьбы съ двоякимъ врагомъ; и въ равнодушіи обывателя, которому въ глубокой мѣрѣ безразлично, больше или меньше въ Россіи десятками губерній и доразовьется ли она, все пятясь назадъ, до былого московскаго царства,—склонны усматривать высшій политическій разумъ свѣжеиспеченнаго гражданина міра.

И мы не хотимъ понять, что россійской обывательской массѣ—пролетарской и всякой другой—еще надо поступить въ приготовительный классъ той школы гражданственности, черезъ которую—въ теченіе ста лѣтъ и болѣе—проходила Европа, еще надо предварительно сбросить съ себя первобытную шкуру обывателя-подданнаго восточной полуазіатской страны и ощутить с в о и м ъ національно-государственное цѣлое, какъ ощущаетъ его европеецъ, чтобы быть въ состояніи дойти до общественнаго международнаго сознанія и общественнаго международнаго чувствованія. Вѣдь, если европеецъ послѣ долгой работы—борьбы въ цѣломъ рядѣ поколѣній, несмотря на всевозможное гражданское строительство крупнаго и малаго размѣровъ, испытавъ и пламя революціи, и незатѣйливую на видъ, но такую отвѣтственную обстановку будней гражданственности, если онъ только теперь прикоснулся къ порогу подлинной международности и все еще находится въ ея преддверіи, то мы съ своей стороны даже не дошли и до черты патріотизма, какъ массоваго общественнаго явленія, какъ активнаго гражданскаго чувства.

Ибо патріотизмъ гражданина—одно, а то, что нерѣдко слываетъ за патріотизмъ въ обиходѣ обывателя—совершенно другое.

Патріотизмъ гражданина несетъ—буде нужно—достояніе и жизнь на алтарь своей родины; но патріотизмъ гражданина жертвуетъ всѣмъ и за то, чтобы алтарь и въ самомъ дѣлѣ былъ алтаремъ, а не зазорнымъ свалочнымъ мѣстомъ.

Такъ называемый же патріотизмъ до-гражданскаго обывательскаго состоянія лишь по какому-то недоразумѣнію обозначается сло-

вомъ, указующимъ на связь человѣка съ своимъ національно-государственнымъ цѣлымъ, съ своей—patria.

Этой-то связи и нѣтъ, потому что нѣтъ р е а л ь н а г о представленія о томъ, что такое эта patria, отечество, цѣлое. Нѣтъ патріотизма въ собственномъ смыслѣ этого слова, ибо никогда не упражнялось чувство связи индивида съ общественно-политическимъ организмомъ, а есть зоологическая каратаевщина, фаталистическая покорность судьбѣ, безстрашное пріятіе смерти, словомъ, то, что такъ прекрасно выражено Пушкинымъ въ его образѣ раба, безропотно и безтрепетно идущаго—по слову владыки—къ смертоносному Анчару.

Тому назадъ лѣтъ одиннадцать, во время начала японской войны, въ своей статьѣ „О патріотизмѣ“, за рубежомъ напечатанной въ „Искрѣ“, а въ Россіи перепечатанной въ сборникѣ „За два года“, я пытался, съ одной стороны, очертить этотъ зоологическій, каратаевскій quasi-патріотизмъ, нашедшій свое преимущественное выраженіе въ воинской храбрости, и съ другой—прослѣдить генезисъ у насъ въ Россіи гражданскаго патріотизма. И я говорилъ, что русло этого патріотизма постепенно ширится: отъ одиночекъ — слишкомъ сто лѣтъ назадъ — какъ Радищевъ, черезъ группы декабристовъ мы приходимъ къ различнымъ формамъ и видамъ патріотической гражданственности цѣлаго слоя разночинной интеллигенціи, готовой душу свою положить за други своя, т.-е. за преображеніе отечества на началахъ справедливости; и, наконецъ—къ мятущемуся авангарду рабочаго класса, къ широкимъ народнымъ пластамъ. И я пояснялъ, что только эта расширяющаяся струя гражданскаго новаторства и заслуживаетъ у насъ въ Россіи быть названной патріотичной, ибо только эта струя одна въ атмосферѣ всеобщей обывательской аморфности, вопреки предписанію начальства, не занимается подобно всей прочей разносоставной странѣ исключительно дѣломъ приватнымъ, а занята мыслью о родинѣ, поглощена идеей служенія ей...

Съ тѣхъ поръ, какъ изложены были эти мысли моей старой статьи многое стало инымъ въ Россіи: осложнилось, сдвинулось... Промелькнулъ метеоромъ 905-ый годъ, своимъ блескомъ оттѣняя послѣдовавшій за нимъ густѣющій мракъ черной ночи; жили и умирали Государственныя Думы, кое-гдѣ продолжали терпѣться и даже расти отдѣльные побѣги общественной самодѣятельности.

Но основное положеніе статьи остается, мнѣ кажется, нетронутымъ. Думаю даже, что если что и надо измѣнить въ тогдашнихъ моихъ утвержденіяхъ, такъ это развѣ мой оптимистическій взглядъ на растущую струю гражданскаго патріотизма, которая, будто бы, уже до-

бралась до толщи народа и побѣждаетъ его вѣковую аморфность, его традиціонное невѣдѣніе того, что существуетъ на свѣтѣ общественно-политическое цѣлое, которое зовется Россіей и о которомъ надо позаботиться... Жизнь показала за это истекшее десятилѣтіе и еще болѣе за страшный годъ войны, что власть историческаго прошлаго еще гораздо сильнѣе тяготѣетъ надъ нами, чѣмъ мы думали раньше; что мы влачимъ на себѣ не только отсутствіе гражданственности, которое было присуще и всей дореволюціонной Европѣ, но и бремя жестокаго наслѣдія—нашего промежуточнаго, по мысли Плеханова, развитія—чего то средняго между движеніемъ Европы и неподвижностью Азіи. И потому въ Россіи все еще нѣтъ патріотизма, какъ массоваго явленія; и потому дорваться Россіи до патріотизма, значитъ дорваться до Европы, значитъ стряхнуть съ себя мертвыя объятія азіатчины, значитъ взять огромную метлу въ свои руки и начать выметать изъ Россіи ея многовѣковую нечисть.

И еще: я одиннадцать лѣтъ назадъ недооцѣнивалъ и то огромное вліяніе, которое эта наслѣдственная наша аморфность производитъ на умы; то растлѣвающее дѣйствіе, какое она способна оказать и на струю новаторства, въ которой я концентрировалъ тогда всю патріотическую гражданственность Россіи. Гражданская аморфность есть гражданская безпочвенность—естественная основа и для безпочвенности мысли, для хроническаго рецидива, давно уже, казалось, умершихъ утопій. Но я не представлялъ себѣ когда-либо, что мертвый можетъ до такой степени хватать живого; что накопленныя цѣнности десятилѣтій работы могутъ съ одного единственнаго раза пойти прахомъ—куда то исчезнуть, и люди, произведшіе значительную часть этой работы, будутъ сами разрушать ее теперь до основанія, въ какомъ то припадкѣ безумія! Что затуманятся самыя ясныя головы, замутятся самые дальнозоркіе глаза и станутъ видѣть миражи, и умудренные опытомъ общественные дѣятели заведутъ рѣчи—какъ о чемъ то, что въ порядкѣ вещей, а не въ порядкѣ чудесъ—о Россіи, еще не доросшей до патріотизма, но уже зажигающей свѣтъ на весь міръ, святымъ духомъ нисходящій на Европу. И эти рѣчи при этомъ не будутъ восприниматься слушателями, какъ издѣвательство надъ нашей бѣдной Россіей!..

Нѣтъ! Я оптимистъ для Запада и пессимистъ для Востока! Можно было бы сойти съ ума въ Россіи, если бы—несмотря на всяческія превратности исторіи—все же не брезжилъ свѣтъ въ европейскомъ окошкѣ и не указывалъ намъ: черезъ патріотизмъ—иного пути нѣтъ—въ международное царство братства и равенства!

А. ПОТРЕСОВЪ.

Рабочій классъ и національное чувство.

Слова „рабочіе не имѣютъ отечества“ были написаны великимъ основоположникомъ научнаго соціализма тогда, когда казалось, что старый міръ близокъ къ разрушенію, когда предполагалось, что находящіяся въ распоряженіи производительныя силы „не могутъ уже болѣе способствовать росту имущественныхъ отношеній и что эти производительныя силы уже приводятъ въ разстройство—угрожаютъ существованію самой буржуазіи“.

Исторія судила иначе. Почти семь десятилѣтій прошло съ тѣхъ поръ какъ написанъ „Коммунистическій манифестъ“—семь десятилѣтій прошло съ того времени, когда Марксъ въ 1847 г. преподавалъ европейскимъ инсургентамъ-революціонерамъ, какъ обращаться съ общественными зданіями, если они сдѣлаются достояніемъ народа... За это время развитіе производительныхъ силъ Европы достигло колоссальныхъ размѣровъ, а моментъ крушенія стараго строя еще не наступилъ.

Но если, съ одной стороны, буржуазный строй жизни оказался болѣе живучимъ и приспособленнымъ, чѣмъ казалось когда-то,—то, съ другой стороны, и западно-европейскій пролетаріатъ не стоялъ на мѣстѣ въ своемъ развитіи. Шестьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ спустя послѣ „Коммунистическаго манифеста“ западно-европейскіе рабочіе уже не выступаютъ только „бунтовщиками“ въ моменты стихійнаго подъема, а являются организованной арміей труда, имѣющей цѣлый рядъ опорныхъ пунктовъ въ видѣ политическихъ партій, профессіональныхъ союзовъ и кооперативовъ.

Рабочій классъ Европы вступилъ въ исторію двадцатаго столѣтія съ большимъ экономическимъ благосостояніемъ и съ большимъ досугомъ для своего саморазвитія. Демократизація науки, искусства и литературы, при этихъ новыхъ условіяхъ, способствовала повышенію общаго куль-

турнаго уровня трудящихся, а эта повышенная культурность не могла не приводить къ большему развитію своего классоваго самоопредѣленія.

Но опираясь на свои мощныя экономическія и политическія организаціи, западно-европейскіе рабочіе уже потеряли склонность дѣйствовать по велѣнію одного чувства. Нѣтъ, каждый свой шагъ они учитывали, строго взвѣшивая возможные шансы побѣды.

Такой способъ борьбы не могъ нравиться идеологамъ анархо-синдикалистскаго метода дѣйствій. Предлагался другой путь—путь „дерзаній", путь дѣйствій, подчиненныхъ исключительно велѣнію чувства.

И такъ какъ тактическая тенденція западно-европейскаго движенія была иная, то сторонники „прямого дѣйствія" съ грустью говорили: да, западно-европейское движеніе со своими тяжеловѣсными организаціями „вростаетъ" въ буржуазный строй,—оно вступило на путь приспособляемости и только проповѣдь и примѣръ героизма и отваги можетъ остановить эту тенденцію „вростанія", угашающую духъ европейскаго пролетаріата.

Нельзя сказать, что проповѣдники болѣе дѣйственнаго отношенія къ жизни были совсѣмъ не правы, ибо каждое явленіе жизни носитъ въ самомъ себѣ роковыя противорѣчія. Это противорѣчіе имѣлось и здѣсь: старое положеніе гласило, что пролетаріату нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей, а жизнь говорила, что при неудачномъ исходѣ пролетаріатъ могъ потерять очень многое, съ такимъ трудомъ завоеванное. И чѣмъ больше завоеваній, тѣмъ большій рискъ потерять ихъ.

Это противорѣчіе, въ значительной степени, несомнѣнно сказалось и въ отношеніи къ войнѣ со стороны германскаго пролетаріата.

Но если организаціи рабочаго класса, вмѣсто того, чтобы дѣлаться опорными пунктами, становятся тяжелой гирей, мѣшающей побѣдному шествію, то, быть-можетъ, лучше возвратиться къ тому времени, когда рабочій классъ былъ „свободенъ" отъ этихъ „путъ"? Нѣтъ, это невозможно. Ибо тогда мы вернемся къ той эпохѣ, когда Энгельсъ писалъ свое „Положеніе рабочаго класса въ Англіи", т.-е. къ тому времени, когда пролетаріатъ былъ полонъ стихійнаго возмущенія, но былъ забитъ, невѣжественъ и не имѣлъ навыковъ для планомѣрныхъ и организованныхъ выступленій.

Діалектика рабочаго движенія привела пролетаріатъ отъ стихійнаго взрыва недовольства своимъ положеніемъ къ правильному организованному методу дѣйствій. Но обѣ эти стадіи носятъ въ себѣ элементы ограниченности, и будущій синтетическій періодъ въ области тактики приведетъ къ сочетанію сознанія и чувства въ движеніи рабочихъ массъ. На этотъ путь какъ-разъ и вставало, подчиняясь логикѣ историческаго

развитія, міровое рабочее движеніе за послѣдніе годы (въ частности въ Англіи), но шествіе по пути этого сочетанія было прервано міровой катастрофой.

Если мы признаемъ, что исторія двигается такъ, а не иначе,— значитъ, намъ остается пріять міръ такъ, какъ онъ есть. Это пріятіе міра отнюдь не избавляетъ насъ отъ необходимости активнаго вмѣшательства въ жизнь. Но это вмѣшательство будетъ плодотворнымъ только тогда, когда жизнь будетъ понята вполнѣ, со всѣми ея противорѣчіями и со всей сложностью.

Мы сказали уже, что общій болѣе повышенный культурный уровень жизни европейскихъ трудящихся массъ привелъ и къ болѣе ярко выраженному классовому самосознанію. Но этотъ же высшій уровень сознанія привелъ къ тому, что всѣ блага культуры, дѣлаясь достояніемъ широкихъ массъ, вели къ воспріятію этой культуры прежде всего въ рамкахъ своей національности. Поэтому національное міроощущеніе отнюдь не исчезло. Оставаясь въ скрытомъ состояніи оно росло и сама борьба за свои интересы мыслилась пролетаріатомъ каждой страны, прежде всего, какъ борьба съ эксплоататорами своей собственной страны.

Нельзя у рабочихъ отнять того, чего у нихъ нѣтъ,—писалъ Марксъ по поводу отечества. Но съ прозорливостью геніальнаго мыслителя, предугадывая неизбѣжную стадію развитія, Марксъ говоритъ вслѣдъ за этимъ: „Пролетаріатъ, который долженъ сперва завоевать политическое господство, подняться на высоту національнаго класса, конституировать какъ націю, себя самаго, пока еще національненъ, хотя отнюдь не въ буржуазномъ смыслѣ“.

Значитъ, Марксъ понималъ, что само политическое господство рабочаго класса, предполагаетъ извѣстную высоту своего пролетарскаго національнаго самосознанія. Это, конечно, не исключаетъ того обстоятельства, что современный капитализмъ приводитъ къ уничтоженію національной обособленности. Но уничтоженіе обособленности не есть уничтоженіе національности.

Передъ пролетаріатомъ каждый изъ воюющихъ странъ предстала опасность порабощенія, тѣмъ или инымъ способомъ иноземнымъ завоевателемъ. И эта возможная опасность предстала одинаково для всѣхъ воюющихъ странъ.

Мы ни на минуту не упускаемъ изъ вида, что инициатива войны принадлежитъ Германіи и Австріи. Это прекрасно понимала и нѣмецкая

соціалистическая печать, которая накапунѣ войны самымъ рѣшительнымъ образомъ порицала вызывающее поведеніе австрійскаго правительства. Но разъ война началась каждый народъ воюющаго правительства стоитъ передъ возможнымъ фактомъ вторженія въ его странъ и разрушенія его благосостоянія. Положеніе вещей можетъ мѣняться на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и море слезъ и страданій затопляетъ каждую изъ воюющихъ странъ. Результатами войны распоряжаются господствующіе классы, и пролетаріатъ каждой изъ воюющихъ странъ безсиленъ остановить дѣйствіе своего правительства въ покоренныхъ областяхъ. Изъ этого безсилія, при наличности захваченной непріятелемъ территоріи, вытекаетъ право каждаго народа на свою самозащиту, а событія въ Бельгіи дають яркій примѣръ взаимнаго трагическаго положенія воюющихъ народовъ.

Такъ, война изъ наступательной можетъ перейти въ оборонительную. Такъ, напр., для французской рабочей демократіи 1870 г. было ясно, что правящая клика, окружавшая Наполеона III, съ императрицей Евгеніей во главѣ, спекулировала на войну — и тѣмъ не менѣе для французскаго народа война приняла явно-оборонительный характеръ.

Но, скажутъ намъ, если рабочая демократія Европы очутилась въ такомъ положеніи, то не лучше ли было, напр., германскимъ рабочимъ открыть эру гражданской войны за свое полное освобожденіе? Но въ томъ-то и дѣло, что провозгласить эру гражданской войны одно, а реализовать это пожеланіе—другое. Если бы народы Европы были въ состояніи это сдѣлать, то резолюція Базельскаго конгресса мира не была бы только прологомъ къ великой міровой драмѣ.

Конечно, въ средѣ соціалистовъ всѣхъ странъ имѣются свои Зюдекумы, опошляющіе великую идею Интернаціонала, но, разсматривая движеніе рабочихъ массъ въ каждой изъ воюющихъ странъ (за исключеніемъ Россіи съ ея исключительной политической ситуаціей), мы видимъ, что тѣ или иныя дѣйствія рабочихъ партій, немыслимыя въ нормальное время, — напр., вхожденіе въ министерство, голосованіе за

военный бюджетъ и проч.,—продиктованы чувствомъ опасности еще большаго порабощенія путемъ аннексіи, тяжелыхъ контрибуцій и другихъ тяготъ, которыя прежде всего ложатся на трудящіяся массы побѣжденной страны. Но это опасность всеобщая, ибо ни англійская, ни французская, ни бельгійская буржуазія ничуть не сантиментальна и при благопріятныхъ для нея условіяхъ не уступитъ въ алчности германскимъ имперіалистамъ.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что поведеніе германской партіи безупречное. Оправданіе или замалчиваніе нѣмецкой рабочей партіей цѣлаго ряда дѣяній своего правительства во время войны, а главное признаніе имперіализма необходимымъ и полезнымъ для германской рабочей демократіи,—все это показываетъ, какъ высоко подняли голову всѣ тѣ элементы германской партіи, которые въ мирное время такъ стыдливо затушевывали свой скрытый зоологическій національнизмъ. Все это оказалось неожиданнымъ для тѣхъ, кто привыкъ считать Германію классической страной рабочаго движенія.

Но при всемъ томъ и для Германіи мыслимъ былъ моментъ, когда война изъ наступательной могла перейти въ оборонительную. Теперь же положеніе обязываетъ, и нѣмецкіе рабочіе должны первые взять на себя починъ рѣшительной агитаціи за всеобщій миръ. Впрочемъ, теченіе за миръ безусловно наростаетъ сейчасъ среди германской и австрійской рабочей демократіи. Объ этомъ говоритъ и послѣдняя резолюція венгерскихъ соціалистовъ.

Что касается Россіи, то при наличности захвата непріятелемъ восемнадцати губерній и при стремленіи его продвинуться дальше въ глубь страны, только при полномъ нигилизмѣ можно говорить: трудящихся массъ Россіи это не касается. Мы не можемъ желать разгрома чужой страны, но мы не хотимъ разгрома и страны своей. О пораженчествѣ и его психологіи уже писалось достаточно и уже отмѣчался въ печати центральный слабый пунктъ этого быстро идущаго на убыль теченія: пораженцы плохо вѣрятъ въ силы рабочей демократіи, а посему имъ хочется ускорить процессъ раскрѣпощенія страны при помощи чужихъ пушекъ.

Кромѣ того, предполагается, что русскому народу нечего терять въ этой великой войнѣ. Но и это большая ошибка. Не останавливаясь на возможныхъ экономическихъ послѣдствіяхъ пораженія, кстати сказать еще недостаточно выясненныхъ, мы напомнимъ только, что латышская соц.-дем. опредѣленно высказалась противъ аннексіи своей родины—Прибалтійскаго края... Но вѣдь это только одно изъ условій мира. Чѣмъ побѣдоноснѣе будетъ шествіе непріятеля, тѣмъ болѣе тяжелыя условія

мира будетъ предложены Россіи, тѣмъ, слѣдовательно, тяжелѣе отразится исходъ войны на положеніи нашей трудовой и рабочей демократіи.

„У рабочихъ нѣтъ отечества“—повторили нѣкоторые рабочіе на историческомъ отнынѣ собраніи рабочихъ-выборщиковъ въ петроградскій военно-промышленный комитетъ. Но это просто заученная и непродуманная фраза. Пусть эти рабочіе попадутъ когда-нибудь въ положеніе эмигрантовъ и тогда они почувствуютъ, что любовь къ родинѣ не пустой звукъ, что само участіе въ творчествѣ новыхъ формъ жизни мыслимо для нихъ, прежде всего, въ предѣлахъ своего отечества. Тогда при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ они скажутъ вслѣдъ за поэтомъ-общественникомъ, что „милѣй въ своихъ лохмотьяхъ и слезахъ страна родная“.

Поэтъ-каторжникъ П. Якубовичъ въ прекрасномъ стихотвореніи „Къ родинѣ“ выразилъ это противорѣчивое чувство „странной любви“ къ своей родинѣ русскаго борца за передовые идеалы человѣчества. Поэтъ не закрываетъ глазъ на то, что для многихъ изъ насъ родина является безчеловѣчной мачехой. Онъ перечисляетъ рядъ бѣдствій, падающихъ на голову русскихъ активныхъ гражданъ и, перечисливъ рядъ бѣдствій, спрашиваетъ, обращаясь къ родинѣ: „за что любить тебя?“ И онъ признается, что нельзя отвѣтить на этотъ вопросъ; онъ говоритъ только, что за сліяніе со своимъ народомъ, за „сѣрый небосводъ“ своей родины онъ „крестъ нести бы радъ безъ стона и проклятья, тягчайшій изъ безчисленныхъ крестовъ“. И это пишетъ поэтъ, загнанный на край земли, пишетъ съ мѣста каторги, пишетъ не праздноболтающій, а человѣкъ положившій душу свою за великое дѣло любви.

Эта любовь къ родинѣ можетъ принимать острыя формы, когда страна въ опасности.

* * *

Такимъ образомъ, мы пришли къ слѣдующему.

Къ началу двадцатаго вѣка европейскій пролетаріатъ пришелъ съ извѣстными завоеваніями экономическими и политическими. Эти завоеванія подняли на болѣе высокую ступень западно-европейское рабочее движеніе. Пріобщеніе къ всесторонней культурѣ повысило чувство классоваго самосознанія пролетаріата. Но тѣ пріобрѣтенія, которыя добылъ рабочій классъ Европы,—были пріобрѣтеніями, добытыми въ

рамкахъ своего національнаго цѣлаго. Въ моментъ внѣшней опасности передъ рабочими каждой страны предстала угроза потерять эти завоеванія (что и случилось, напр., съ бельгійскими рабочими). Отсюда повышенное, въ моментъ опасности національное чувство, которое до сихъ поръ оставалось скрытымъ. Рабочій классъ Европы не въ силахъ былъ помѣшать войнѣ, а вслѣдствіе этого у рабочей демократіи каждой націи, взятой въ отдѣльности, нѣтъ увѣренности, что при наличности пораженія рабочая демократія государства-побѣдителя сможетъ помѣшать аннексіи, контрибуціи и прочимъ тяготамъ, которыя лягутъ на плечи трудящихся массъ побѣжденнаго государства.

ИВАНЪ КУБИКОВЪ.

Экономическое значеніе войны для Россіи.

I.

Міровая война является колоссальнымъ бѣдствіемъ для вовлеченныхъ въ нее странъ, бѣдствіемъ, размѣры и послѣдствія котораго въ настоящее время едва ли возможно учесть. Между тѣмъ экономическое значеніе ея еще не осознано не только широкими слоями демократіи, но и передовыми ея кругами.

Большею частію причины войны и ея значеніе формулируется ничего не говорящими сакраментальными формулами: „война является результатомъ развитія капитализма“, результатомъ происковъ „хищнической капиталистической буржуазіи“, „стремленія ея къ расширенію и захвату рынковъ“ и т. д. и т. д. Такія сакраментальныя формулы служатъ яко-бы признакомъ истиннаго марксистскаго пониманія значенія и причины войны и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ аргументомъ въ пользу того, что для демократіи той или другой страны безразличны конечные результаты происходящей теперь міровой борьбы.

Не трудно видѣть, что указанныя нами формулы ничуть не вскрываютъ ни причинъ возникновенія войны, ни ея значенія.

Всѣ современныя явленія культурной, политической и экономической жизни каждой страны происходятъ при томъ или иномъ участіи „хищнической капиталистической буржуазіи“ на почвѣ развитія капитализма, но это ничуть еще не объясняетъ и не освѣщаетъ каждаго конкретнаго явленія и его значенія для различныхъ классовъ населенія.

Политическій строй различныхъ европейскихъ государствъ является результатомъ ихъ капиталистическаго развитія. Различныя политическія

формы являются выраженіемъ и отраженіемъ обладанія властью тѣмъ или другимъ господствующимъ классомъ. Иногда при этомъ обладаніи проявляется особенно рѣзко „хищничество капиталистической буржуазіи“, но до сихъ поръ еще „истинный“ марксизмъ не рѣшался утверждать, что ему безразлично, кто обладаетъ политической властью, кто побѣждаетъ въ политической борьбѣ общественныхъ классовъ. Только анархисты рѣшаются утверждать, что участіе въ политической борьбѣ „въ свалкѣ хищниковъ изъ-за добычи“ не только не необходимо, но даже вредно, потому что современное государство есть организація классоваго господства и т. д. И хотя политическій строй различныхъ европейскихъ государствъ, такъ же какъ и современная война—плодъ этого строя, является результатомъ развитія капитализма и господства опредѣленныхъ общественныхъ группъ, тѣмъ не менѣе для демократіи совсѣмъ не безразличны формы политическаго строя. Напротивъ, иногда демократія слишкомъ односторонне останавливаетъ свое вниманіе на формахъ этого строя, мало обращая вниманія на его соціальныя основы. Когда рабочему классу говорятъ, что для него безразлично, какая существуетъ таможенная политика, продиктована ли она интересами господствующихъ классовъ враждебной страны, или опредѣляется борьбой классовъ внутри страны, то этимъ рабочій классъ вовлекается въ такое же заблужденіе, въ какое вовлекаютъ его анархисты, равнодушные къ политическимъ формамъ современнаго государства. Ибо та или другая таможенная политика не устраняетъ капиталистическихъ отношеній, а лишь вліяетъ на развитіе капитализма, точно такъ же, какъ тѣ или другія формы политическаго строя не устраняютъ соціальнаго уклада современныхъ государствъ, а лишь вліяютъ на соотношеніе силъ существующихъ соціальныхъ классовъ.

Къ сожалѣнію максимализмъ является, повидимому, неизбѣжной младенческой болѣзнью роста политическаго сознанія рабочаго класса, причемъ отсутствіе политическаго и соціальнаго опыта является какъ бы аттестатомъ, если не на политическую зрѣлость, то, по крайней мѣрѣ, на ортодоксальность, на правильность пониманія интересовъ рабочаго класса. Поэтому нѣкоторые соціалисты Россіи и Сербіи порицаютъ рабочій классъ Франціи, Бельгіи, Англіи, Австраліи и т. д. имѣющій колоссальный политическій и соціальный опытъ и, несмотря на это, яко бы, увлеченный буржуазіей на ложный путь. Если бы это было справедливо, то пришлось бы признать, что дальнѣйшее развитіе капитализма и увеличеніе классоваго опыта у рабочихъ ведетъ ихъ къ духовному подчиненію буржуазіи,—выводъ безнадежный съ изложенной нами точки зрѣнія. Потому что и экономически отсталыя страны—Россія

и Сербія когда-нибудь разовьются до степени развитія Франціи, Бельгіи и Англіи, когда-нибудь и рабочій классъ Россіи пріобрѣтетъ такой же политическій и соціальный опытъ.

II.

Правильной оцѣнкѣ экономическаго значенія войны и въ частности, значенія таможенной и торговой политики, которая явится въ результатѣ того или другого исхода войны, въ значительной степени мѣшаетъ лживое освѣщеніе экономическихъ отношеній почти всей буржуазной печатью, и особенно вопли о „нѣмецкомъ засильи“. Но сваливать непониманіе значенія совершающихся событій только на лживость и непониманіе другихъ во всякомъ случаѣ не приходится. Изъза того, что буржуазная печать защищая интересы промышленниковъ, а не промышленности, ложно освѣщаетъ происходящія явленія, ничуть не слѣдуетъ пренебрегать интересами экономическаго развитія страны, точно также какъ изъ-за стремленія нѣкоторыхъ круговъ общества къ завоеваніямъ и аннексіямъ ничуть не слѣдуетъ оставлять свою родину беззащитной.

Во всякомъ случаѣ для того, чтобы правильно оцѣнить экономическое значеніе войны, приходится критически отнестись, какъ къ тѣмъ эгоистическимъ групповымъ интересамъ, которые выдвигаются войной внутри страны, такъ и къ тѣмъ интересамъ, которые побудили господствующіе классы враждебной страны къ нападенію. Только послѣ такого предварительнаго анализа станетъ понятно истинное значеніе совершающихся событій и значеніе ихъ для рабочаго класса и демократіи.

До войны, когда торговыя отношенія самостоятельныхъ европейскихъ государствъ опредѣлялись не военными побѣдами, а соотношеніемъ общественныхъ силъ внутри страны, демократіи въ Россіи и, въ частности, автору этихъ строкъ, приходилось и еще придется бороться противъ аппетитовъ промышленниковъ, которые, яко бы во имя промышленнаго развитія страны, стремились къ введенію запретительныхъ пошлинъ на многіе ввозные товары. Для увеличенія своихъ барышей промышленники путемъ таможенныхъ пошлинъ облагали высокими данями потребителей и на столько повышали продажныя цѣны товаровъ, что сокращали внутреннее потребленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляли и производство. Исходя изъ правильнаго положенія, что при равныхъ условіяхъ русская промышленность не можетъ конкурировать съ иностранной, промышленники требовали необычайнаго повышенія таможен-

ныхъ пошлинъ, которое вело къ остановкѣ техническаго развитія при увеличеніи барышей. Вмѣсто постепеннаго пониженія пошлинъ по мѣрѣ развитія промышленности, происходило обратное,—постепенное ихъ повышеніе. Съ этой тенденціей необходимо было и будетъ необходимо бороться и въ интересахъ потребителей и въ интересахъ экономическаго развитія страны.

Вспыхиваетъ война. Германскіе промышленники и аграріи затѣяли ее, разумѣется, не безкорыстно, не для того, чтобы показать храбрость своихъ юнкеровъ, а ради экономическихъ выгодъ. Эти экономическія выгоды могутъ быть только получены при побѣдѣ. Иначе не было бы смысла и воевать. Германія и Австрія имѣли и до войны промышленность, вели торговлю съ тѣми странами, съ которыми они теперь воюютъ и получали отъ этого извѣстныя экономическія выгоды. Предприниматели Германіи и Австріи и до войны получали отъ торговли съ Россіей, Франціей, балканскими государствами и т. д. достаточную прибыль. Очевидно, затѣявши войну, они надѣялись, при побѣдѣ, получить нѣкоторую сверхприбыль, нѣкоторыя преимущества, которыхъ они до войны не имѣли.

На чей же счетъ моглибыть получены эти преимущества? Ясно, что на счетъ побѣжденныхъ странъ и ясно также, что полученіе этой сверхприбыли должно отразиться на экономическомъ развитіи эксплуатируемыхъ странъ. Для полученія большихъ прибылей при помощи побѣдоноснаго оружія вовсе нѣтъ надобности политически подчинить побѣжденную страну. Долины Индіи бѣлѣли отъ костей погибшихъ отъ англійской конкуренціи ткачей, города Ирландіи былъ обезлюжены не благодаря политическому подчиненію Индіи и Ирландіи, а благодаря таможенной политикѣ Англіи, уничтожившей промышленность этихъ странъ. Почему это произошло? Почему развитіе капитализма въ Англіи, Германіи, Соединенныхъ Штатахъ не повело къ обезлюженію страны, къ разоренію городовъ, а, напротивъ, къ ихъ росту, между тѣмъ, какъ въ Индіи и Ирландіи, капитализмъ ничего не принесъ, кромѣ опустошенія? Потому, что отсталая промышленность Индіи и Ирландіи не могла конкурировать съ англійской, потому что изъ Англіи благодаря ея таможенной политикѣ вывозились въ Индію и Ирландію не капиталы, а товары. Только тогда, когда Ирландія и Индія стали оплодотворяться капиталомъ, только тогда ихъ промышленность стала постепенно развиваться.

Не разсматривая пока, насколько ошибочна была таможенная политика Россіи, можно констатировать, что, во всякомъ случаѣ, до настоящаго времени объ иностранномъ „засильи“ не можетъ быть и рѣчи, что въ Россію вливался, главнымъ образомъ, капиталъ съ произво-

дительнымъ и непроизводительнымъ назначеніемъ, что товарообмѣнъ съ европейскими странами не убивалъ русской промышленности. Напротивъ, для ея развитія, для развитія желѣзныхъ дорогъ и товарообмѣна приливъ иностраннаго капитала былъ необходимъ. Если бы условія внутренней жизни,—особенно непроизводительное потребленіе національнаго дохода,—не препятствовали экономическому развитію страны, производство въ Россіи могло развиваться очень быстро, такъ же какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Но какъ для экономическаго развитія Соединенныхъ Штатовъ необходимымъ предварительнымъ условіемъ было сверженіе экономической зависимости отъ Англіи въ видѣ навязанной таможенной политики и соотвѣтствующій политическій строй внутри страны, такъ и для экономическаго развитія Россіи необходимы эти предварительныя условія. До сихъ поръ страна была экономически и политически независима отъ другихъ странъ и это предварительное условіе для экономическаго развитія было налицо. Нужны были еще болѣе благопріятныя условія внутренней жизни.

Война поставила въ первый разъ страну передъ дѣйствительной опасностью экономическаго засилья со стороны Германіи при побѣдѣ послѣдней *). При побѣдѣ Германіи для ея развитаго капитализма уничтоженіе русской промышленности и превращеніе Россіи въ Ирландію довольно легко. Путемъ уничтоженія нѣкоторыхъ таможенныхъ пошлинъ, нежелательныхъ для германскихъ промышленниковъ, германская синдицированная промышленность можетъ быстро уничтожить въ Россіи соотвѣтствующія отрасли. Русская промышленность отчасти благодаря высокимъ пошлинамъ не подготовлена къ конкуренціи съ иностраннымъ капиталомъ. Столкнувшись съ германской, особенно организованной въ синдикаты, она быстро была бы уничтожена и русскій потребитель имѣлъ бы сначала удовольствіе получать дешевый товаръ, пока не уничтожена мѣстная промышленность, а потомъ, по ея уничтоженіи, дорогой.

Русскій потребитель заинтересованъ въ удешевленіи производимыхъ въ странѣ товаровъ и, повидимому, ему выгодно немедленное и безусловное уничтоженіе таможенныхъ пошлинъ, т.-е. то, чего добивается германская буржуазія. Но это кажется только при поверхностномъ взглядѣ на вопросъ. Въ дѣйствительности русскій потребитель, русская демократія заинтересована въ удешевленіи продуктовъ производства при сохраненіи и развитіи русской промышленности. Т. е. пониженіе таможенныхъ пошлинъ должно происходить

*) См. объ этомъ брошюру «Экономическія причины міровой войны».

такимъ образомъ, чтобы это не только не убило промышленности, а давало бы ей толчокъ для дальнѣйшаго развитія. Проще говоря, русская демократія заинтересована въ сохраненіи промышленности и промышленнаго развитія Россіи, а германская буржуазія заинтересована въ ея уничтоженіи. Особенно рабочему классу Россіи важно, чтобы производство товаровъ изъ предѣловъ Россіи не перемѣстилось въ Германію, ибо рабочій классъ со своей родины не можетъ послѣдовать за фабриками въ Германію, если тамъ промышленность разовьется на счетъ Россіи. Правда, изъ Ирландіи рабочіе приходили въ Англію, чтобы производить товары для своей родины, но для этого нужны были тѣ голодовки, которыя уменьшили населеніе Ирландіи на нѣсколько милліоновъ человѣкъ.

Таможенныя пошлины побуждали капиталистовъ другихъ странъ переносить свои капиталы въ ту страну, куда безъ этихъ пошлинъ они ввозили бы готовые товары. Многіе германскіе предприниматели устраивали свои фабрики въ Россіи, такъ какъ таможенныя пошлины мѣшали вывозу готовыхъ фабрикатовъ изъ Германіи.

Поэтому буржуазія Германіи стремится путемъ военной силы разломать тѣ стѣны, которыми огораживаются отсталыя страны отъ болѣе передовыхъ. Китай, Персія и другія отсталыя внѣевропейскія страны оружіемъ были принуждены покупать товары европейцевъ-культуртрегеровъ. Теперь такая же судьба не только грозитъ Россіи, но, отчасти ее постигла. Въ занятой германцами Польшѣ сырье реквизируется не только для военныхъ надобностей, но и для „нуждъ нѣмецкой промышленности". „Curjer Warszawsky" приводитъ записку польскихъ промышленниковъ, констатирующую, что введенныя нѣмцами пошлины значительно превышаютъ прежнія и ложатся непосильнымъ бременемъ на польскую промышленность, и безъ того поставленную въ крайне трудное положеніе; желѣзнодорожные же тарифы совершенно не сообразуются съ условіями края и ставятъ цѣлыя отрасли польской промышленности, какъ, напримѣръ, каменноугольную, въ худшія условія по сравненію съ соотвѣтственными условіями прусской промышленности.

Польскіе промышленники добиваются уничтоженія этихъ стѣсненій, остановившихъ лодзинское производство, открытія хотя бы свеклосахарныхъ заводовъ, желѣзодѣлательныхъ, кирпичныхъ и т. д. Нѣмецкіе же промышленники добились отъ нѣмецкихъ властей содѣйствія доставки польскихъ рабочихъ на германскія фабрики и, слѣдовательно, поддерживали убійство польской промышленности. Въ Лодзи вслѣдъ за настойчивымъ требованіемъ полицей-президента, обращеннымъ къ рабочимъ воспользоваться послѣднимъ представляющимся

случаемъ получить работу въ Германіи, послѣдовало объявленіе о томъ, что пособіемъ на пропитаніе на предбудущее время могутъ пользоваться только тѣ рабочіе, которые представятъ удостовѣреніе отъ оффиціальнаго бюро труда, что они не отклонили предложенной имъ работы въ Германіи... Считая, повидимому, и эту мѣру еще недостаточной, нѣмецкія власти произвели сильное давленіе на работодателей, въ результатѣ чего владѣльцы крупныхъ предпріятій пріостановили выдачу даже тѣхъ незначительныхъ пособій, какія до сихъ поръ выдавались ими ранѣе работавшимъ у нихъ рабочимъ...

Одновременно съ этимъ въ газетахъ появились оффиціальныя и неоффиціальныя сообщенія о томъ, что въ скоромъ времени за отсутствіемъ угля и сырья пріостановятъ работу и тѣ предпріятія, которыя теперь еще продолжаютъ работать. Такія же сообщенія появляются также въ оффиціальной прессѣ въ Варшавѣ относительно варшавскихъ промышленныхъ заведеній. Короче говоря, въ ходъ пущено все: и запугиваніе мрачнымъ ближайшимъ будущимъ, и голодъ уже теперь... А на-ряду съ этимъ изо дня въ день сообщаются свѣдѣнія о блаженствѣ тѣхъ, кои отправились на работы въ Германію... („Р. В.“ № 242).

При насиліи со стороны Германіи интересы польской буржуазіи въ сохраненіи мѣстной промышленности являются общими съ польскими рабочими, которымъ вовсе не соблазнительно положеніе илотовъ въ Германіи. Можно на основаніи этихъ фактовъ судить, какими защитниками интересовъ рабочихъ являются тѣ соціалисты, которымъ безразличны результаты войны!

Опасность рѣшенія международныхъ экономическихъ вопросовъ при помощи оружія заключается въ томъ, что побѣдители, диктуя невыгодныя для другой страны таможенныя пошлины, устанавливаютъ у себя выгодныя пошлины для тѣхъ или другихъ группъ населенія. При побѣдѣ Германія по отношенію къ Россіи установила бы такія экономическія отношенія, при которыхъ наводняя Россію, при помощи синдикатовъ избытками своей промышленности, она покупала бы по дешевымъ цѣнамъ русское сырье, т.-е. убивала бы и промышленность и сельское хозяйство. Только послѣ заключенія мира на равныхъ правахъ на почвѣ взаимныхъ уступокъ возможны экономическія отношенія, при которыхъ одна страна не эксплуатируетъ другую. Задача демократіи и заключается въ томъ, чтобы, отстаивая независимость своей страны, добиваться мирнымъ путемъ, послѣ заключенія мира взаимныхъ уступокъ, пониженія на этой почвѣ таможенныхъ пошлинъ и т. д. Установленіе этихъ отношеній, какъ условія заключенія мира, неизбѣжно явится насиліемъ сильнѣйшей стороны надъ слабѣйшей.

Къ сожалѣнію, на путь завоевательной экономической политики всталъ, если не германскій рабочій классъ, то, по крайней мѣрѣ, его руководящіе верхи. Комитетъ германской соціалдемократической партіи и парламентская фракція, по сообщенію „Humanité“, въ августѣ приняли резолюцію, въ которой предъявляются, между прочимъ, слѣдующія требованія условій заключенія мира: „Для обезпеченія свободы экономическаго развитія германскаго народа“... включеніе пункта о „наиболѣе благопріятствуемой націи“ въ мирные договоры со всѣми воюющими державами; поощреніе экономическаго сближенія (!) путемъ уничтоженія, насколько возможно, таможенныхъ ставокъ и преградъ для сообщеній *). (О „свободѣ экономическаго развитія“ другихъ народовъ забыли!) Это „поощреніе экономическаго сближенія“ силою оружія какая мягкость выраженія!) какъ необходимое предварительное условіе заключенія мира, особенно оригинально звучитъ въ резолюціи соціалдемократической партіи. Не только германскіе промышленники, но даже представители германской рабочей партіи стремятся „насколько возможно“ силою оружія къ уничтоженію таможенныхъ ставокъ, разумѣется, не для процвѣтанія промышленности болѣе отсталыхъ странъ, а для ея уничтоженія. Ибо у себя на родинѣ германскій рабочій классъ никогда серьезно не протестовалъ противъ таможенной защиты германской промышленности, а только противъ аграрныхъ пошлинъ, хотя германская промышленность стоитъ по своему развитію далеко впереди противъ сосѣднихъ странъ.

Итакъ, не только германская промышленная буржуазія, но и руководители германскаго рабочаго класса встали на путь завоевательной экономической политики, диктующей сосѣдямъ съ оружіемъ въ рукахъ условія таможенныхъ ставокъ. Эти аппетиты, пробужденные среди руководящихъ круговъ германской соціалдемократіи, стремленіе разжирѣть на почвѣ, удобренной пролетаріатомъ сосѣднихъ странъ, могутъ исчезнуть только тогда, когда завоевательной политикѣ Германіи будетъ данъ надлежащій отпоръ. „Аппетитъ приходитъ съ ѣдой“. Только захватъ сосѣднихъ территорій пробудилъ изложенныя выше претензіи, о которыхъ въ началѣ войны среди соціалдемократіи не было и рѣчи. Ясно, что не только пораженческія идеи въ Россіи, но и требованія мира, во что бы то ни стало, лишь поддерживаютъ такого рода аппетиты. Если бы демократія всего міра сразу давала отпоръ такого рода завоевательнымъ стремленіямъ, то и этихъ стремленій,

*) Цитировано по газетѣ «Нашъ Голосъ». Самара, 20 октября.

противорѣчащихъ самымъ основамъ интернаціонализма, не было бы. Ибо первой задачей интернаціонализма является задача устранять все, что мѣшаетъ гармоніи интересовъ рабочаго класса различныхъ странъ *).

Положительная роль интернаціональныхъ отношеній демократіи и заключается, прежде всего, въ томъ, чтобы устранять, какъ національные конфликты, вытекающіе изъ условій экономическаго и политическаго строя современныхъ государствъ, такъ и ослаблять тѣ реакціонныя силы, которыя создаютъ эти конфликты.

Напротивъ, если бы, напримѣръ, въ Россіи рабочія массы не только обнаружили бы пораженческія тенденціи, но даже индифферентизмъ къ результатамъ войны, то значительная доля отвѣтственности за тѣ бѣдствія, которыя неизбѣжно вытекаютъ изъ пораженія Россіи, пала бы и на нихъ.

Мнѣ уже, годъ тому назадъ, приходилось писать о томъ, что опасность этой войны заключается не столько въ аннексіяхъ (Германіи вовсе не соблазнительно включить въ свое государство многочисленное враждебное населеніе), не столько въ политическомъ угнетеніи сосѣднихъ народовъ, сколько въ экономической эксплуатаціи, которой грозитъ Германія и къ которой она стремится. Эта угроза дѣлается особенно страшной, когда ее начинаетъ поддерживать германская демократія; она дѣлается страшной и для сосѣднихъ странъ и для интернаціональной идеи...

III.

Мы уже указали на то, что въ сферѣ экономическихъ отношеній война поставила передъ демократіей вообще, а передъ рабочимъ классомъ въ особенности, трудную проблему. По отношенію къ сосѣднимъ странамъ-завоевательницамъ отстаиваніе экономической и политической независимости своей страны безъ притязаній и безъ покушеній на независимость сосѣднихъ странъ; слѣдовательно, отграниченіе отъ націоналистическихъ завоевательныхъ поползновеній буржуазіи. Съ

*) Не могу не указать на то, что эту мысль А. Горскій въ статьѣ въ 5—6 №№ „Нашего Дѣла“ излагаетъ неправильно, приписывая мнѣ отрицаніе противорѣчія національныхъ интересовъ при современныхъ условіяхъ. Не полемизируя здѣсь по этому вопросу, я лишь укажу на то, что самая война возникла благодаря столкновенію національныхъ интересовъ опредѣленныхъ общественныхъ группъ, и нельзя ставить вопросъ такимъ образомъ: и л и существуетъ полная гармонія интересовъ, и л и существуетъ непримиримый ихъ антагонизмъ.

другой стороны, городской демократіи и въ особенности рабочему классу приходится въ то же время отстаивать свое экономическое положеніе, которое ухудшается благодаря войнѣ.

Война и связанная съ нею дороговизна вносятъ глубокій переворотъ въ хозяйственныя отношенія внутри воюющихъ странъ. Призывъ въ армію, сокращеніе однѣхъ отраслей производства и расширеніе другихъ, ведетъ къ перераспредѣленію производительныхъ силъ, къ нарушенію сложившихся хозяйственныхъ отношеній. Капиталъ, разумѣется, стремится использовать этотъ кризисъ, въ собственныхъ выгодахъ, въ ущербъ остальному населенію. Происходитъ въ колоссальныхъ размѣрахъ новое распредѣленіе національнаго дохода, при чемъ доля капитала въ огромной степени увеличивается.

Задача демократіи благодаря этому очень осложняется. Ей приходится не только отстаивать независимость своей страны отъ внѣшняго врага, но и отстаивать свое экономическое положеніе, которое неизбѣжно ухудшится, если не вмѣшиваться въ процессъ перераспредѣленія національнаго дохода, происходящій благодаря войнѣ.

Наконецъ, внутреннія препятствія, на которыя населенію приходится наталкиваться при организаціи обороны страны отъ внѣшняго нападенія и отъ хищничества внутри страны на почвѣ дезорганизаціи хозяйства, ставятъ передъ демократіей еще третью задачу,—устраненія этихъ внутреннихъ препятствій.

Нетрудно видѣть, что всѣ эти три задачи настолько тѣсно связаны одна съ другой, что нельзя одну какую-нибудь изъ нихъ оставить безъ вниманія и сосредоточиться на исполненіи другой, такъ какъ исполненіе каждой изъ нихъ тѣсно связано съ исполненіемъ прочихъ.

Населеніе, не призванное на войну, наиболѣе непосредственно чувствуетъ послѣдствія экономической дезорганизаціи въ видѣ дороговизны жизни. Тутъ оно страдаетъ въ качествѣ индивидуальнаго потребителя и чувствуетъ свое полное безсиліе въ качествѣ такового. Только коллективными усиліями оно можетъ съ большимъ или меньшемъ успѣхомъ бороться съ неблагопріятными условіями путемъ ли организаціи потребителей, путемъ ли повышенія своего заработка, или, наконецъ, давленія на тѣ органы, которые вліяютъ на хозяйственныя отношенія.

Но тотъ же самый путь организаціи общественныхъ силъ необходимъ и для осуществленія другихъ указанныхъ нами задачъ. Такимъ образомъ, всѣ важнѣйшія задачи современной жизни толкаютъ демократію на путь организаціи распыленнаго потребителя, обывателя и гражданина.

Едва ли нужно доказывать, что сильнѣйшимъ факторомъ, толкающимъ на этотъ путь является факторъ экономическій.

Каждый обыватель, какъ потребитель, обладаетъ ли онъ гражданскимъ и политическимъ сознаніемъ, безразлично, не можетъ быть нечувствителенъ къ голоду, къ недостатку своей покупательной силы и неизбѣжно натолкнется на необходимость выхода изъ тяжелаго экономическаго положенія. Поэтому, въ періодъ войны, отчасти благодаря дезорганизаціи хозяйства, вызванной войной, отчасти благодаря сокращенію производства предметовъ потребленія и хищничеству отдѣльныхъ группъ представителей капитала, путь организованной борьбы съ этими явленіями и ихъ причинами неизбѣженъ и для обывателя.

Но такое значеніе „экономики“ не ограничивается періодомъ войны. Послѣдствія происходящихъ въ настоящее время хозяйственныхъ явленій надолго останутся и по заключеніи мира. Даже предполагая, что война не закончится побѣдой Германіи, не закончится разгромомъ русской промышленности, хозяйственное потрясеніе, вызванное войной, оставитъ слѣды на многіе годы.

Прежде всего, дороговизна жизни, поскольку она вызвана обезцѣненіемъ денегъ, не можетъ быть устранена въ короткое время. Между тѣмъ вздорожаніе жизни, вызванное этимъ факторомъ, неизбѣжно будетъ обостряться.

Послѣдствія обезцѣненія денегъ выражаются въ томъ, что въ цѣнѣ поднимаются всѣ продукты и отражаются на всѣхъ потребителяхъ, поскольку они являются покупателями. При этомъ всѣ, даже организованныя усилія потребителей, какъ таковыхъ, не могутъ облегчить ихъ положенія. Пока вздорожаніе происходитъ на почвѣ спекуляціи, на почвѣ эксплуатаціи потребителя благодаря неправильной доставкѣ продуктовъ, ихъ недостатка и т. д., потребитель можетъ еще съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ бороться съ такого рода дороговизной организаціей борьбы съ спекуляціей, потребительными обществами и т. д. При общемъ вздорожаніи продуктовъ благодаря удешевленію денегъ, единственное средство улучшенія экономическаго положенія массъ или возстановленіе цѣнности мѣновыхъ знаковъ,— что можетъ быть достигнуто не сразу и съ трудомъ, — или повышеніемъ денежнаго дохода каждаго покупателя-потребителя, требующимъ напряженной и организованной экономической борьбы.

Другое наслѣдство, которое оставлено будетъ войной,—колоссаль-

ные государственные долги, за которые уплата процентовъ будетъ поглощать значительную часть государственнаго бюджета. Это поглощеніе части національнаго дохода владѣльцами государственныхъ бумагъ въ Россіи и за границей явится новымъ перераспредѣленіемъ національнаго дохода. Владѣльцы капитала и всякихъ рентныхъ доходовъ будутъ стремиться переложить бремя налоговыхъ тяжестей, увеличенныхъ государственными долгами, на того же потребителя, путемъ косвенныхъ налоговъ.

Благодаря тому, что значительная часть процентовъ будетъ уходить за границу, процессъ накопленія капитала въ Россіи замедлится, между тѣмъ, какъ тягость налоговъ увеличится. При такихъ условіяхъ особенно тяжело рабочему классу и всей демократіи бороться непосредственно за улучшеніе своего положенія и за переложеніе хотя бы части налоговъ на непроизводительные классы. Налоговое обложеніе, падающее на различные классы общества, въ значительной степени зависитъ отъ соотношенія политическихъ организованныхъ силъ, которыми располагаютъ эти классы.

Поэтому, чѣмъ больше и лучше будутъ организованы общественныя силы въ предыдущій періодъ непосредственной борьбы съ дороговизной, тѣмъ значительнѣе и успѣшнѣе будетъ эта борьба въ распредѣленіи національнаго дохода путемъ обложенія, такъ какъ послѣдствія войны будутъ тѣсно связаны съ экономическими затрудненіями во время войны. Они явятся какъ бы ихъ продолженіемъ, но неустранимымъ путемъ экономической организованной самодѣятельности, а устранимымъ лишь путемъ общегосударственныхъ мѣропріятій. Разумѣется, и теперь значеніе общегосударственныхъ мѣропріятій въ борьбѣ съ дороговизной имѣетъ первостепенное значеніе, но это значеніе для широкихъ народныхъ массъ не такъ очевидно, какъ очевидно будетъ впослѣдствіи, когда придется непосредственно расплачиваться съ послѣдствіями войны.

На ряду съ этими послѣдствіями войны, которыя отразятся на населеніи, какъ на потребителяхъ и плательщикахъ налоговъ, еще большее значеніе въ ближайшіе годы будетъ имѣть вліяніе войны на производство.

Хотя колоссальные внѣшніе займы, затраченные на войну, въ нѣкоторой своей части уничтожаются непроизводительно самымъ процессомъ войны, тѣмъ не менѣе, огромная ихъ доля останется въ рукахъ предпринимателей, изготовляющихъ матеріалы для войны, поставщиковъ, посредниковъ и т. д. За время войны произойдетъ большое накопленіе капитала въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, которыя превратятъ

сго или въ ренту въ видѣ государственныхъ бумагъ, или затратятъ въ производство.

Можно было бы ожидать при такихъ условіяхъ промышленнаго подъема, спроса на трудъ и нѣкотораго ослабленія послѣдствій войны. Но на ряду съ неизбѣжнымъ грюндерствомъ, образованіемъ новыхъ предпріятій произойдетъ сокращеніе производства для войны, питаемаго внутренними и внѣшними займами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прекращеніе войны поведетъ къ освобожденію огромнаго количества рабочихъ рукъ, призванныхъ на войну. Хотя часть накопленнаго капитала обратится на производство, но приливъ „свободныхъ“ рабочихъ рукъ будетъ настолько великъ, что можетъ далеко превысить спросъ на нихъ. Безработица можетъ еще болѣе обострить отрицательныя послѣдствія дороговизны.

На ряду съ обогащеніемъ нѣкоторыхъ группъ населенія другая сго часть разорена войной, напримѣръ, въ районѣ военныхъ дѣйствій. Это перераспредѣленіе національнаго богатства—обогащеніе однихъ и разореніе другихъ,—неизбѣжно приводитъ къ обостренію соціальныхъ противорѣчій. Соціальныя противорѣчія, вызванныя войной, благодаря ей вышли изъ національно-государственныхъ рамокъ и приняли интернаціональный характеръ. Ни одинъ общественный классъ ни въ одной изъ воюющихъ странъ не можетъ ставить рѣшеніе соціально-политическихъ вопросовъ внутри страны безъ опредѣленнаго отношенія къ тѣмъ результатамъ, которые дастъ война. Тѣ или другія политическія и экономическія отношенія, которыя создадутся между странами при заключеніи мира, глубоко отразятся на политическомъ и экономическомъ строѣ въ этихъ странахъ.

Съ другой стороны, сама по себѣ война ничуть не рѣшаетъ экономическихъ и политическихъ вопросовъ, которые ставятся внутренней жизнью каждой страны, а лишь ставятся острѣе, благодаря міровому кризису. Грандіозный міровой пожаръ поставилъ передъ демократіями различныхъ странъ и грандіозныя задачи, возможность рѣшенія которыхъ зависитъ отъ правильнаго ихъ пониманія демократіей и въ особенности пониманія значенія международной борьбы и экономическихъ потрясеній, происходящихъ внутри воюющихъ странъ.

П. МАСЛОВЪ.

Народное хозяйство въ началѣ второго года войны.

I.

Война ведется на истощеніе противника, и судьбы ея будутъ рѣшаться не на поляхъ сраженія, а въ глубокомъ тылу, въ мирныхъ, казалось бы, областяхъ хозяйственной жизни. Эти и имъ подобныя, ставшія уже ходячими формулы имѣютъ болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ часто влагаютъ его въ нихъ ихъ авторы.

Не только причины, цѣли и слѣдствія войны, но и методы ея веденія—организація арміи, стратегія и тактика, военная техника — всегда и вездѣ опредѣляются состояніемъ производительныхъ силъ воюющихъ странъ. Въ современномъ капиталистическомъ обществѣ связь между производственными условіями и отношеніями, съ одной стороны, военнымъ дѣломъ,—съ другой проявляется въ двухъ главнѣйшихъ направленіяхъ. Во-первыхъ, установленіе гражданскаго равноправія влечетъ за собой демократизацію арміи, переходъ къ всеобщей воинской повинности и замѣнѣ постояннаго войска народной милиціей. Во-вторыхъ, тотъ же процессъ вытѣсненія человѣка машиной, который лежитъ теперь въ основѣ всего техническаго развитія, находитъ себѣ самое широкое примѣненіе и въ военномъ дѣлѣ. Какъ въ промышленности выучка и искусство мастера замѣщаются быстрой и точной работой многорукаго желѣзнаго человѣка, такъ на войнѣ личная доблесть уступаетъ мѣсто механическимъ, а за послѣднее время и химическимъ способамъ истребленія противника.

Обѣ эти крупныя перемѣны, которыя производитъ капитализмъ въ военномъ искусствѣ, имѣютъ послѣдствія двоякаго рода. Во-первыхъ, уничтоженіе той китайской стѣны, которая стояла раньше между

населеніемъ и войскомъ, состоявшимъ изъ вольныхъ или невольныхъ пожизненныхъ солдатъ, повело къ болѣе тѣсной связи между тыломъ и арміей. Матеріальныя и духовныя переживанія тыла передаются теперь съ быстротой электрическаго тока на фронтъ и отражаются на положеніи и настроеніяхъ арміи. Во-вторыхъ, развитіе военной техники неимовѣрно повышаетъ военные расходы. Какъ въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ техническій прогрессъ выражается въ повышеніи органическаго строенія капитала, т.-е. въ ростѣ постояннаго капитала за счетъ перемѣннаго,—такъ и военное дѣло съ развитіемъ техники требуетъ все большей затраты цѣнностей, произведенныхъ или производимыхъ до боя внѣ театра военныхъ дѣйствій. Стоимость современной войны уже сейчасъ исчисляется десятками милліардовъ рублей, поглощая весь годовой національный доходъ воюющихъ странъ.

Изъ сказаннаго ясно, что для успѣшнаго исхода войны необходимы предпосылки двоякаго рода. Во-первыхъ, должны быть налицо опредѣленныя общественно-политическія условія въ тылу, которыя дѣлали бы войну фактически, а не только на словахъ общенароднымъ дѣломъ. Въ числѣ этихъ условій, на ряду съ причинами и задачами войны, обусловливающими пріятіе или непріятіе ея демократіей, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ облегченіе тѣхъ матеріальныхъ тяготъ, которыя война неминуемо несетъ всему населенію страны, особенно неимущимъ слоямъ его. Во-вторыхъ, въ распоряженіе фронта должно быть предоставлено народнымъ хозяйствомъ все то количество цѣнностей всякаго рода, которое требуется современной военной техникой; значитъ, народное хозяйство должно быть приспособлено къ производству цѣнностей опредѣленнаго качества въ опредѣленномъ размѣрѣ.

Итакъ, опредѣляющимъ моментомъ въ ходѣ войны является состояніе производительныхъ силъ страны и вообще весь укладъ ея народнаго хозяйства. Экономически болѣе развитая страна при прочихъ равныхъ условіяхъ имѣетъ всѣ шансы побѣды надъ страной отсталой. Въ жизни, однако, такихъ „равныхъ условій“ не бываетъ, и потому вопросъ ставится и рѣшается болѣе сложно, оставляя немало мѣста такъ называемымъ „случайностямъ“, т.-е. воздѣйствію на основную причину частныхъ, непредвидимыхъ или неучтенныхъ причинъ.

II.

Въ первые мѣсяцы войны были нѣкоторыя основанія думать, что отсталыя страны имѣютъ извѣстныя экономическія преимущества передъ

странами передовыми. Непосредственнымъ послѣдствіемъ начала военныхъ дѣйствій былъ въ хозяйственной области распадъ мірового рынка. Вполнѣ естественно было ожидать, что разрывъ международныхъ торговыхъ сношеній тяжелѣе отразится на передовыхъ странахъ, болѣе втянутыхъ въ международный торговый оборотъ, чѣмъ на отсталыхъ, хозяйственно болѣе самодовлѣющихъ, менѣе зависимыхъ отъ мірового рынка странахъ. Тѣмъ меньше, повидимому, должна была отразиться война на хозяйствѣ тѣхъ странъ, которыя и внутри себя не вполнѣ преодолѣли еще былой хозяйственной обособленности и самостоятельности отдѣльныхъ областей и районовъ, на хозяйствѣ тѣхъ странъ, во внутренній рынокъ которыхъ вкраплена еще масса „анахронизмовъ, покрытыхъ мхомъ и пылью“ въ лицѣ замкнутыхъ мѣстныхъ рынковъ.

Эти разсчеты позволяли въ началѣ войны думать, что земледѣльческая Россія съ ея милліардным вывозомъ продовольственныхъ „излишковъ“ и съ промышленностью, работающей только на внутренній рынокъ, легче перенесетъ военныя потрясенія, чѣмъ отнявшая у Англіи пальму промышленнаго первенства Германія, весь хозяйственный строй которой разсчитанъ на правильное дѣйствіе мірового рынка и требуетъ обмѣна продуктовъ германской промышленности на продукты продовольствія въ земледѣльческихъ, по преимуществу, странахъ.

Конечно, заднимъ числомъ легко теперь доказывать необоснованность подобныхъ разсчетовъ. Но нельзя отрицать, что извѣстная доля экономической вѣроятности въ нихъ была налицо. Первое полугодіе войны переживалось германскимъ народнымъ хозяйствомъ много труднѣе, чѣмъ россійскимъ. Тылъ Россіи до конца 1914 года почти не испытывалъ хозяйственныхъ послѣдствій войны, въ то время, какъ передъ германскимъ населеніемъ уже тогда тревожно стоялъ продовольственный вопросъ, а германская промышленность, потерявшая внѣшніе рынки, на-спѣхъ приспосабливалась къ удовлетворенію внутренняго спроса. Такое различное вліяніе военныхъ дѣйствій на хозяйственную дѣятельность обѣихъ странъ опредѣляло съ своей стороны и результаты боевыхъ операцій на фронтѣ. Не случайны были неудачи германскаго наступленія въ Польшѣ прошлой осенью, и успѣхи русской арміи вовсе не зависѣли тогда отъ особенныхъ талантовъ ея командного состава. По мѣрѣ того, однако, какъ затягивалась война, мѣнялись и хозяйственныя соотношенія воюющихъ странъ: отсталыя страны теряли свое первоначальное преимущество передъ экономически болѣе развитыми странами.

Несмотря на всѣ внѣшнія и внутреннія помѣхи, несмотря на блокаду береговъ, превратившую страну въ осажденную крѣпость ги-

гантскаго масштаба, несмотря на политическое господство прусскаго юнкерства, подавляющее народную самодѣятельность и эксплуатирующее народное бѣдствіе,—хозяйство Германіи нашло въ себѣ поразительныя организаціонныя силы, чтобы приспособиться къ исключительнымъ условіямъ своего военнаго существованія. Начавшаяся съ первыхъ же дней хозяйственная мобилизація направила всю массу освободившихся силъ промышленности на обслуживаніе нуждъ арміи, организовала снабженіе тыла продуктами первой необходимости, упорядочила ихъ потребленіе и распредѣленіе, дала сильный толчокъ новымъ успѣхамъ техники и т. д.

Какъ ни тяжело приходится теперь народному хозяйству и народнымъ массамъ въ Германіи, дорогой цѣной расплачивающимся за безотвѣтственную политику своихъ правящихъ классовъ,—все же, даже самые предубѣжденные противъ нея экономисты должны признать, что гигантскими организованными усиліями всѣхъ слоевъ населенія, кромѣ юнкерства, и умѣло поставленными, подчасъ до дерзости смѣлыми хозяйственными опытами были болѣе или менѣе преодолѣны послѣдствія почти полнаго отрыва Германіи отъ мірового хозяйства. Сейчасъ уже почти не слышится голосовъ, предвѣщающихъ Германіи гибель отъ голода,—судьбу, которую ей такъ охотно сулили въ началѣ войны ученые и неученые экономисты Россіи. Сейчасъ все чаще выдвигается другая, болѣе обоснованная угроза — недостатокъ людей, исчерпаніе резервовъ. Положеніе Германіи въ этомъ отношеніи дѣйствительно очень серьезное, ухудшающееся съ каждымъ новымъ, даже удачнымъ сраженіемъ, съ каждымъ присоединеніемъ къ четверному согласію новыхъ странъ. Но и съ недостаткомъ людей Германія болѣе или менѣе долго, болѣе или менѣе успѣшно намѣрена и будетъ бороться замѣной живой силы механическими и химическими изобрѣтеніями, стремясь въ то же время къ неисчерпаемымъ резервуарамъ ея въ Турціи...

III.

Совсѣмъ иначе реагировало и реагируетъ на затяжку войны народное хозяйство Россіи.

Выше уже было указано, что первое полугодіе войны переносилось страной относительно легко. Въ „глубокомъ тылу“ хозяйственная дѣятельность шла своимъ чередомъ; военныя событія слабо отражались на ея обычномъ укладѣ. Правда, уже тогда складывались перемѣны въ ходѣ хозяйственной жизни, но онѣ были мало замѣтны для невооруженнаго статистикой глаза и не выходили за предѣлы тѣхъ періо-

дическихъ пертурбацій, которыя вообще присущи капиталистическому и декапиталистическому хозяйству. Нѣкоторыя отрасли промышленности, напр., въ началѣ войны и въ связи съ нею вступили въ полосу застоя, сопровождавшагося явной или скрытой массовой безработицей. Но и безъ войны промышленность переживаетъ—пережила бы и теперь — болѣе острые и опустошительные кризисы. Отрывъ работниковъ отъ полевыхъ работъ въ разгаръ страды тяжело отозвался на крестьянскомъ хозяйствѣ, особенно въ работающихъ на вывозъ районахъ рыночныхъ трудоемкихъ культуръ: самые осторожные изслѣдователи признаютъ, что неокрѣпшіе ростки интенсификаціи крестьянскаго хозяйства были сильно помяты первыми порывами военнаго урагана. Но и до войны неурожаи и голодовки—спутники отсталаго земледѣлія—производили не меньшія опустошенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Больше того. Война въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, въ первое время, пожалуй, даже ослабила неминуемыя хозяйственныя пертурбаціи и смягчила ихъ бѣдственныя послѣдствія. Война разбила надвигавшійся уже общій промышленный кризисъ на рядъ частичныхъ кризисовъ и избавила отъ него тяжелую (горную и металлургическую), металлообрабатывающую, отчасти текстильную и химическую отрасли промышленности. Безработица не приняла угрожающихъ размѣровъ вслѣдствіе наборовъ, отлива рабочихъ рукъ въ деревню и въ уцѣлѣвшія отъ кризиса производства. Въ деревнѣ казенный паекъ, прекращеніе продажи спиртныхъ напитковъ, сбытъ въ армію, впослѣдствіи подъемъ цѣнъ на продукты продовольствія облегчили тягости войны если не для хозяйственнаго, то для личнаго существованія многихъ семей.

Подобно тылу, и фронтъ въ первое полугодіе не испытывалъ значительныхъ затрудненій, проживая накопленные въ мирное время запасы. Боевые снаряды, продовольствіе и т. д. были заранѣе на случай войны припасены вблизи границы и исподволь лишь пополнялись новыми доставками. Зависимость снабженія арміи отъ условій транспорта поэтому была не такъ велика, какъ впослѣдствіи. Громадные военные расходы покрывались отчасти скопленной всѣми правдами и неправдами полумилліардной свободной наличностью. Усиленный выпускъ неразмѣнныхъ кредитныхъ билетовъ подъ учетъ краткосрочныхъ обязательствъ казны въ первое время безболѣзненно усваивался народнохозяйственнымъ организмомъ, идя частью на замѣну вытѣсняемаго изъ обращенія золота, частью исправляя устарѣвшее эмиссионное право Госуд. Банка, уже не соотвѣтствовавшее повысившимся запросамъ народнаго хозяйства на денежные знаки. До конца 1914 года бумажный рубль внутри страны не терялъ своей золотой души.

Такое относительное благополучіе продолжалось, однако, недолго. Затянувшаяся война предъявляетъ странѣ все большія требованія. Между тѣмъ, народное хозяйство потерпѣло уже значительный ущербъ. Выбытіе изъ строя такихъ передовыхъ районовъ, какъ Польша и Прибалтійскій край, чувствительно ослабило промышленныя силы страны. Уходъ на войну милліоновъ мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ тѣмъ ощутительнѣе для хозяйства страны, что при низкомъ уровнѣ техники и слабой концентраціи производства промышленность и особенно сельское хозяйство предъявляютъ относительно очень высокій спросъ на рабочія руки.

По приблизительнымъ разсчетамъ, военные расходы за годъ опредѣляются въ 6—8 милліардовъ рублей, т.-е. почти равны цѣнности годового народнаго дохода. Покрытіе этой суммы изъ годового производства должно, прежде всего, сильно сократить обычное потребленіе цѣнностей въ странѣ и въ еще большей степени нарушить обычныя условія воспроизводства (не говоря уже о расширеніи производства). Но, помимо этого, имѣется налицо очень крупное затрудненіе и другого рода: матеріальная оболочка только части годового производства соотвѣтствуетъ предъявляемымъ фронтомъ требованіямъ; другая часть потребительныхъ цѣнностей, обычно производимыхъ въ странѣ въ теченіе года, для фронта безполезна.

Такимъ образомъ, передъ народнымъ хозяйствомъ войной поставлена двойная задача. Во-первыхъ, надо добыть для арміи многомилліардную сумму цѣнностей, выраженную притомъ въ опредѣленныхъ потребительныхъ цѣнностяхъ. Нужно, во-вторыхъ, дать и тылу ту или иную замѣну цѣнностей, изъятыхъ для нуждъ фронта, чтобы обезпечить самое существованіе населенія и возможность дальнѣйшаго производства.

Та же двойная задача стоитъ, разумѣется, не только передъ Россіей, но и передъ всѣми воюющими странами. Выше было уже отчасти указано, какъ разрѣшила ее Германія. Въ высокомъ уровнѣ производительныхъ силъ и организованности населенія она нашла ключъ къ разрѣшенію задачи. Конечно, приспособленіе къ требованіямъ войны покупается здѣсь очень тяжелой цѣной—безжалостнымъ уничтоженіемъ и постояннаго, и перемѣннаго капитала, и рѣзкимъ ухудшеніемъ условій жизни. Но такъ или иначе приспособленіе совершается. Пусть будущимъ поколѣніямъ предстоитъ за него очень тяжелая расплата — дню довлѣетъ злоба его.

Подобное же приспособленіе болѣе или менѣе полно, болѣе или менѣе удачно совершается и во Франціи, и въ Англіи. Какъ же обстоитъ на этотъ счетъ дѣло въ Россіи?

IV.

Въ условіяхъ товарнаго хозяйства задача снабженія арміи слагается изъ двухъ частей: во-первыхъ, казна должна имѣть необходимое количество денегъ для покупки товаровъ; во-вторыхъ, рынокъ долженъ дать въ обмѣнъ на казенныя деньги опредѣленное количество опредѣленныхъ товаровъ. Отсталость народнаго хозяйства въ обоихъ отношеніяхъ ставитъ Россіи исключительныя затрудненія.

Получить съ населенія въ видѣ налоговъ, т.-е. присвоенія части народнаго дохода, громадныя средства, необходимыя для войны, было бы невозможно даже при самыхъ совершенныхъ способахъ налогового обложенія. Тѣмъ менѣе возможно было бы расчитывать на это при россійской налоговой системѣ, ревностно оберегающей отъ подобнаго времени нетрудные доходы и не пожелавшей отказаться отъ своихъ вѣковыхъ традицій и на время войны. Ни правительство, ни законодательныя учрежденія въ Россіи не примѣнили и не намѣриваются пока примѣнять ни одного изъ способовъ перенесенія хотя бы части военныхъ расходовъ на имущіе классы, какъ то имѣетъ мѣсто въ большинствѣ другихъ воюющихъ странъ (повышеніе ставокъ подоходнаго налога, введеніе поимущественнаго налога, спеціальный налогъ на военную прибыль и т. д.). Въ изысканіи средствъ на войну казна идетъ двумя давно протоптанными путями: она или выпускаетъ неразмѣнныя бумажныя деньги, ихъ изобиліемъ разстраивая въ корнѣ денежное обращеніе или заключаетъ направо и налѣво на достаточно обременительныхъ условіяхъ займы, за которые странѣ придется расплачиваться въ теченіе долгаго времени послѣ войны.

Выпускъ бумажныхъ денегъ, въ октябрѣ 1915 перевалившій за 5 милліардовъ и поведшій къ концу перваго года войны къ обезцѣненію рубля не меньше, чѣмъ на 30%, означаетъ въ послѣднемъ счетѣ извлеченіе казной изъ товарнаго оборота цѣностей безъ соотвѣтствующей замѣны ихъ другими цѣнностями. Разница между простой конфискаціей товара и покупкой его на свѣжеотпечатанныя бумажныя деньги только въ томъ, что въ первомъ случаѣ страдающей стороной былъ бы послѣдній владѣлецъ товара, во второмъ онъ перелагаетъ свои убытки на тѣхъ, съ кѣмъ самъ расплачивается полученными за товаръ бумажками. Если представить себѣ, что въ этой операціи переложенія убытковъ по очереди участвуютъ всѣ владѣльцы товаровъ, то станетъ ясно, что наиболѣе страдающей стороной окажутся покупатели товаровъ pur sang, т. е. лица наемнаго труда. Такимъ образомъ, покрытіе

военныхъ расходовъ бумажными деньгами означаетъ болѣе или менѣе полное возложеніе этой части расходовъ на плечи неимущаго населенія. Та дороговизна, отъ которой стонетъ сейчасъ страна, въ немалой своей долѣ есть прямой результатъ такого перераспредѣленія военныхъ расходовъ, нашедшаго себѣ быстро дѣйствующее средство въ обезцѣненіи бумажнаго рубля.

Внутренніе займы—поскольку не представляютъ простого возврата въ казну ею же выпущенныхъ бумажныхъ денегъ для повторныхъ операцій съ ними—ведутъ къ расходованію на военныя надобности накопленныхъ въ странѣ капиталовъ; такое непроизводительное ихъ употребленіе должно въ будущемъ вести—особенно въ странѣ столь бѣдной капиталами, какъ Россія—къ болѣе или менѣе продолжительной задержкѣ ея экономическаго развитія. Другое послѣдствіе внутреннихъ займовъ состоитъ въ передачѣ въ руки кредиторовъ права на присвоеніе части народнаго дохода въ видѣ процентовъ на сэкономленный капиталъ. Насколько велика эта доля, можно судить по официальной публикаціи о нояборьскомъ краткосрочномъ займѣ: на каждыя 95 руб. кредиторъ получитъ отъ казны за 10 лѣтъ 60 руб. прибыли.

Внѣшніе займы по своимъ хозяйственнымъ послѣдствіямъ нѣсколько отличаются отъ внутреннихъ. Въ моментъ заключенія займа они не уменьшаютъ національнаго богатства,—наоборотъ, могутъ даже увеличивать его, если не идутъ на уплату $^0/_0{}^0/_0$ по прежнимъ займамъ. Но при непроизводительномъ потребленіи займовъ—а таковымъ является подавляющая часть военныхъ расходовъ—увеличеніе національнаго богатства за счетъ внѣшнихъ займовъ является кратковременнымъ и не оставляетъ слѣдовъ на производительныхъ силахъ: такіе займы увеличиваютъ не капиталъ, а только потребительный фондъ страны. Послѣдующая же выплата израсходованнаго непроизводительно займа съ $^0/_0{}^0/_0$ держателямъ долговыхъ обязательствъ, живущимъ внѣ Россіи, напр., въ Англіи, означаетъ уходъ изъ Россіи части ея народнаго дохода, задержку накопленія капитала, замедленіе всего экономическаго развитія.

Несмотря на то, что займы представляютъ извѣстныя преимущества передъ чрезмѣрнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ, отношеніе къ нимъ не можетъ не быть по меньшей мѣрѣ сдержаннымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ гарантій выплаты ихъ въ будущемъ изъ прибавочной стоимости, а не изъ трудовыхъ доходовъ,—т.-е. займы не только не снимаютъ съ очереди коренной налоговой реформы, но дѣлаютъ ее еще болѣе настоятельной.

Итакъ, трудная задача добыванія средствъ на войну разрѣшается

казной съ элементарной простотою. Выпуская бумажныя деньги, казна фактитески заставляетъ расплачиваться за себя съ поставщиками изнемогающихъ подъ бременемъ дороговизны потребителей. Производя займы, казна переступаетъ своимъ кредиторамъ право на часть народнаго дохода, взимаемую ею съ населенія въ видѣ налоговъ; при сохраненіи нынѣ дѣйствующей налоговой системы это означаетъ возложеніе расплаты по займамъ на тѣ же все выносящія плечи. Если же при этомъ вспомнить о тѣхъ неисчислимыхъ прибыляхъ, которыя извлекаются поставщиками изъ казенныхъ заказовъ, то станетъ ясно, насколько односторонне происходитъ въ странѣ перераспредѣленіе народнаго дохода (и капитала) подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ военныхъ событій. Къ этому вопросу мы будемъ имѣть еще случай вернуться впослѣдствіи.

V.

Но мало тѣмъ или инымъ способомъ добыть средства. Нужно еще имѣть возможность пріобрѣсти на нихъ нужныя для веденія войны потребительныя цѣнности. При міровыхъ размѣрахъ войны, при крайне затрудненныхъ торговыхъ сношеніяхъ между странами, каждая страна въ томъ числѣ и Россія, въ большей степени, чѣмъ когда-либо, предоставлена своимъ собственнымъ силамъ. Конечно, внѣшніе займы, особенно заключенный во время послѣдней поѣздки Барка въ Англію, совершались для расплаты за военные заказы, исполняемые для Россіи заграницей. Но даже въ самомъ лучшемъ случаѣ эти заказы могутъ покрыть только небольшую часть тѣхъ запросовъ, которыя предъявляетъ арміямъ современная военная техника. Заграничные заказы только нѣсколько облегчаютъ трудную задачу снабженія арміи, но не снимаются съ народнаго хозяйства страны.

Два условія должны быть на лицо для успѣшнаго разрѣшенія этой задачи: во-первыхъ, въ странѣ должно быть произведено достаточное количество необходимыхъ продуктовъ; во-вторыхъ, они должны быть доставлены на фронтъ. Разсмотримъ каждое изъ этихъ условій порознь.

Пока дѣло идетъ о снабженіи арміи продовольствіемъ, вопросъ о наличности продуктовъ рѣшается въ Россіи относительно просто: усиленное сравнительно съ обычнымъ продовольствіемъ народныхъ массъ питаніе арміи можетъ производиться, отчасти и производится за счетъ продуктовъ, предназначавшихся для вывоза. Здѣсь, правда, вскрылись неожиданныя для многихъ явленія: земледѣльческая страна, житница

Европы оказалась настолько бѣдна нѣкоторыми продуктами сельскаго хозяйства, что можетъ удовлетворять повышенный спросъ на нихъ для арміи, только сокращая прямо или косвенно потребленіе тѣхъ же продуктовъ тыломъ. На снабженіи арміи этотъ недостатокъ во всякомъ случаѣ не отражается. И если бы не затрудненія подвоза, продовольствіе фронта можно было бы считать наложеннымъ и обезпеченнымъ.

Значительно труднѣе обстоитъ дѣло съ снабженіемъ арміи боевыми припасами. Слабое развитіе промышленности въ странѣ, низкій уровень промышленной техники, парализованная высокими пошлинами и правительственной опекой инициатива промышленнаго капитала и т. д. все это стоитъ на пути удовлетворенія повышенныхъ требованій арміи наряду съ не-экономическими причинами привело весной къ тому острому снарядному голоду, который въ концѣ концовъ, годъ спустя послѣ войны, далъ толчекъ мобилизаціи промышленности.

Съ того времени положеніе дѣлъ, несомнѣнно, значительно улучшилось. Но всетаки слѣдуетъ признать, что дальнѣйшее развитіе снабженія арміи имѣетъ свои предѣлы въ низкомъ уровнѣ производительныхъ силъ страны: для расширенія производства не хватаетъ машинъ, сырья, топлива, опытныхъ рабочихъ.

Въ этой именно области военнаго дѣла особенно рельефно выступаетъ разница между развитыми и отсталыми странами. Германія направила на обслуживаніе фронта промышленныя силы, освободившіяся за прекращеніемъ вывоза продуктовъ промышленности. Въ Россіи расширеніе производства на армію сопровождается сокращеніемъ производства на вольный рынокъ. Высокая техника Германіи позволяетъ скорѣе и легче произвести переоборудованіе старыхъ и постройку новыхъ заводовъ, дѣлаетъ менѣе чувствительнымъ отрывъ рабочихъ-спеціалистовъ на фронтъ, чѣмъ то имѣетъ мѣсто при отсталой техникѣ Россіи. Вотъ почему осторожность—мать предусмотрительности—не позволяетъ переоцѣнивать достигнутые мобилизаціей промышленности результаты.

Еще болѣе трудная задача заключается въ своевременной доставкѣ на фронтъ продуктовъ продовольствія и боевыхъ припасовъ. Спутникъ хозяйственной отсталости—рѣдкая желѣзнодорожная сѣть съ слабой пропускной способностью дѣлаетъ крайне затруднительнымъ усиленное одностороннее движеніе поѣздовъ по немногимъ магистралямъ. Образованіе пробокъ на узловыхъ станціяхъ передается дальше и въ концѣ разстраиваетъ все желѣзнодорожное движеніе. Вѣдомство Рухлова только усилило это всеобщее разстройство, но не создало его.

Во всякомъ случаѣ разстройство грузооборота вноситъ очень

серьезныя осложненія въ дѣло снабженія арміи. Но и этимъ не исчерпываются послѣдствія россійскаго бездорожья: оно ведетъ и къ продовольственнымъ кризисамъ въ потребительскихъ центрахъ и—что не менѣе важно—къ дезорганизаціи производства, задерживая подвозъ къ предпріятіямъ сырья и топлива, отправку товаровъ и т. д.

VI.

Снабженіе арміи продуктами продовольствія и боевыми припасами находится въ тѣсной связи съ удовлетвореніемъ потребности тыла. То и другое въ свою очередь требуетъ воспроизводства (хотя бы простого, а не расширеннаго) потребляемымъ продуктовъ.

При данномъ состояніи производительныхъ силъ страна можетъ произвести опредѣленное количество цѣнностей. Часть продуктовъ годового производства идетъ на возстановленіе израсходованныхъ средствъ производства, часть—на расширеніе производства, остатокъ—на личное (непроизводительное) потребленіе. Чѣмъ выше производительность страны, тѣмъ большая доля годового продукта идетъ на возстановленіе и увеличеніе средствъ производства и въ случаѣ нужды можетъ быть израсходована и на непроизводительныя цѣли—въ ущербъ, разумѣется, производительнымъ силамъ страны: вмѣсто ремонта старыхъ и производства новыхъ машинъ могутъ производиться пушки и снаряды, вмѣсто красокъ и искусственныхъ удобреній—взрывчатыя вещества и удушливые газы и т. д. Въ отсталой странѣ, наоборотъ, относительно малая доля годового продукта идетъ на возобновленіе и расширеніе производства, и увеличеніе военнаго спроса и производства можетъ итти здѣсь главнымъ образомъ за счетъ доли годового продукта, предназначенной для личнаго потребленія (при условіи, конечно, если возможно соотвѣтственное измѣненіе производства). Въ технически отсталыхъ странахъ такимъ образомъ всякое расширеніе спроса для нуждъ фронта должно особенно быстро и чувствительно отзываться на удовлетвореніи нуждъ тыла. Вотъ основная причина того, что передъ тыломъ сейчасъ вплотную стоитъ грозный призракъ безтоварья: промышленность, отчасти и сельское хозяйство не въ силахъ одновременно обслуживать и нормальныя потребности тыла, и сильно возросшія потребности арміи. Положеніе усложняется еще цѣлымъ рядомъ привходящихъ факторовъ — разстройствомъ транспорта, спекуляціей и особенно обезцѣненіемъ денегъ, главнымъ источникомъ современной дороговизны...

При той тѣсной связи, какая существуетъ между условіями жизни въ тылу и состояніемъ и настроеніемъ боевыхъ силъ, согласованіе продовольственныхъ интересовъ тыла и фронта является однимъ изъ самыхъ важныхъ условій для „организаціи побѣды“. Между тѣмъ продовольственная практика все время идетъ въ обратномъ направленіи: принося тылъ въ жертву фронту, она усложняетъ и безъ того трудное положеніе...

Затрудненіе усугубляется еще однимъ обстоятельствомъ. Воспроизводство потребляемыхъ продуктовъ съ своей стороны требуетъ чрезвычайно внимательнаго къ себѣ отношенія: безъ сырья, топлива, рабочихъ рукъ и ихъ опредѣленнаго сочетанія невозможенъ правильный и непрерывный ходъ воспроизводства. И здѣсь одностороннее недальновидное и упрощенное пониманіе заботъ о фронтѣ и пренебреженіе яко бы во имя его запросами не только потребленія, но и производства въ тылу должно очень тяжело въ свое время отозваться и на условіяхъ снабженія арміи. Уже сейчасъ сказываются въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства результаты такой политики: недостатокъ топлива, реквизируемаго казной, заставляетъ останавливать металлургическіе и металлообрабатывающіе заводы; отсутствіе подвоза муки, прерывая работу мельницъ, влечетъ за собой мучной голодъ и т. д. Вотъ почему созданіе условій, обезпе́чивающихъ болѣе или менѣе нормальную дѣятельность хотя бы главныхъ отраслей производства, является для даннаго момента одной изъ важнѣйшихъ очередныхъ задачъ.

VII.

Вообще говоря, даже во время войны состояніе производительныхъ силъ не является стаціонарнымъ. Размѣры производства въ извѣстныхъ предѣлахъ могутъ быть увеличены путемъ болѣе полнаго использованія техническихъ оборудованій, улучшенія техники, повышенія производительности труда, болѣе цѣлесообразной организаціи производства. При тѣхъ же самыхъ производительныхъ силахъ можетъ происходить перемѣщеніе ихъ въ сторону производства болѣе необходимыхъ въ данный моментъ продуктовъ. Точно также и результаты производства путемъ вмѣшательства въ ихъ распредѣленіе могутъ быть использованы для болѣе полнаго и цѣлесообразнаго удовлетворенія наличныхъ потребностей. Такимъ путемъ, до извѣстной степени могутъ быть смягчены и ослаблены послѣдствія низкой производительности страны.

Такое направленіе экономической политики во время войны требуетъ, однако, общественнаго вмѣшательства въ стихійные процессы производства и распредѣленія въ современномъ капиталистическомъ обществѣ. Общественное вмѣшательство, въ свою очередь, должно опираться на высокую организацію общественныхъ силъ. Примѣръ Германіи, болѣе или менѣе удачно справляющейся съ проблемой продовольствія индустріальной страны продуктами собственнаго сельскаго хозяйства, показываетъ, какъ много можетъ дать организованное вмѣшательство общественныхъ силъ въ хозяйственную жизнь, не затрагивая даже устоевъ современнаго общества, зиждущагося на анархіи производства.

Въ Россіи между тѣмъ происходитъ какъ-разъ обратное: дезорганизація народнаго хозяйства растетъ съ каждымъ днемъ и достигла уже угрожающихъ размѣровъ. Всѣ попытки бюрократіи упорядочить дѣло безъ участія общественныхъ силъ только усугубляютъ хозяйственный хаосъ, созданный войной. Взявшіе въ свои руки снаряженіе арміи военно-промышленные комитеты, по откровеннымъ признаніямъ ихъ заправилъ, не могутъ даже въ данный моментъ отказаться отъ извлеченія личныхъ выгодъ, далеко не всегда совпадающихъ съ очередными задачами, стоящими сейчасъ передъ страной. Широкіе слои демократіи, наиболѣе заинтересованные въ упорядоченіи хозяйственнаго хаоса и наиболѣе способные внести нѣкоторый порядокъ въ хозяйственную жизнь, съ трудомъ пробиваются къ дѣлу сквозь толщу препятствій, чинимыхъ имъ и бюрократіей, и верхними слоями населенія.

VIII.

Демократія Россіи, подобно демократіи всѣхъ воюющихъ странъ, не можетъ не стремиться къ скорѣйшему прекращенію міровой войны. Мира требуютъ интересы международнаго движенія. Но столь же настоятельно требуютъ мира и національные интересы каждой страны. Затяжная война грозитъ духовной и матеріальной культурѣ такими послѣдствіями, какія трудно даже сейчасъ себѣ представить. Экономическое разореніе всѣхъ странъ, безпощадное истребленіе производительныхъ силъ грозитъ далеко откинуть назадъ и демократію и культуру. Это одинаково относится и къ возможнымъ побѣдителямъ, и къ возможнымъ побѣжденнымъ.

Особенно тяжелы должны быть послѣдствія войны для хозяйства отсталыхъ странъ. Одинаковое по абсолютнымъ размѣрамъ уничтоженіе производительныхъ силъ ляжетъ относительно неодинаковымъ бременемъ на хозяйства отсталыхъ и развитыхъ странъ. Истребленіе живой рабочей силы особенно должно быть чувствительно для странъ съ низшимъ органическимъ строеніемъ капитала.

Медленное экономическое возрожденіе страны въ свою очередь должно задержать и политическое и культурное ея возрожденіе. При извѣстныхъ условіяхъ въ странѣ можетъ создаться несоотвѣтствіе между общественнымъ движеніемъ и тѣмъ экономическимъ базисомъ, изъ котораго оно черпаетъ свои силы,

Скорѣйшее заключеніе мира для Россіи, какъ и для большинства воюющихъ странъ, становится экономической необходимостью. Но это отнюдь не значитъ, что страна и ея демократія должны стремиться къ миру во что бы то ни стало, къ миру на какихъ бы то ни было условіяхъ. Наиболѣе рѣшительные и послѣдовательные противники всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило и какія бы формы оно ни принимало, не могутъ безропотно и добровольно подчиняться насилію, угрожающему имъ и ихъ странѣ извнѣ. Миръ для демократіи пріемлемъ только на опредѣленныхъ условіяхъ, исключающихъ возможность экономическаго, политическаго и культурнаго порабощенія той страны, съ судьбами которой связала ее исторія.

Какъ бы парадоксально на первый взглядъ это ни казалось, но стремленіе къ миру требуетъ отъ демократіи активнаго сознательнаго

и организованнаго—участія въ защитѣ страны. Только такое участіе можетъ въ той или иной степени обезпечить демократіи вліяніе на исходъ войны и условія мира. Только превращеніе войны въ народную самозащиту можетъ положить предѣлъ завоевательнымъ авантюрамъ германскаго милитаризма, усиливъ въ Германіи все болѣе нарастающую тамъ въ силу тяжелыхъ матеріальныхъ условій тыла оппозицію демократіи противъ войны. Наоборотъ, самоустраненіе демократіи отъ дѣла защиты страны или устраненіе ея отъ этого дѣла другими общественными силами повело бы лишь къ затяжкѣ и обострѣнію военнаго кризиса, къ азартнымъ ставкамъ обѣихъ сторонъ на окончательное истощеніе противника. При данномъ соотношеніи борящихся силъ результатъ такого военнаго азарта имѣлъ бы совершенно случайный характеръ, далъ бы возможность побѣдителю диктовать условія побѣжденнымъ и былъ бы чреватъ угрозой новыхъ военныхъ осложненій въ близкомъ будущемъ.

Было бы вреднымъ самообманомъ закрывать глаза на тѣ затрудненія въ хозяйственной области, которыя несетъ Россіи каждый новый день войны. Но бываютъ положенія, когда противодѣйствіе насилію, несмотря даже на мало выгодное соотношеніе силъ, представляется неизбѣжнымъ и неотвратимымъ. Въ такихъ случаяхъ многое приходится ставить на карту. Въ такихъ случаяхъ требуется наибольшее напряженіе силъ, какое только возможно...

Какъ ни тяжело теперь хозяйственное положеніе Россіи, оно далеко еще не является совершенно безнадежнымъ. Внутри страны далеко еще не исчерпаны всѣ имѣющіяся у нея экономическія возможности. Общественная самодѣятельность можетъ поднять еще силу хозяйственной сопротивляемости Россіи и перемѣстить въ ея пользу то неустойчивое равновѣсіе, какое теперь установилось на фронтѣ. У Германіи такихъ неиспользованныхъ возможностей, несмотря на всѣ ея экономическія преимущества, остается, повидимому, уже значительно меньше. Такое нарушеніе равновѣсія въ сторону Россіи было бы не чѣмъ инымъ, какъ шагомъ къ скорѣйшему прекращенію войны.

Черезъ оборону страны къ свободному миру, равно обезпечивающему народные интересы договаривающихся странъ,—таковъ только и можетъ быть сейчасъ очередной лозунгъ россійской демократіи. Однимъ изъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ въ пользу этого лозунга является состояніе народнаго хозяйства въ странѣ.

К. ДМИТРІЕВЪ.

Статья Л. Сѣдова: «Вчера—Сегодня—Завтра», по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, появиться въ сборникѣ не могла. (стр. 57—70).

Марксизмъ и радикализмъ.

Недавно одинъ изъ нашихъ единомышленниковъ съ сожалѣніемъ констатировалъ, что въ Англіи единственная марксистская соціалдемократическая партія и та примкнула къ имперіалистамъ на время войны, а независимая рабочая партія, теоретически очень неопредѣленная, отвергла „имперіалистическія идеи".

Вотъ это дѣйствительно знаменательное явленіе. Послѣдователи научнаго соціализма за „имперіалистовъ", т.-е. за войну, а послѣдователи ненаучнаго, сумбурнаго соціализма противъ войны! Выходитъ, что научность, принципіальная выдержанность и обоснованность что то довольно вредное, а вотъ безпринципность, смутное понятіе объ общественныхъ явленіяхъ что-то довольно полезное. Да это развѣ только въ одной Англіи? За войну стоятъ соціалдемократическія партіи Франціи, Бельгіи, Германіи, Австріи, словомъ, всѣ соц. партіи воюющихъ государствъ за исключеніемъ Сербіи и Россіи. Эта мысль въ одномъ русскомъ зарубежномъ изданіи выражена такъ: „Отъ интернаціонала отошли всѣ соціалдемократическія партіи воюющихъ странъ, за исключеніемъ сербской, россійской и части англійской".

На одной сторонѣ Европа, на другой—сербы дамы! Одно только славянство высоко держитъ знамя интернаціонала, всѣ остальныя расы и націи свернули его предъ своими національными шовинистами. Востокъ посрамилъ Западъ! Все это разсужденіе сильно обдаетъ запахомъ самодовольнаго націоналъ-соціализма, съ претензіей быть единственнымъ хранителемъ и выразителемъ настоящаго марксизма.

Наши „пораженцы" и „нейтралисты" не могли лучше охарактеризовать себя; до сихъ поръ часть изъ нихъ изъ года въ годъ выста-

вляла себя послѣдовательными марксистами, а остальныхъ россійскихъ с.-д. „ликвидаторами“ и ревизіонистами. Теперь они только раздвинули границы и свое излюбленное саморекламированіе перенесли на всѣ европейскія соц. дем. партіи, съ той лишь разницей, что они въ это невыгодное дѣло вовлекли вчерашнихъ „ликвидаторовъ“ и „ревизіонистовъ“, за что, конечно, имъ давно выдали индульгенцію объ отпущеніи всѣхъ прежнихъ грѣховъ.

Но если вѣрно все то, что они на всѣхъ перекресткахъ твердятъ, если на самомъ дѣлѣ, мы, да сербы, остались настоящими марксистами, а всѣ остальные измѣнили интернаціоналу, то не слѣдуетъ ли отсюда полная дѣйствительная ревизія и ликвидація всѣхъ основъ научнаго соціализма? Утверждать, что марксизмъ потерпѣлъ неудачу на западѣ и нашелъ убѣжище на востокѣ—не значитъ ли разъ на всегда поставить надъ нимъ крестъ? Выходитъ, что наилучшая почва марксистскаго соціализма—это полунатуральное хозяйство, культурная отсталость, старый режимъ, слабый капитализмъ, господство деревенщины—словомъ все то, чѣмъ славится наше большое отечество. Въ такомъ случаѣ о чемъ спорили съ народниками? Вѣдь это давно сказано ими, а нами давно опровергнуто. А теперь опять попятились назадъ къ разрушеннымъ и уже забытымъ народническимъ иллюзіямъ. Вотъ это-то и есть подлинное, ничѣмъ не прикрытое ликвидаторство, въ корнѣ подкапывающее всѣ завѣты интернаціонала.

Какъ видите, одна постановка вопроса по пораженчески-нейтралистская съ полной очевидностью обнаруживаетъ всю неясность ихъ позиціи: путаница слѣдуетъ за путаницей и кончается ликвидаціей всѣхъ основъ марксизма.

Такъ, въ чемъ дѣло? Неужели отъ интернаціонала отошелъ западно-европейскій пролетаріатъ, а мы остались ему вѣрны? Что случилось?

Случилось самое обыкновенное, не разъ случавшееся явленіе: у насъ и теперь, какъ это было неоднократно раньше, за настоящій, послѣдовательный марксизмъ выдается то, что ничего общаго съ марксизмомъ не имѣетъ.

Въ нашей печати давно выяснено, что Россія находится въ той стадіи политическаго развитія, въ которой находился Западъ еще до появленія марксизма, до начала самостоятельнаго рабочаго движенія. Поэтому здѣсь, какъ и тамъ въ соотвѣтствующую эпоху, пролетарскую борьбу прикрываетъ общедемократическая борьба, ибо на очереди стоитъ рѣшеніе общеполитическихъ задачъ, обезпечивающихъ развитіе всего буржуазнаго общества. Въ этой борьбѣ всѣ заинтересованные

классы очень близко стоятъ другъ къ другу, пролетарскіе и непролетарскіе элементы часто смѣшиваются и образуютъ одну общую боевую фалангу.

Разъ въ центрѣ общественной борьбы стоитъ то, что объединяетъ пролетаріатъ съ другими недовольными классами, разъ онъ самъ кровно заинтересованъ въ созданіи политическихъ условій для развитія буржуазнаго общества въ цѣломъ и нація концентрируетъ свое вниманіе не на соціальномъ моментѣ, какъ это происходитъ на Западѣ, а на моментѣ политически-конституціонномъ, что давно превзойдено Европой, ясно, что собственный классовый интересъ пролетаріата по неволѣ затушевывается и потому рабочій авангардъ подъ давленіемъ всей націи часто сходитъ съ классовой позиціи и пристаетъ къ другимъ классамъ. Въ этомъ положеніи, впрочемъ, находятся и другіе современные классы, изъ коихъ ни одинъ не можетъ оформиться, откристализоваться и цѣликомъ принять свою собственную физіономію, пока всѣ они вынуждены бороться за общее дѣло, за раскрѣпощеніе Россіи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эти классы вліяютъ другъ на друга идейно. Сколько мелко-буржуазныхъ утопій гуляетъ среди марксистовъ и сколько—марксистскихъ положеній среди мелко-буржуазныхъ идеологовъ! Но такъ какъ каждая партія обладаетъ болѣе или менѣе стройной теоріей и программой, то, занесенные изъ другихъ партій положенія выдаются подъ флагомъ собственной партіи, хотя они совершенно не вяжутся съ позиціей того класса, который данная партія представляетъ. Еще недавно, русскіе народники и грузинскіе федералисты выдавали себя за лучшихъ соціалистовъ, чѣмъ марксисты, а теперь дожили до того, что россійскіе марксисты выдаютъ себя за настоящихъ, а европейскихъ окрестили измѣнниками.

Итакъ, въ центрѣ общественной борьбы стоитъ на западѣ соціальный вопросъ, что отмежевываетъ пролетаріатъ отъ непролетарскихъ слоевъ и заставляетъ ихъ соціально самоопредѣлиться. Весь марксизмъ основанъ именно на этомъ классовомъ отмежеваніи пролетаріата и борьбы его со всѣми буржуазными классами; слѣдовательно, западно-европейскій пролетаріатъ объективно, въ силу исторической необходимости цѣликомъ стоитъ на почвѣ марксизма, на почвѣ классовой и идейной диференціаціи по отношенію къ другимъ частямъ общества, между тѣмъ, какъ россійскому пролетаріату такой почвы исторія еще цѣликомъ не создала.

Разъ общественное движеніе у насъ и на западѣ вращается вокругъ двухъ разныхъ моментовъ, соціальнаго и конституціоннаго, естественно, что на великую войну тамъ и здѣсь смотрятъ съ двухъ раз-

личныхъ точекъ зрѣнія. Россійскій пролетаріатъ, какъ передовой борецъ за политическую свободу смотритъ на всѣ общественныя явленія съ точки зрѣнія этой свободы; антиреакціонный принципъ сталъ для него самодовлѣющимъ, руководящимъ принципомъ, которому онъ подчиняетъ всѣ другіе привходящіе моменты. Здѣсь говорятъ: при чемъ тутъ мы въ этой войнѣ,—мы, сидящіе на галлереѣ, безправные и безгласные; насъ интересуютъ вопросы свободы, а не вопросы войны. Совсѣмъ иначе разсуждаетъ западно-европейскій пролетаріатъ, который на войну смотритъ съ точки зрѣнія соціальной борьбы, слѣдовательно, съ точки зрѣнія экономическаго развитія своей страны. Для него вопросы о побѣдѣ, или пораженіи являются вопросами усиленія или ослабленія пролетарскаго движенія, ибо разрушеніе оружіемъ того экономическаго фундамента, на которомъ исторически создалась и укрѣпилась данная страна, разрушаетъ базисъ классовой борьбы и задерживаетъ экономическое развитіе всего общества въ цѣломъ. Здѣсь вопросъ идетъ о существованіи самыхъ основъ исторически сложившихся обществъ, въ предѣлахъ которыхъ идетъ освободительная борьба рабочаго класса. Разрушеніе этихъ обществъ извнѣ прерываетъ нормальное теченіе этой борьбы и вниманіе всего общества поглощается вопросами ничего общаго съ этой борьбой не имѣющими.

Кто изъ насъ стоитъ на почвѣ марксизма — россійскіе или западно-европейскіе с.-д.?—Безусловно, послѣдніе. Вѣдь, марксизмъ исходитъ не изъ политическихъ, а изъ экономическихъ соображеній и учитъ, что движущую силу общественнаго развитія составляетъ ростъ производительныхъ силъ, съ которымъ неразрывно связанъ ростъ пролетаріата, концентрація собственности, обострѣніе общественныхъ отношеній, усиленіе классовой борьбы, соціальная революція. Вотъ этой основной задачѣ служатъ всѣ политическія и экономическія требованія марксистовъ; политическая свобода, международный міръ, рабочее законодательство, свобода торговли и т. д., означаютъ въ то же время созданіе условій для роста производительныхъ силъ и дальнѣйшаго развитія общества. Непріемлемъ такой политическій строй, который препятствуетъ экономическому прогрессу.

Спрашивается, возможенъ-ли конфликтъ между политическимъ и экономическимъ принципомъ? Безусловно возможенъ, ибо въ обществѣ есть цѣлые классы, интересы которыхъ совершенно не требуютъ безпрерывнаго роста производительныхъ силъ. Таковы изъ старыхъ классовъ помѣстное дворянство, а изъ новыхъ—мелкая буржуазія. Первое является охранителемъ старыхъ устоевъ и представляетъ изъ себя сплошную реакціонную массу, вторая борется съ этими устоями, но

не идетъ по пути раскрѣпощенія страны до конца. Для нея экономическое развитіе означаетъ матеріальную необезпеченность, потерю собственности и переходъ въ армію наемныхъ работниковъ. Поэтому мелкая буржуазія практически, и ея идеологи теоретически стремятся къ удержанію производительныхъ силъ на одномъ уровнѣ, къ ослабленію экономическихъ противорѣчій, къ установленію вѣчнаго, но „справедливаго“ капитализма, словомъ, къ созданію экономической посредственности.

Слѣдовательно, два класса современнаго общества, пролетаріатъ и мелкая буржуазія, исходятъ изъ совершенно различныхъ другъ другу противоположныхъ экономическихъ принциповъ. Только крупная и средняя буржуазія заинтересованы въ развитіи производительныхъ силъ, развитіи своего благосостоянія. Но со времени возникновенія запретительныхъ пошлинъ и финансоваго имперіализма, когда свободная конкуренція объявлена зломъ и на всемірномъ рынкѣ конкурируютъ не качества товаровъ, а количества вооруженныхъ силъ, вывозныя преміи, государственныя субсидіи, когда капиталъ увеличивается путемъ обиранія всѣхъ некапиталистическихъ классовъ, тогда въ этой фазѣ капитализма, которую мы нынѣ переживаемъ, ростъ производительныхъ силъ не является требованіемъ буржуазіи.

Только одинъ пролетаріатъ заинтересованъ въ созданіи такихъ національныхъ и международныхъ отношеній, при которыхъ производительныя силы могутъ безпрерывно расти во всѣхъ странахъ безъ исключенія. Не ясно-ли отсюда, насколько отошли отъ принциповъ марксизма наши „истинные марксисты“, которые на всемірную войну смотрятъ съ точки зрѣнія своей политической колокольни. Но вѣдь эта точка зрѣнія мелкой буржуазіи, нисколько не заинтересованной въ ростѣ экономическихъ силъ и потому дальше своего прихода и обывательской конституціи не идущей. Эти два экономическихъ принципа, свойственныхъ этимъ двумъ классамъ, порождаютъ два различныхъ политическихъ принципа. Это, конечно, не опровергаетъ то общеизвѣстное явленіе, что политическія требованія мелкой буржуазіи часто совпадаютъ съ таковыми же требованіями пролетаріата. Но и въ этомъ они существенно отличаются другъ отъ друга. Мелкая буржуазія нуждается въ реформахъ для укрѣпленія своего соціальнаго положенія, т.-е. для того, чтобы держать капитализмъ подъ кнутомъ и не дать ему развиться до логическаго конца. Пролетаріату же нужны реформы для успѣшнаго веденія соціальной борьбы и достиженія своей конечной цѣли. Сходство только внѣшнее, формальное, а по существу огромная разница. Народники никогда не были заинтересованы въ ка-

питалистическомъ развитіи Россіи, и если по какимъ-либо причинамъ страна застрянетъ на данномъ экономическомъ фазисѣ, или даже вернется назадъ къ общинному землевладѣнію—они нисколько не будутъ огорчены, ибо этого требуютъ интересы ихъ класса и ихъ программа.

Такимъ образомъ, выставленіе антиреакціоннаго принципа, какъ главное мѣрило современной великой борьбы народовъ, вытекаетъ изъ мѣщанскаго кругозора мелкой буржуазіи и въ корнѣ противорѣчитъ пролетарскому міропониманію.

Чѣмъ собственно доказали Сербскіе и Русскіе соціалдемократы свою вѣрность интернаціоналу? Тѣмъ, что парламентскія фракціи обѣихъ странъ отвергли военный кредитъ? Выходитъ, что отверженіе военныхъ кредитовъ какое-то специфически-пролетарское дѣло. Между тѣмъ мы знаемъ изъ исторіи, что къ подобнымъ мѣрамъ прибѣгали и буржуазныя партіи. Такъ напр. въ 1863 г. прусскій ландтагъ отвергъ кредиты на войну съ Даніей, а въ 1866 г. на войну съ Австріей. Въ 1870 г. французская республиканская фракція, во главѣ съ Ж. Фавромъ, голосовала противъ военныхъ кредитовъ Наполеона, необходимыхъ для войны съ Германіей. Почему? Да потому, что они думали своимъ выступленіемъ создать такое замѣшательство, при которомъ сами могутъ очутиться во главѣ власти. И дѣйствительно, какъ только республиканцы достигли цѣли, Ж. Фавръ сдѣлался министромъ, и они стали энергичными защитниками войны и всякихъ военныхъ кредитовъ. Совсѣмъ иную задачу преслѣдуетъ пролетаріатъ. Его цѣль не правительственная партія, не министерскіе портфели; онъ смотритъ дальше, за предѣлы современнаго общества и всевозможныя политическія измѣненія, правительственныя комбинаціи считаетъ переходящими, въ одинаковой мѣрѣ враждебными его основной соціальной задачѣ. Поэтому онъ смотритъ на общественныя явленія, въ частности на всемірную войну не съ точки зрѣнія преходящаго момента, а съ точки зрѣнія экономическаго развитія, а слѣдовательно развитія классовой борьбы, которому онъ подчиняетъ всѣ остальные моменты.

Какъ видите, есть двоякаго рода радикализмъ, изъ коихъ одинъ, мелкобуржуазный, исходитъ изъ политическихъ соображеній и направляется къ правительственнымъ скамьямъ, а другой, — пролетарскій, исходитъ изъ экономическихъ соображеній и стремится къ коренному переустройству всего общества. Первый характеризуется переоцѣнкой политическаго момента, преувеличеніемъ его значенія въ общественной борьбѣ и потому именуется политицизмомъ; за то онъ очень простъ, шаблоненъ и массамъ понятенъ. А такъ какъ, по словамъ Энгельса, легко подкупить фразами рабочихъ крестьянскихъ странъ, то нѣтъ

ничего удивительнаго въ томъ, что у насъ трескучій мелкобуржуазный радикализмъ пользуется успѣхомъ и выдается за чистый марксизмъ. Все это не ново, даже очень старо. Мы видѣли не разъ, какъ часть нашихъ единомышленниковъ даже на чисто-пролетарскія дѣла смотрѣла съ точки зрѣнія антиреакціонизма и за профессіональными союзами, рабочими обществами, кооперативами, клубами не признавали никакой цѣнности, кромѣ политической. Эту точку зрѣнія „использованія“ перенесли теперь и на великую войну. Конечно, имъ нѣтъ дѣла до того, что война можетъ создать условія экономическаго порабощенія и застоя для многихъ странъ, слѣдовательно, условія ослабленія классовой борьбы, разрушенія рабочихъ партій и т. д. Все это имъ не доступно.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ марксистскія партіи Европы (англійскіе независимцы никогда не были марксистами) подошли къ войнѣ съ точки зрѣнія экономическаго развитія, т.-е. остались на почвѣ марксизма. Но такъ какъ каждая изъ нихъ считала свою страну въ состояніи обороны, естественно, всѣ онѣ, считаясь съ постановленіемъ интернаціонала, взялись за оружіе. Ошибка была допущена не въ постановкѣ вопроса, а въ его рѣшеніи: одна часть интернаціонала вообразила свои государства обороняющимися, тогда какъ они были нападающими, зачинщиками войны.

Наши „послѣдовательные“ марксисты не только не рѣшаютъ, но даже и не ставятъ того основного вопроса, который поставилъ весь интернаціоналъ. Они сами отошли отъ интернаціонала, и для прикрытія своего отступленія нападаютъ на тѣхъ, которые остались вѣрными ему, нападаютъ, особенно, на французовъ и бельгійцевъ. Что это самодовольное хвастовство, или невинная простота?

Во всякомъ случаѣ, проповѣдники „использованія“ торжествуютъ побѣду, создавая прозелитовъ среди бывшихъ противниковъ, и это приводитъ къ обыкновенному результату—къ политическому и организаціонному бездѣйствію пролетаріата, не сумѣвшаго связать свои политическія требованія съ требованіемъ момента. Политическія возжи переходятъ къ буржуазіи, съ пробужденіемъ которой началась новая эра въ русскомъ освободительномъ движеніи. Только она смогла необходимость политическаго обновленія связать съ необходимостью защиты страны отъ непріятельскаго нашествія и тѣмъ нашла глубокій откликъ во всѣхъ слояхъ общества. Даже пролетаріатъ зашевелился подъ звуки буржуазнаго набата и отвѣтилъ своими выступленіями. До этого момента всѣ усилія нашихъ „истинныхъ марксис-

стовъ“ вызвать движеніе въ разрѣзъ съ естественнымъ стремленіемъ народа дать отпоръ внѣшнему врагу, терпѣли неудачу.

Тактика „использованія“ окончательно провалилась. Трескучій мелкобуржуазный радикализмъ всенародно обанкротился. Не пора-ли и намъ отъ него всенародно отказаться?

АНЪ.

Замѣтки по поводу войны.

I.

Наканунѣ войны для всѣхъ очевиденъ былъ фактъ, что Германія съ ея высоко-развитой промышленностью, великолѣпно оборудованной сѣтью желѣзныхъ дорогъ, чрезвычайно плотнымъ и культурнымъ населеніемъ, прекрасно организованнымъ и снабженнымъ войскомъ, является наиболѣе могучимъ въ военномъ отношеніи государствомъ на континентѣ. Поведеніе правящихъ круговъ Германіи давало понять, что они, эти круги, отдаютъ себѣ полный отчетъ въ выгодности своего положенія. И это дѣлало особенно напряженнымъ и жуткимъ ожиданіе развязки того конфликта, который такъ неотвратимо надвигался на Европу. Среди силъ, могущихъ противостоять натиску Германіи, самая крупная была... въ самой Германіи. Рабочая демократія этой страны, рѣшительная противница войнъ, главная опора и руководительница рабочаго интернаціонала требовала мира и всѣмъ вѣсомъ своей моральной и матеріальной силы связывала свободу дѣйствій военной партіи Германіи. И когда эта партія одержала свою первую и самую значительную за всю войну побѣду—побѣду надъ своей рабочей демократіей, положеніе сразу стало яснымъ, и сразу и повсюду народы заняли боевыя позиціи.

Сейчасъ не время и здѣсь не мѣсто устанавливать отвѣтственность. Этимъ печальнымъ, но необходимымъ дѣломъ придется заняться впослѣдствіи. Я хочу только закрѣпить въ памяти тотъ фактъ, что позиція, занятая въ этой войнѣ германской соціалъ-демократіей, предуказала рабочимъ всѣхъ странъ Европы ихъ позицію. На слѣдующій день послѣ того, какъ нѣмецкіе товарищи присоединились къ внутреннему миру, провозглашенному въ Германіи, отказались отъ оппозиціи

войнѣ и не за страхъ, а за совѣсть взялись за оружіе, рабочимъ остальныхъ странъ не оставалось ничего иного, какъ принять, вслѣдъ за своими учителями, участіе въ европейской трагедіи. И не потому, что они хотѣли совершить шагъ, такъ рѣзко противорѣчащій ученію и традиціямъ интернаціонала, но потому, что нападеніе, откуда бы оно не исходило, вызываетъ отпоръ, какъ естественную реакцію всякаго живого организма, потому, что надвигавшаяся иноземная армія грозила и уже несла съ собою страданія, разрушеніе и смерть, потому, наконецъ, что слова, обращенныя къ товарищамъ, братьямъ, не могли быть услышаны иноземной а р м і е й. Связи международной солидарности падаютъ, если ихъ бросаетъ или выпускаетъ изъ рукъ хотя бы одна сторона. Братское рукопожатье возможно, когда руки тянутся другъ къ другу... Здѣсь онѣ тоже тянулись, но уже не для рукопожатія.

II.

На штутгартскомъ конгрессѣ 1907 г. Вандервельде, резюмируя пренія въ комиссіи о милитаризмѣ, сказалъ: „существованіе свободныхъ и автономныхъ націй является предпосылкой самой нашей интернаціональности... Необходимымъ послѣдствіемъ такого нашего убѣжденія было признаніе за всякой націей неотчуждаемаго права защищать свою независимость отъ всякихъ внѣшнихъ нападеній“. На этомъ конгрессѣ соціалъ-демократы различныхъ странъ, не боясь быть фальшиво понятыми, говорили о своемъ патріотизмѣ, о своей кровной связи со страной, въ которой они работаютъ, борются, отвоевываютъ себѣ права и надѣются на конечную побѣду. На этомъ же конгрессѣ Бебель точно формулировалъ оборонительный патріотизмъ, словно предвидя совершающіяся теперь событія: „всякій народъ, говорилъ онъ, подвергшійся иноземному завоеванію, даже если оно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для него благодѣтельно, возстаетъ всей своей массой для борьбы за свободу и отодвигаетъ всѣ другія цѣли на задній планъ“.

На этихъ идеяхъ, глубокихъ и вѣрныхъ, воспитывался западноевропейскій пролетаріатъ. Тамъ, за нашей западной границей, онѣ соотвѣтствовали далеко продвинувшемуся впередъ процессу завоеванія рабочими своихъ отечествъ. Борьба въ своемъ отечествѣ и за свое отечество начинала приносить плоды, пролетаріатъ каждой страны пріобщался къ національной культурѣ, становился все болѣе вліятельнымъ факторомъ общественно-политической жизни ея и, „организуясь въ классъ въ предѣлахъ націи“, все больше интересовался ея дѣлами и

дорожилъ ея независимостью. Поэтому, на соціалистическомъ конгрессѣ никого не шокировали, а наоборотъ, вызывали всеобщее одобреніе заявленія: отечество—сокровищница человѣческаго генія и прогресса, и не подобаетъ пролетаріату разбивать эти драгоцѣнные сосуды человѣческой культуры.

Признаніе цѣнности отечества и установленіе права и обязанности защищать его отъ нападеній извнѣ являются аксіомами для соціалистовъ Европы. Оборонительный соціализмъ уже давно представляетъ собою фактъ растущаго и крѣпнущаго рабочаго движенія.

Правда, въ связи съ этимъ фактомъ превращалась въ реальнѣйшую опасность возможность вовлеченія рабочихъ правящими кругами разныхъ странъ въ братоубійственную войну. Стоитъ только представить затѣваемую войну оборонительной... А средствъ для такого одураченія массъ все еще—достаточно въ распоряженіи власть имущихъ. Противовѣсъ этой опасности создаетъ все то же развитіе рабочаго движенія. Постепенная демократизація европейскихъ государствъ, ростъ числа и вліянія рабочихъ представителей въ европейскихъ парламентахъ, сосредоточеніе вниманія широкихъ слоевъ населенія на вопросахъ международной политики даютъ все большую возможность контроля надъ правительствами, бросаютъ лучъ свѣта въ темное царство международной дипломатіи.

На этотъ разъ, къ великому горю народовъ, не удалось предотвратить страшнаго конфликта, но тѣ новыя возможности контроля, на которыя я указываю, дали и еще больше дадутъ данныхъ для установленія основного положенія—для какой изъ столкнувшихся сторонъ настоящая война является оборонительной.

Однако, рѣшеніе этого вопроса, въ высшей степени важнаго для интернаціонала, который несомнѣнно сдѣлаетъ изъ того или иного рѣшенія его рядъ серьезнѣйшихъ теоретическихъ и практическихъ выводовъ, въ данный моментъ не представляетъ особыхъ затрудненій. Этотъ вопросъ, сложный въ моментъ возникновенія войны, чрезвычайно упростился въ ходѣ ея. Германскія войска занимаютъ всю Бельгію, сѣверъ Франціи, всю Сербію, всю Польшу, всю Литву и значительную часть Прибалтійскаго края.

III.

На Западѣ соціалисты, воспитанные, какъ я сказалъ, на идеѣ оборонительнаго патріотизма, сдѣлали изъ этой идеи всѣ необходимые выводы... У насъ возникли тяжелыя сомнѣнія. Эти сомнѣнія облекались покровомъ теоретической ортодоксальности. При этомъ наши теоре-

тики не замѣчали, что они пытались возвести въ догматъ то, что являлось выраженіемъ слабости и отсталости нашего рабочаго движенія. Былъ выдвинутъ боевой афоризмъ, который имѣлъ несомнѣнные смыслъ и значеніе на Западѣ лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, ибо соотвѣтствовалъ тогдашнему положенію рабочаго класса: „У пролетаріевъ нѣтъ отечества!“ Этотъ афоризмъ былъ принятъ въ самомъ узкомъ, врядъ ли соотвѣтствующемъ взгляду автора пониманіи его.

Во всякомъ случаѣ, содержаніемъ пролетарской борьбы съ того времени была неустанная борьба за отечество, т.-е. борьба за права и интересы рабочаго класса въ рамкахъ даннаго отечества. И результаты ея, о которыхъ съ гордостью докладывали на международныхъ конгрессахъ отдѣльныя секціи пролетаріата, у всѣхъ на глазахъ.

Все же этотъ аргументъ мы имѣли печальное право сохранить для себя—у н а с ъ нѣтъ отечества, и потому не наше дѣло защищать чужое отечество. Принимая на минуту этотъ аргументъ, необходимо отмѣтить, что онъ утратилъ свое самое цѣнное для пролетаріевъ качество—свой интернаціональный характеръ. Этотъ аргументъ изъ интернаціональнаго превратился въ самобытно-національный. Принимая его, мы сходимъ съ той почвы, на которой уже давно стоитъ рабочій классъ Запада, и вступаемъ въ область самобытнаго политическаго творчества. Этому не мѣшаетъ то обстоятельство, что наша самобытность въ данномъ случаѣ сводится къ повторенію давно пройденныхъ на Западѣ задовъ.

Печальная практика давно научила насъ съ особой осторожностью относиться къ продуктамъ самобытнаго творчества. Модная когда-то самобытность, которую частенько рекламировали силы стараго порядка, противопоставляя ее сухой и бездушной шаблонности Запада, многократно скомпрометировала себя. Утвержденіе—„не пойдетъ нашъ поѣздъ, какъ идетъ нѣмецкій“ серьезные и вдумчивые люди привыкли считать или результатомъ недомыслія, или спекуляціей съ подозрительными цѣлями...

Нѣтъ, намъ не уйти отъ общаго порядка—къ интернаціональности черезъ развитіе націй, къ великому міровому отечеству черезъ частныя, историческія отечества! Ибо общность языка и культурнаго развитія, общность права и обычая, единство историческаго прошлаго и одинаковость историческихъ судебъ для всего населенія каждой страны предопредѣляютъ этотъ путь развитія. Другихъ путей исторія не знаетъ.

На какой бы ступени развитія ни стоялъ тотъ или иной народъ, судьба каждаго класса его связана съ судьбой всего народа. И чѣмъ

дальше, тѣмъ больше крѣпнетъ эта связь. Порвать ее, выпрыгнуть изъ рамокъ своего народа, отгородиться отъ его судьбы и выбрать себѣ свою, особенную, не въ силахъ ни одинъ, даже самый мощный классъ. Поэтому заинтересованность всякой части въ положеніи и судьбахъ цѣлаго естественна и неизбѣжна. Наоборотъ, неестественна и подлежитъ устраненію незаинтересованность части въ судьбѣ цѣлаго, объясняемая только отсутствіемъ сознанія неразрывной связи между однимъ и другимъ.

Сознаніе этой связи слабо у насъ—въ этомъ наша самобытность. Но и въ данномъ случаѣ наша россійская самобытность, увы, имѣетъ родную сестру въ забываемой уже исторіи западной Европы. И тамъ, въ Европѣ была пора отсутствія сознанія такой связи. Это было въ періодъ младенчества европейскаго рабочаго класса. Въ періодъ младенчества естественны и неизбѣжны дѣтскія болѣзни. Соотвѣтствующая дѣтская болѣзнь называлась анархизмомъ и болѣвшій имъ рабочій классъ былъ не заинтересованъ въ дѣлахъ буржуазнаго отечества и буржуазнаго міра вообще, игнорировалъ его и мечталъ о созданіи своего, особаго міра, не имѣющаго ни связей, ни точекъ касанія съ міромъ буржуазнымъ.

Мнѣ кажется полезнымъ вспомнить о происхожденіи этой идеи незаинтересованности въ дѣлахъ и судьбахъ буржуазнаго, чужого отечества, вспомнить, что эта идея не залогъ грядущихъ откровеній, но убогій остатокъ неизжитой поры младенчества.

Аргументъ—у насъ нѣтъ отечества и потому не наше дѣло защищать чужое отечество, какъ вполнѣ очевидно, есть одна изъ формъ приведенной общей идеи. Въ своемъ развернутомъ видѣ онъ бьетъ гораздо дальше цѣли—намъ нѣтъ дѣла до защиты страны, нѣтъ дѣла до организаціи власти въ ней, до участія въ созданныхъ буржуазіей въ своихъ интересахъ организаціяхъ, до всѣхъ многоразличныхъ формъ участія въ сложной общественно-политической жизни страны.

Въ этомъ видѣ, какъ, впрочемъ, и въ болѣе или менѣе сокращенномъ, эта идея ничего общаго съ марксизмомъ не имѣетъ. Марксизмъ зоветъ рабочихъ къ участію во всѣхъ формахъ общественно-политическаго бытія, къ вмѣшательству во всѣ отношенія, къ борьбѣ за лучшее будущее во всѣхъ областяхъ жизни. Идеѣ невмѣшательства и игнорированія онъ противопоставляетъ идею творческой работы и завладѣнія.

Отъ этой работы мы не можемъ отказаться, но она вся проходитъ въ рамкахъ историческаго отечества.

IV.

Есть люди, хотя число ихъ, кажется, уменьшается съ каждымъ днемъ, которые задаются глубокомысленнымъ вопросомъ—грозитъ ли опасность странѣ или только тѣмъ силамъ, которыя привели страну къ теперешнему положенію. Съ непонятной слѣпотой они не видятъ, что наносимые Германіей удары падаютъ всей тяжестью прежде всего на народъ и ранятъ и терзаютъ живое тѣло его...

Другіе видятъ и понимаютъ... Но они надѣются, что этой страшной цѣной страданій и разгрома будетъ куплено болѣе свѣтлое будущее, болѣе свободныя формы...

Наивныя и опасныя надежды... Внѣшній разгромъ и связанныя съ нимъ страданія могутъ только ухудшить положеніе народа, но не улучшить его. Лишь при одномъ условіи удары извнѣ, расшатывающіе старый режимъ, позволяютъ оппозиціоннымъ силамъ воспользоваться создавшимся положеніемъ. Это бываетъ тогда, когда оппозиціонныя силы представляютъ собою... подлинную силу, т.-е. когда онѣ достигли достаточно высокой степени организованности и пользуются значительнымъ вліяніемъ въ массахъ. Если этого условія нѣтъ налицо, если не оказалось возможности устранить старыхъ, растерявшихся хозяевъ положенія, то по минованіи критическаго момента неизбѣжна реставрація со всѣми ея злобными и жестокими подробностями. Ибо въ этомъ случаѣ наиболѣе организованной, наиболѣе подготовленной и пригодной для использованія власти силой является все тотъ же старый режимъ. Власть, какъ „вещь ничья“, попадаетъ въ руки „перваго завладѣвшаго“, а этимъ первымъ завладѣвшимъ оказывается вчерашній обладатель ея. Всякій знакомый съ исторіей Франціи знаетъ, какъ близка была Франція къ реставраціи послѣ неслыханнаго разгрома 1870 г., хотя, казалось, что никакой режимъ не могъ быть скомпрометированъ такъ, какъ приведшій ее къ разгрому и хотя тогда родились уже тѣ, кто являлись его законными правопреемниками. И эта близость къ реставраціи, если не имперіи, то монархіи, продолжалась долго, очень долго—много лѣтъ еще республиканская форма только прикрывала антиреспубликанскую сущность французскаго государственнаго строя.

Да и тотъ опытъ, который мы продѣлали десять лѣтъ тому назадъ, подтверждаетъ ту же истину... временное ослабленіе, замѣшательство, „уходъ начальства“ быстро смѣняются возстановленіемъ нарушеннаго равновѣсія и возвращеніемъ на старыя позиціи, разъ нѣтъ въ странѣ

организованныхъ силъ, могущихъ использовать создавшееся положеніе.

Тому же учитъ насъ и опытъ послѣдняго года...

Война сама по себѣ—это надо признать—является не организующей, но дезорганизующей силой. Она не только разрушаетъ организаціи мирнаго времени, вырываетъ изъ нихъ людей, далеко разбрасывая ихъ въ разныя стороны, не только останавливаетъ всѣ организаціонные процессы, разрушаетъ всѣ начинанія, рветъ связи, но и устраняетъ изъ поля зрѣнія цѣли и задачи мирнаго времени, въ другую сторону направляетъ мысли, на иной ладъ настраиваетъ чувства.

Неудачная война въ этомъ отношеніи мало отличается отъ удачной. Если же и отличается, то лишь въ смыслѣ усиленія дезорганизующаго вліянія. Поэтому пассивно примиряться съ такой неудачной войной значитъ не только не цѣнить народнаго благосостоянія и народной крови, но и плохо разсчитывать и строить слишкомъ дорогія зданія на слишкомъ зыбкомъ фундаментѣ.

Правда, разгромъ можетъ накалить страсти, вызвать бунты, породить хаосъ... Но все это въ интересахъ не демократіи, а враговъ ея. Великія цѣли освобожденія достигаются работой внутри страны. Режимъ—не тюрьма, стѣны которой достаточно разрушить, чтобы выйти на свободу. Освобожденіе отъ стараго режима есть въ сущности сложный процессъ созданія новаго. И этой работы з а н а р о д ъ никто сдѣлать не можетъ. Или онъ ее сдѣлаетъ, или она не будетъ сдѣлана вовсе. Только тѣ, кто не вѣрятъ въ народъ и боятся его, могутъ или вѣрнѣе хотятъ надѣяться на то, что свободу могутъ подарить странѣ иноземныя арміи и что всѣмъ, даже зрячимъ, остается только отойти къ сторонкѣ и ждать дальнѣйшихъ событій.

V.

По поводу событій, происходившихъ сто лѣтъ тому назадъ, поэтъ писалъ:

— Солнце не вѣчно сіяетъ,
«Счастье не вѣчно везетъ:
«Каждой странѣ наступаетъ
«Рано иль поздно чередъ,
«Гдѣ не покорность тупая—
«Дружная сила нужна;
«Грянетъ бѣда роковая—
«Скажется мигомъ страна.

«... Краснорѣчивымъ возваньемъ
«Не разогрѣешь рабовъ,
«Не озаришь пониманьемъ
«Темныхъ и грубыхъ умовъ.
«Поздно! Народъ угнетенный
«Глухъ передъ общей бѣдой.
«Горе странѣ разоренной!
«Горе странѣ отсталой!
«Войско одно—не защита»...

Теперь опять нашей странѣ насталъ чередъ и опять ей нужна дружная сила. Вотъ только не поздно ли?! Мысль о томъ, что уже поздно, парализуетъ даже тѣхъ, кто не сомнѣвается въ цѣнности родины и не щеголяетъ тупымъ равнодушіемъ къ ея судьбѣ.

Безумiемъ было бы думать, говорятъ они, что мобилизація сможетъ поставить Россію и ея союзниковъ въ равное въ военномъ отношеніи положеніе съ Германіей. Одна только сила можетъ преградить побѣдоносному германскому имперіализму путь къ дальнѣйшимъ побѣдамъ, къ дальнѣйшему топтанію и терзанію побѣжденной Россіи... Эта сила—внутренняя сила негодующаго рабочаго класса Европы, протестующаго противъ продолженія страшной бойни. Другими словами—поздно надѣяться на организацію отпора германскому имперіализму. Хотя захватныя тенденціи его теперь внѣ сомнѣній и спора, но нѣтъ у его противниковъ достаточныхъ силъ для его отраженія. Бороться съ нимъ надо не извнѣ, а изнутри, и эта борьба должна вылиться въ категорическое требованіе рабочими мира безъ аннексій.

Если это такъ, отсюда можно сдѣлать, мнѣ кажется, единственный выводъ: надо искать эту противоборствующую германскому имперіализму силу въ самой Германіи. Ибо трудно было бы понять, какъ рабочій классъ Франціи или Россіи можетъ бороться съ германскимъ имперіализмомъ иначе, какъ отражая его нападенія на ихъ страны. Или здѣсь предлагается рабочему классу этихъ странъ своимъ выступленіемъ показать примѣръ германскому рабочему классу и увлечь его за собою такимъ достойнымъ подражанія примѣромъ?

Чѣмъ можно обосновать такое предложеніе? Послѣднее выступленіе въ рейхстагѣ Шейдемана отъ имени германской соціалъ-демократіи врядъ ли можетъ возбуждать какія-нибудь надежды въ этомъ отношеніи. Правда, Либкнехтъ прерывалъ Шейдемана недовольными возгласами. Правда—и это гораздо важнѣе—среди германской соціалъ-демократіи растетъ и крѣпнетъ теченіе въ пользу мира. Но какой это медленный процессъ! Медленный, несмотря на то, что въ данный моментъ Германія находится въ наиболѣе выгодномъ положеніи и что продолжающаяся борьба уже вполнѣ явно ведется ею не во имя защиты, но ради завоевательныхъ цѣлей. Конечно, и теперь, какъ и въ началѣ войны, дальнѣйшій ходъ событій въ значительной степени зависитъ отъ поведенія германскаго рабочаго класса, наиболѣе сознательнаго, организованнаго и сильнаго. Но пока онъ не проявилъ воли къ миру.

При такихъ условіяхъ выступленія въ пользу мира со стороны тѣхъ, кто находится въ неблагопріятномъ въ военномъ смыслѣ положеніи было бы признаніемъ своей слабости, признаніемъ пораженія. Но

вѣдь такое признаніе разжигаетъ аппетиты побѣдителей, повышаетъ ихъ требованія, словомъ, отдаляетъ, а не приближаетъ миръ, если только побѣжденный не желаетъ отдаться всецѣло на милость побѣдителей. Если же дѣло идетъ о сдачѣ на милость побѣдителей, тогда не приходится говорить о мирѣ безъ аннексій. Тогда аннексіи неизбѣжны. Требованіе мира безъ аннексій есть въ сущности для противниковъ Германіи призывъ къ продолженію борьбы. Только при продолженіи борьбы протесты противъ аннексій пріобрѣтаютъ сколько-нибудь реальное значеніе, ибо гдѣ бы борьба ни продолжалась, она ставитъ борющагося въ этомъ отношеніи въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ сложившаго оружіе. Короче, внутри Германіи требованіе мира безъ аннексій, пропаганда и агитація въ пользу такого мира есть, призывъ къ отказу отъ борьбы. Тамъ такія агитація и пропаганда имѣютъ смыслъ, ибо тамъ теперь дѣло идетъ ужъ, во всякомъ случаѣ, не о защитѣ. Для насъ соотвѣтствующее требованіе есть призывъ къ продолженію борьбы, ибо фактическія аннексіи за нашъ счетъ уже имѣютъ мѣсто.

Всякое другое рѣшеніе, напримѣръ, лозунгъ мира во что бы то ни стало, только отдаляло бы миръ, соблазняя противника легкой добычей. Въ значеніи такого соблазна не трудно отдать себѣ отчетъ, и его отдаютъ и справа, и слѣва.

Рорбахъ въ своей книгѣ, вышедшей въ русскомъ переводѣ подъ названіемъ „Война и германская политика“, совершенно откровенно формулируетъ эту „соблазнительную“ истину — „если народъ недостаточно силенъ, то понятно, что его сосѣди и соперники въ силу естественной и непреодолимой необходимости должны удовлетворять свои потребности за его счетъ, если для нихъ это представляется выгоднымъ и возможнымъ“. Такова формулировка имперіалиста. И кто знаетъ, какую роль сыграла въ рѣшеніи Германіи оцѣнка ея правящими кругами силы Россіи. По свидѣтельству Рорбаха эта оцѣнка звучитъ такъ: „меньше всего намъ должна внушать опасеній Россія. Только тотъ, кто не знаетъ Россіи, можетъ ея бояться“. Въ этихъ словахъ совершенно ясно слышна гипнотизирующая сила соблазна взять то, что плохо лежитъ.

Съ другой стороны, не безполезно вспомнить мнѣніе Бебеля, высказанное по другому поводу, но тоже о значеніи несоотвѣтствія между силами двухъ противниковъ: „антимилитаристская агитація во Франціи, говорилъ Бебель, въ случаѣ ея успѣшности была бы опасна для международнаго мира, такъ какъ въ нѣмецкихъ военныхъ кругахъ слѣдятъ за этимъ дѣломъ съ величайшимъ интересомъ, и дезорганизованная

французская армія имѣла бы для сильнаго противника притягательную силу магнита".

Точно также страны, ищущія своего спасенія въ мирѣ, будутъ имѣть для сильнаго противника притягательную силу магнита, и это будетъ отдалять международный миръ. Для приближенія же мира и для спасенія страны необходимо, чтобы она обладала не притягательной, а отталкивающей силой. Пропагандѣ этой идеи, организаціи такой силы должны быть отданы наши способности, наша энергія, наши связи съ рабочимъ классомъ. И въ случаѣ успѣшности нашей работы окажется, что еще не поздно, потому что ни рессурсы страны, ни силы народа не только еще не исчерпаны, но и не использованы, какъ слѣдуетъ.

Самозащита способна породить энтузіазмъ, удесятеряющій силы. И тогда, гдѣ бы эта борьба, повторяю, ни происходила, она однимъ своимъ упорствомъ, одной длительностью будетъ вызывать въ противникѣ желаніе мира и готовность пойти на уступки ради прекращенія затянувшейся войны. Конечно, нелегко и намъ длить войну, но пораженіе грозитъ жизненнымъ интересамъ страны и будетъ стоить дороже, чѣмъ борьба. Такъ, армія въ самомъ кровопролитномъ сраженіи не несетъ такихъ страшныхъ потерь, какія выпадаютъ на ея долю при бѣгствѣ послѣ боя.

VI.

Мнѣ пришлось слышать однажды недоумѣнные вопросы члена Госуд. Думы, занимающаго мѣсто по лѣвую руку г. Родзянки — „чего еще требуете вы, сторонники самозащиты, отъ рабочаго класса?! Развѣ онъ не изнываетъ сейчасъ на работѣ, на фабрикахъ и заводахъ, развѣ не несетъ всей тяготы войны, развѣ не умираетъ на поляхъ сраженій? Что измѣнитъ въ его поведеніи ваше пріятіе войны?" И въ самомъ дѣлѣ, чего еще ждать, чего требовать отъ народа, разъ онъ и безъ всякихъ требованій работаетъ и умираетъ?! Вотъ только въ этихъ вопросахъ не хватаетъ опредѣленій, слѣдовало бы спросить: чего еще требовать отъ нашего д о б р а г о народа, чего ждать отъ сѣрой святой скотины? На такіе вопросы, пожалуй, отвѣты были бы излишни. Но если не представлять себѣ народа въ видѣ пушечнаго мяса, если по иному оцѣнивать рабочій классъ, тогда вѣдь самые вопросы прозвучатъ дико.

Надо не просто трудиться и умирать, повинуясь чьимъ-то приказаніямъ. Организовать отпоръ, попытаться спасти страну вовсе не значитъ принять лозунгъ—„не разсуждать—повиноваться!" Передъ рабочимъ

классомъ стоитъ задача, требующая напряженія не только физическихъ, но и интеллектуальныхъ и моральныхъ его силъ. При этомъ въ организаціи отпора непосредственно военная, боевая работа имѣетъ далеко не первенствующее значеніе. Сила того живого барьера, который защищаетъ страну отъ дальнѣйшаго вторженія въ нее непріятельскихъ армій въ огромной степени опредѣляется тѣми зарядами матеріальной и моральной энергіи, которые передаются изъ глубокаго и глубочайшаго тыла на фронтъ. Если проявляютъ силу тѣ 4—5 милліоновъ бойцовъ, которые узкой и длинной стѣной стоятъ отъ Балтійскаго до Чернаго моря, въ ихъ силѣ сказываются коллективныя воля и сила всего народа. Если дрогнутъ борющіеся милліоны, это будетъ свидѣтельствовать о слабости всего народа.

Такимъ образомъ для сторонниковъ самозащиты задача ясна—необходимо организовать внутреннія силы страны. Много драгоцѣннѣйшаго времени пропущено. Тѣмъ важнѣе напречь всѣ силы.

До сихъ поръ оборону страны вели правительство и, въ качествѣ подручнаго, торгово-промышленная буржуазія, да еще третій элементъ дѣлалъ черную работу чисто исполнительнаго характера. Демократія не только была устранена, но, что гораздо серьезнѣе, устранилась отъ организаціи защиты. Она только,—я думаю, здѣсь это „только“ вполнѣ умѣстно,—работала и умирала. Чѣмъ это было вызвано, я говорилъ выше. Во всякомъ случаѣ такое самоустраненіе не могло быть объяснено довѣріемъ къ тѣмъ элементамъ, которые руководили защитой. Наоборотъ, недовѣріе къ нимъ являлось лишнимъ аргументомъ въ пользу отказа отъ участія въ оборонѣ. Традиціонное и законное недовѣріе и традиціонная, но незаконная форма проявленія этого недовѣрія. Форма, цѣликомъ объясняемая малой сознательностью русскаго рабочаго класса и слабостью его классовой организаціи. Вмѣсто участія въ работѣ и борьбы за то или иное направленіе ея—отказъ отъ участія, отказъ гордый по внѣшности и безсильный по существу, ортодоксальный по формѣ—„не желаемъ сидѣть за однимъ столомъ съ филистимлянами“—но на дѣлѣ предающій интересы класса. Эта тактика отказа всегда была опасна, теперь она губительна, потому что теперь организація защиты неразрывно связана съ борьбой за демократизацію страны. Отразить натискъ можетъ только самодѣятельная страна, сознательно напрягающая всѣ силы въ борьбѣ за существованіе.

Эти двѣ задачи волею судьбы теперь такъ связаны одна съ другой, что разорвать ихъ нѣтъ никакой возможности. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте предложить борьбу за демократизацію строя безотносительно къ войнѣ. Ваши призывы въ лучшемъ случаѣ останутся непонятыми.

И арміи, и тѣмъ десяткамъ милліоновъ людей, которые съ ней кровно связаны, они, эти призывы, покажутся несвоевременными, едва ли не преступными. Съ другой стороны, попробуйте провести сколько нибудь серьезно дѣло обороны и вы убѣдитесь, что безъ активнѣйшаго участія въ немъ всѣхъ слоевъ народа это совершенно неразрѣшимая задача. Это доказываетъ положительно опытъ Германіи, Англіи и Франціи и отрицательно опытъ Россіи. Въ совершенно иномъ видѣ представится положеніе, если гармонически сочетать обѣ задачи, если лозунгомъ движенія провозгласить—демократизація страны во имя ея защиты!

VII.

Война доказала, что существовавшіе до ея начала органы управленія не могутъ справиться съ колоссальной задачей защиты страны въ борьбѣ съ могучимъ, блестяще организованнымъ современнымъ государствомъ. По крайней мѣрѣ, на Западѣ, сознавая серьезность положенія, правительства съ момента возникновенія войны обратились за содѣйствіемъ и помощью къ общественнымъ организаціямъ. Помощь и была оказана въ полной мѣрѣ, и война приняла общенародный характеръ. Серьезность отношенія къ войнѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ важности тѣхъ жизненныхъ интересовъ, которымъ грозитъ то или иное разрѣшеніе войны.

У насъ тоже возникли общественныя организаціи, сосредоточившія въ своихъ рукахъ многія, весьма важныя функціи. Но въ этихъ организаціяхъ за рѣдчайшими исключеніями нѣтъ представителей рабочей демократіи. Конечно, не во всѣ организаціи зовутъ, далеко не во всѣхъ эти представители встрѣтили бы радушный пріемъ. Но надо ли ждать зова и желать любезности? Въ этихъ организаціяхъ рабочіе должны быть по праву, по тому праву, которое даетъ выполненіе ими ихъ гражданскихъ обязанностей. Самоустраненіе рабочихъ, съ одной стороны, обезсиливаетъ эти организаціи, съ другой, низводитъ рабочихъ на степень гражданъ второго сорта, которые только работаютъ и умираютъ.

Рабочіе имѣютъ право и должны знать,—какъ ведется война, какъ организованъ тылъ, какія мѣры принимаются, чтобы облегчить страданія, причиняемыя войною. Мало этого, рабочіе имѣютъ право и должны участвовать въ самозащитѣ, чтобы направлять ее. Война ставитъ передъ нами рядъ задачъ, для разрѣшенія которыхъ необходимъ рядъ соотвѣтствующихъ организацій. Эти организаціи возможны и необходимы

для обслуживанія именно тѣхъ цѣлей, которыя выдвинула война. Снабженіе арміи боевымъ снаряженіемъ, заготовка и доставка ей провіанта, обезпеченіе рабочими фабрикъ и заводовъ и пріисканіе работы безработнымъ, перевозка и размѣщеніе бѣженцевъ, устройство ихъ на новыхъ мѣстахъ, защита ихъ отъ эксплоатаціи, борьба съ дороговизной, организація экономической жизни страны—вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ задачъ, которыя выдвинуты войной и разрѣшеніе которыхъ неотложно.

Совершенно ясно, что существующіе органы управленія точно такъ же, какъ органы цензоваго самоуправленія безсильны разрѣшить всѣ возникшіе вопросы собственными силами, безъ участія народа. Но также очевидно, что это необходимое участіе народа должно раздвинуть рамки существующей организаціи, должно вести къ демократизаціи нашего строя. Все то, что препятствуетъ самоорганизаціи народа, стоитъ на пути къ самозащитѣ. Поэтому сторонники самозащиты должны употребить всѣ силы для устраненія возникшихъ препятствій. Самозащита должна быть понимаема широко, она должна ограждать страну отъ всякихъ ударовъ, откуда бы они ни исходили.

Но такая борьба возможна только въ организованной формѣ. Не человѣческая пыль, а организованныя силы способны дать отпоръ врагамъ народа, только онѣ способны остановить занесенные удары. Легко и просто вести наступленіе, когда передъ наступающимъ безкрайное поле, покрытое трупами, отъ которыхъ отлетѣлъ духъ живъ, но передъ организованными массами, желающими защищать себя и свою страну, остановится въ раздумьѣ даже и рѣшительный противникъ.

ВЛАДИМИРЪ ВОЛЬСКІЙ.

Цензовая Россія и демократія.

Координація усилій для защиты страны.

Взаимоотношенія рабочей демократіи и буржуазной оппозиціи сыграли въ свое время въ исторіи русскаго общественнаго движенія огромную роль. Исторія 1904—1906 годовъ въ значительной степени опредѣляется характеромъ соотношенія этихъ силъ.

Русская буржуазія, особенно въ лицѣ ея наиболѣе экономически-сильныхъ капиталистическихъ слоевъ, обнаружила себя въ эти годы въ политическомъ отношеніи крайне слабой, недостаточно сложившейся и аморфной. Страхъ передъ тѣмъ, что широко разлившееся тогда рабочее движеніе ограничитъ ея безудержную и первобытную по своимъ пріемамъ эксплуатацію, опасеніе, что вмѣсто обычнаго государственнаго покровительства и опеки, къ которымъ такъ привыкли представители русскаго капитализма, государство вынуждено будетъ перейти къ соціальному законодательству, заставляли эти круги неуклонно проявлять полнѣйшую политическую неустойчивость. Сегодня они выражали пожеланія, идущія въ сторону стремленій рабочей демократіи, завтра—готовы были перекинуться въ противоположный лагерь. Средніе обывательскіе слои и буржуазная интеллигенція, лишенныя опоры въ народныхъ массахъ, въ извѣстной степени равнялись по этимъ настроеніямъ въ промышленной средѣ, и по нимъ создавать свою политическую теорію и практику.

Съ другой стороны, и рабочая масса, не встрѣчая на первыхъ ступеняхъ своего классового оформленія яркихъ и убѣдительныхъ проявленій буржуазной оппозиціи, не склонна была дѣлать различій

въ противостоящихъ ей классахъ и слояхъ, отличать прогрессивные отъ непрогрессивныхъ, и въ своей повседневной практикѣ относилась къ нимъ, какъ къ одной сплошной реакціонной массѣ.

Крайняя слабость буржуазной оппозиціи и относительно широкій размахъ стихійнаго рабочаго движенія создавали въ сознаніи передовыхъ рабочихъ круговъ иллюзію всемогущества рабочаго класса, пріучали рабочихъ смотрѣть на себя, какъ на единственную въ странѣ реальную политическую силу. Необнаружившіе же себя, какъ положительный и главное, активный факторъ общественнаго развитія буржуазные классы скидывались со счетовъ вовсе, тѣмъ болѣе, что къ ихъ движенію примѣнялись мѣрки, годныя только для оцѣнки массовыхъ, народныхъ движеній.

За періодъ послѣ 3 іюня 1907 года, когда общественная самодѣятельность постепенно сведена была на нѣтъ, а отъ народившихъ было рабочихъ организаціи оставались случайные обрывки, въ взаимоотношеніяхъ рабочей демократіи и буржуазной оппозиціи не могло произойти существенныхъ перемѣнъ. Введенная съ 1907 г. куріальная выборная система и поведеніе буржуазной оппозиціи въ 3-ей и 4-ой Думахъ еще больше обострили эти отношенія.

Теперь, черезъ десять лѣтъ, міровая война, поставившая Россію передъ опасностью разгрома, и угрожающая ея національной самостоятельности, острѣе чѣмъ когда-либо выдвигаетъ опять на очередь дня именно этотъ вопросъ: вопросъ объ отношеніяхъ рабочей демократіи къ буржуазной оппозиціи. Задачи, поставленныя передъ Россіей 1914—1915 годами, имѣютъ, конечно, не мало общаго съ задачами, стоящими передъ Россіей десять лѣтъ тому назадъ, но эти задачи осложнены и обострены совершенно новыми, и совершенно отсутствующими тогда обстоятельствами. Между обстановкой того времени и обстановкой нынѣшняго имѣется такое же глубокое различіе, какимъ отличается—и по свему характеру и по своему значенію—нынѣшняя міровая война отъ тогдашней русско-японской.

Русско-японская, по характеру своему чисто-колоніальная война, отнюдь не угрожая національнымъ интересамъ Россіи, подчеркнула и указала лишь на недостатки внутренняго механизма. Она поставила передъ русской общественностью задачу внутренняго „обновленія", и только эту задачу. Въ настоящее время, на фонѣ міровой войны, когда Россія въ коалиціи съ демократическими странами Европы оказывается въ положеніи страны явно обороняющейся, эта старая задача появляется въ новомъ видѣ—осложненной, подчиненной и тѣсно слитой съ задачей защиты національно-свободнаго и самостоятельнаго существо-

ванія Россіи. Эта осложненность и обостренность старой задачи, создаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ значительно болѣе широкую почву, чѣмъ прежде, для координированія усилій буржуазной оппозиціи и рабочаго класса.

Для западныхъ странъ—Бельгіи и Франціи—дѣло идетъ о другомъ—значительно большемъ. Извѣстно, что въ случаѣ нападенія на страну сосѣднихъ странъ или въ случаѣ угрозы ея національной самостоятельности, интернаціоналъ никогда не отрицалъ за рабочимъ классомъ страны подвергнувшейся нападенію права не только на самозащиту, но и права, въ извѣстныхъ условіяхъ, во имя такой самозащиты, вступать въ болѣе или менѣе длительное и прочное соглашеніе съ буржуазными правительствами и партіями. (Вхожденіе, напр., въ министерство). Почвой для такого соглашенія можетъ служить лишь извѣстный минимумъ правъ, полученныхъ демократіей, минимумъ болѣе или менѣе обезпечивающій свободное и активное участіе народныхъ массъ въ дѣлѣ организаціи обороны. Но если возможно сомнѣваться даже въ томъ—имѣлся-ли такой минимумъ, напр., во Франціи, когда французскіе соціалисты входили въ министерство, то о Россіи въ этомъ смыслѣ, конечно, смѣшно и говорить. Здѣсь представителей рабочихъ не только никто не приглашаетъ въ министерство, но и буржуазные классы еще не добились для себя даже частичнаго своего представительства въ правительственной власти. Здѣсь во имя обороны и неразрывно связанной съ ней старой задачи приходится говорить пока-что не о соглашеніяхъ съ господствующими классами, а лишь о координированіи силъ съ классами стремящимися стать таковыми. Двуединая задача обороны дѣлаетъ этотъ, въ сущности стародавній вопросъ лишь во много разъ значительнѣе, а всякую ошибку во много разъ опаснѣе для демократіи, чѣмъ это было когда-либо раньше.

Рабочей демократіи не приходится упускать изъ вида, что хотя въ лицѣ буржуазныхъ классовъ своей страны она, какъ всегда, имѣетъ противоположную и противоборствующую ея интересамъ силу, но что въ данный историческій моментъ, вторгнувшіяся въ страну германскія арміи и тѣ условія, которыя привели къ этому вторженію, представляютъ собой для тѣхъ же интересовъ рабочаго класса опасность болѣе непосредственную и грозную. Старая тактическая истина о поддержаніи меньшаго зла противъ большаго остается не только въ силѣ но, передъ лицомъ выдвинутой историческимъ моментомъ двуединой задачи, удваивается въ своемъ значеніи.

Оппозиція, снятая съ очереди.

Въ первый періодъ войны, равный почти году, буржуазную оппозицію можно считать несуществующей. Съ ней случилось почти тоже самое, только въ соотвѣтственно размаху міровой войны болѣе широкихъ размѣрахъ, что имѣло мѣсто въ первые мѣсяцы русско-японской войны. Она объявила себя несвоевременной, снятой съ очереди.

Надо, впрочемъ, думать, что кадетская партія, являвшаяся въ дѣлѣ буржуазнаго самоустраненія идейнымъ гегемономъ, въ началѣ въ большей или меньшей степени дѣйствительно питала надежды на то, что существующія внутреннія условія не послужатъ препятствіемъ для обороны страны. Русская „конституція“, реализованная въ третьеіюньской Думѣ, опытъ русско-японской войны, наконецъ, накопленныя „конституціоннымъ“ (а это что-нибудь да значитъ!?) режимомъ запасы техническихъ и живыхъ человѣческихъ силъ, казались ей и примыкающимъ къ ней элементамъ, достаточной гарантіей не только въ дѣлѣ обороны, но и давали имъ на первыхъ порахъ основанія строить завоевательные планы. Къ разгулу безудержнаго и крикливаго шовинизма, нанесшаго не мало вреда дѣлу обороны, русскій либерализмъ замѣтно приложилъ и свою руку. Питая довольно утопическое представленіе о русской дѣйствительности, русскій либерализмъ пытался въ первое время вынырнуть на поверхность политической арены, уцѣпившись за чужую, и какъ ожидали, побѣдную колесницу...

Но стоящіе у власти верхи, повидимому, представляли себѣ, нынѣшнюю войну также, какъ и буржуазные круги,—вродѣ японской. Въ своихъ разсчетахъ и надеждахъ они также исходили изъ накопленныхъ запасовъ и накопленнаго опыта, и поэтому не возымѣли ни малѣйшаго желанія опереться на русскую „конституцію“, говоря иначе, поставить эту „конституцію“ въ центрѣ военно-общественной мобилизаціи. Они надѣялись вполнѣ обойтись своими собственными силами. Буржуазная оппозиція до октябристовъ включительно оказалась неожиданно для себя въ сторонѣ... Между тѣмъ, отъ ея участія въ событіяхъ зависѣло и ея настоящее и ея будущее.

Но что она могла сдѣлать, чтобы измѣнить такое положеніе и заставить считаться съ собой?—Въ рессурсахъ буржуазныхъ партій, не имѣвшихъ за собой народа, не могло быть ничего другого, кромѣ... надеждъ на благопріятную перемѣну въ настроеніяхъ верховъ. Но что-же, при такихъ условіяхъ, могло заставить верхи измѣнить свои настроенія и пойти навстрѣчу тайнымъ (открыто не заявляемымъ) по-

желаніемъ буржуазнаго либерализма?—Сознаніе своего (бюрократическаго) безсилія въ дѣлѣ обороны? Военныя неудачи? Пораженія?..

И буржуазная оппозиція выбрала единственный соотвѣтствующій ея рессурсамъ путь: путь отказа отъ оппозиціи, демонстрацію внутренняго мира, путь смиренія и благонадежности, возложивъ всѣ свои тайныя упованія на объективный ходъ вещей. Но не переставшіе появляться въ либеральной прессѣ жалобы и сѣтованія на то, чего нѣтъ и чему слѣдовало бы быть, доносили къ верхамъ ея затаенную неудовлетворенность и въ тоже время постоянно, со всей старательностью, подчеркивали ту тяжкую жертву или тотъ тяжкій крестъ, который—въ формѣ политическаго самоустраненія—она добровольно возложила на себя... Это-ли не заслуживало награды?!

Подъ такимъ же знакомъ непротивленія развивалась и организаціонная работа буржуазіи, получивъ свое начало въ наиболѣе оформленной и опытной земской средѣ. Въ то время, какъ демократическіе слои, не говоря уже о рабочей демократіи, лишены были малѣйшихъ открытыхъ путей и подходовъ къ самоорганизаціи, для цензовыхъ земскихъ, а позже и для цензовыхъ городскихъ элементовъ, были пріоткрыты нѣкоторыя, правда, весьма узкія, организаціонныя возможности. Это былъ путь исключительно сотрудничества. Цензовая Россія допускалась оказывать содѣйствіе и помощь государственной власти на почвѣ внутренняго status quo. Такое сотрудничество земскаго и городского союзовъ, длившееся довольно долго, объективно означало молчаливое согласіе на закрѣпленіе тѣхъ самыхъ внутреннихъ условій, которыя совершенно устраняли демократическую и рабочую Россію отъ того или иного участія въ дѣлѣ обороны страны. Буржуазная Россія въ лицѣ своихъ наиболѣе передовыхъ земскихъ и городскихъ элементовъ занимала свои позиціи и продолжала занимать новыя цѣною отграниченія и изоляціи себя отъ Россіи демократической.

Въ земскихъ и городскихъ совѣщаніяхъ и съѣздахъ этого періода не разъ краснорѣчиво подтверждалось—это особенно относится къ грубымъ и циническимъ выступленіямъ г-на Челнокова—какой цѣной цензовые земскіе и городскіе круги пріобрѣтали свое право на организацію.

На этотъ разъ уже безспорно буржуазная оппозиція взяла на себя страшной отвѣтственности инициативу: углубить и расширить ту пропасть между собой и рабочей демократіей, которая въ былое время уничтожала всякія психологическія предпосылки для взаимнаго координированія усилій.

Настроенія, которыя до войны и въ началѣ войны господствовали

въ широкихъ демократическихъ, особенно же въ рабочихъ, кругахъ, до извѣстной степени способствовали этому отгораживанію. Специфическія условія русской жизни сыграли, конечно, рѣшающую роль въ дѣлѣ закрѣпленія и углубленія этихъ настроеній. Большая путаница понятій, внесенная войной, въ которой нелегко было разобраться даже наиболѣе передовымъ рабочимъ, была прямымъ дѣломъ этихъ особыхъ условій. Не говоря уже о сложности міровой ситуаціи, интересы режима въ сознаніи рабочихъ невольно смѣшивались съ интересами страны; отрицательное отношеніе къ внутреннему положенію превращалось въ отрицаніе всего такъ или иначе связаннаго или только соприкасающагося съ этимъ внутреннимъ положеніемъ. Особыя условія русской жизни гипнотизировали сознаніе, слѣпили глаза, загораживали собой перспективы... Бойкотистскія настроенія, находившія и прежде благодарную почву въ передовой рабочей средѣ, въ атмосферѣ первоначальнаго шовинистическаго угара и прямолинейнаго пониманія антимилитаризма, вылились въ пассивно-созерцательное отношеніе ко всей вообще общественной жизни, оказавшейся подъ знакомъ войны.

Такимъ образомъ, въ то время, когда цензовые общественные элементы, отрекаясь и открещиваясь отъ широкихъ народныхъ круговъ, на ихъ безправіи пытались построить свое благополучіе и осуществить оборону, передовой слой рабочихъ стоялъ равнодушно въ сторонѣ, не дѣлая почти никакихъ организаціонныхъ попытокъ, которыя-бы заставили буржуазное общество считаться съ рабочими. Само собой разумѣется, что такое организаціонное строительство мыслимо было только на той почвѣ, на которую поставлена была вся жизнь страны—на почвѣ войны, на почвѣ удовлетворенія тѣхъ потребностей и нуждъ, которыя выдвигала и порождала война. Единичныя пробы отдѣльныхъ рабочихъ кружковъ образовывать общества помощи пострадавшимъ отъ войны и т. п., не встрѣчая дружнаго отклика, не выдерживали и разсыпались при первомъ же препятствіи.

Въ этотъ первый періодъ войны, когда буржуазная оппозиція отказывалась отъ самой себя, а передовые круги рабочей демократіи въ своемъ большинствѣ отвергали ту почву, на которой только и мыслима была своя самостоятельная организація, не могло быть, разумѣется, и рѣчи о какой-либо координаціи усилій.

Государственная Дума.

Второй періодъ начался третьимъ созывомъ Гос. Думы, и уже въ противоположность первымъ двумъ сессіямъ, не для короткой демонстраціи.

Ему предшествовалъ цѣлый рядъ военныхъ неудачъ. Наступательный и завоевательный характеръ войны со стороны Германіи сдѣлался почти безспорнымъ. Германскія арміи отрѣзали Польшу, Литву, часть Прибалтики и угрожали центральнымъ районамъ Россіи. Страна оказалась въ явно опасномъ положеніи.

Годъ войны истощилъ накопленные запасы, на которыхъ основывались надежды всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ обойтись безъ самодѣятельнаго участія страны. Кризисъ обнаружился сразу и сразу принялъ острый характеръ. Война изъ обычнаго столкновенія армій превратилась въ военное соперничество самихъ странъ: въ соперничество національныхъ производительныхъ силъ, культурности и организованности. Такъ, цѣною огромныхъ жертвъ, быть-можетъ, непоправимыхъ упущеній, создались, наконецъ, тѣ благопріятныя для буржуазной оппозиціи (и далеко неблагопріятныя для страны) объективныя условія, при которыхъ она нашла возможнымъ считать себя „своевременной“.

Подгоняемые событіями передовые буржуазные круги сравнительно въ короткій періодъ прорвались цѣлымъ рядомъ оппозиціонныхъ выступленій. Гос. Дума оказалась въ ихъ центрѣ.

Всѣ эти выступленія проходятъ подъ флагомъ общественной (или общественно-промышленной) мобилизаціи, и хотя въ критикѣ существующаго все чаще попадаются ссылки на положеніе широкихъ массъ, но „общественная мобилизація“ понимается и сознательно ограничивается, какъ мобилизація верхнихъ цензовыхъ элементовъ и слоевъ.

Несбыточныя мечтанія о единеніи и о сотрудничествѣ со старой Маклаковско-Щегловитовской властью, обезсиливавшей оборону въ теченіе почти года, рушатся и замѣняются стремленіемъ къ единенію цензовой Россіи противъ руководящихъ внутренней политикой и обороной лицъ и круговъ. Иллюзія внутренняго мира, усердно поддерживаемая до тѣхъ поръ оппозиціей и увеличившая, быть-можетъ, въ много разъ и безъ того огромныя жертвы, понесенныя страной, разсѣивается безъ слѣда.

Засѣданія Г. Думы, въ особенности на первыхъ порахъ, представляютъ яркія, колоритныя страницы. Противорѣчія между внутреннимъ состояніемъ страны и задачами ея обороны, обострившіяся и накопившіяся за годъ войны, вылились въ бурномъ потокѣ рѣчей. Критическія выступленія многихъ правыхъ и умѣренныхъ депутатовъ въ эти первые думскіе дни не только не отставали въ своей рѣзкости и агитаціонности отъ выступленій лѣвыхъ и даже крайнихъ лѣвыхъ, но иной разъ превосходили ихъ. Картина внутренняго положенія страны, на которомъ должно было строиться дѣло обороны, была развернута

и расцвѣчена съ такой убійственной для защитниковъ Маклаковско-Щегловитовскаго управленія яркостью, что даже крайніе правые не рѣшались его отстаивать.

Въ эти дни 4-ая Гос. Дума на самомъ дѣлѣ превращалась въ центръ не только „общественнаго“, но и всенароднаго вниманія. Въ этотъ краткій промежутокъ 4-ая Гос. Дума, въ огромномъ большинствѣ состоящая изъ представителей верхнихъ цензовыхъ круговъ, обычно старательно отгораживающихъ себя отъ народа, боящихся улицы и ея „стихіи“, помимо своей воли, начинала играть роль центра всенароднаго тяготѣнія и всенародной мобилизаціи. Націоналистъ гр. Бобринскій, знаменитый своимъ участіемъ въ галиційскомъ устроеніи, дѣлалъ въ эти дни, и уже конечно, не по своей волѣ, дѣло, весьма выгодное и полезное для демократіи. Туго затянувшійся узелъ противорѣчій русской жизни превратилъ его въ агитатора, которому съ чистой совѣстью, хотя и не на минуту не забывая съ кѣмъ имѣешь дѣло, могла въ тотъ моментъ аплодировать демократія.

Эти первые думскіе дни сразу же обрисовали положеніе вещей: ту сдвижку общественныхъ силъ, которая за это время произошла. Хотя вся тяжесть обличительныхъ ударовъ по обычной страусовой манерѣ буржуазной оппозиціи была направлена по адресу къ этому времени Щегловитова, Маклакова, затѣмъ Сухомлинова, но по существу это не были удары по пустому мѣсту. Они били по господствующей системѣ. Было ясно, что за годъ войны, богатый тяжелыми и, быть-можетъ, непоправимыми „уроками“, произошла давно невиданная изоляція бюрократической и сановной Россіи отъ Россіи цензовой, включая самые ея верхніе и консервативные круги.

Изъ яркихъ, обличительныхъ выступленій думское большинство на первыхъ порахъ не сдѣлала вполнѣ опредѣленныхъ выводовъ. Буржуазная оппозиція, какъ всегда, двигаясь на шагъ впередъ, сама пугалась своего движенія... Но выводы эти были и такъ ясны: обрисованное Думой положеніе вещей ставило на очередь не смѣну правительственныхъ лицъ, а смѣну системы. Иначе говоря: цензовая Россія, поставила себя передъ старой задачей, разрѣшеніе которой властно требуется теперь дѣломъ обороны,—передъ задачей перехода власти отъ кружковъ типа Дурново-Струкова къ представителямъ общественныхъ группъ, связанныхъ съ интересами буржуазнаго развитія.

Перевертывая извѣстное выраженіе, можно сказать: думское большинство, особенно ея правая часть, говоря „стихами“, полагало, что выражается скромной прозой!..

Но что могла сдѣлать для реализаціи этого всплывшаго требованія жизни цензовая Россія сама-по-себѣ? Въ эти дни Дума, безъ сомнѣнія (несмотря на бойкотизмъ ложнаго радикализма), была окружена широкимъ народнымъ сочувствіемъ, ... Но тутъ-то и должна была сказаться и сказалась та дорогая цѣна, какой, отграничивая себя отъ народной массы и тѣмъ закрѣпляя ея неорганизованность и распыленность, земскіе и городскіе цензовые круги добывали свое, увы, жалкое благополучіе. Вѣдь отъ сочувствія массы до организованнаго и сознательнаго участія въ дѣлѣ постановки защиты страны—еще большое разстояніе!

Яркія слова вспыхнувшія, было на думской трибунѣ, скоро и неизбѣжно должны были погаснуть, и погасли, смѣнившись „дѣлами“. И съ такой же естественной необходимостью практическая дѣятельность Думы или т. наз. „дѣловая“ ея работа (которую нашъ либерализмъ такъ любитъ противоставлять словамъ), съ каждымъ слѣдующимъ днемъ думскаго бытія, все менѣе стала походить на слова первоначально вырвавшагося протеста. „Слова“, въ первые моменты кинутыя многими въ порывѣ чувствъ, были какъ-никакъ реальнымъ дѣломъ, имѣвшимъ отзвукъ въ странѣ. „Дѣла“ же, которыми уже овладѣлъ разсудокъ, трезвый буржуазный разсчетъ, почти тотчасъ же превращались въ слова, безъ отклика, безъ резонанса...

Само собой разумѣется, что такое несоотвѣтствіе между „словомъ“ и „дѣломъ“ ничуть однако не означало ослабленія неудовлетворенности, или ослабленія требовательности большинства Думы. Былъ, правда, періодъ, когда нѣкоторая передвижка, начавшаяся, подъ вліяніемъ внѣшнихъ и отчасти внутреннихъ событій, въ правящихъ сферахъ, породили въ оппозиціи нѣкоторыя иллюзіи... Но это былъ краткій моментъ. Недовольство и требовательность большинства 4-ой Думы не только не ослабѣвали, а, пожалуй, наростали, но отъ этого первоначальное противорѣчіе между „словомъ“ и „дѣломъ“ не только не могло уменьшиться, но, въ свою очередь, имѣло всѣ шансы увеличиться. Это было противорѣчіе самой жизни, русской жизни, разрѣшить которое силами только своими буржуазія не имѣла никакой возможности. И, наоборотъ, заинтересованная въ разрѣшеніи той же задачи, и заинтересованная глубже и острѣе, чѣмъ сама буржуазія, русская, въ частности рабочая демократія оказалась бы въ подобномъ же (только не въ смѣшномъ, а въ трагическомъ) положеніи, если бъ ей пришлось, какъ 10 лѣтъ назадъ, разрѣшать ее только своими, изолированными и одинокими усиліями...

Для реализаціи „слова“ въ „дѣло“, для превращенія пожеланія

въ осуществленіе, въ рессурсахъ большинства 4-ой Думы, при настоящемъ положеніи вещей, не было, не могло найтись рычага. Или—пораженческія надежды и упованія (обывательскій мелкобуржуазной радикализмъ кое гдѣ и уперся въ этотъ тупой уголъ!), или—путь компромисса, соглашательства, обходовъ, политиканства... Сюда вскорѣ послѣ возникновенія „блока“ и покатилось думское большинство.

Прогрессивный „блокъ“.

Такъ назыв. лѣвоцентровый блокъ объединилъ шесть думскихъ фракцій (отъ лѣвыхъ націоналистовъ до кадетовъ включительно) и собралъ 315 членовъ Думы. Оформленіе оппозиціоннаго большинства 4-ой Думы, противоставившаго себя старому „курсу“, представляетъ собой явленіе небывалое въ исторіи 3-іюньскихъ думъ. Но и тутъ опять, какъ въ другихъ случаяхъ, не такъ существенно было то, что представляла собой его компромиссная программа. Пункты этой ублюдочной программы, въ случаѣ ихъ осуществленія, оказались бы безконечно отставшими отъ колоссальныхъ требованій момента. Но наиболѣе существенное въ появленіи „блока“—самый фактъ его появленія и противопоставленія, объективно означающій вполнѣ опредѣлившееся столкновеніе претендующаго на наслѣдство „новаго“ со старымъ. Это столкновеніе обнаруживаетъ и фиксируетъ непримиримое противорѣчіе между тѣмъ и другимъ.

Въ самомъ дѣлѣ: какъ ни жалокъ передъ требованіями момента этотъ ублюдокъ программы, спрашивается—переваримо ли, пріемлемо ли, ну, хотя бы для Маклаковско-Щегловитовскаго режима, безъ отказа его отъ самого себя, напр., такое блокистское требованіе, которое говоритъ о „прекращеніи всѣхъ дѣлъ по преступленіямъ политическимъ и религіознымъ“ и объ освобожденіи всѣхъ заключенныхъ и осужденныхъ по такимъ дѣламъ?.. Или же: можно ли себѣ представить, что подобный режимъ способенъ усвоить требованіе объ отмѣнѣ, напр., всѣхъ ограничительныхъ мѣръ для Финляндіи, или—„возстановленіе“ (!) профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, рабочей печати, и прекращеніе преслѣдованій рабочихъ за принадлежность къ нелегализованнымъ партіямъ? Расшифруйте и конкретизируйте эти требованія и—попробуйте сопоставить ихъ съ установившейся политической практикой и емкостью того правопорядка, которому предлагается такая, жалкая съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ пища? Ясно: или она совершенно не можетъ быть имъ усвоена, или, если она будетъ усвоена, это уже не будетъ Маклаковскій режимъ. При такомъ сопоставленіи

становится понятно, что дѣло не въ этихъ робкихъ, неясныхъ пунктахъ, а въ общемъ и заглавномъ, но тоже туманномъ пожеланіи,—пожеланіи „сильной довѣріемъ народа власти“ и „кабинета, составленнаго изъ лицъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ“...

Туманность, неконкретность и этого общаго требованія только лишній разъ характеризуютъ страусовую, достойную самаго рѣзкаго обличенія, тактику цензоваго блока, но фактически это все же есть формулировка необходимости принципіальнаго и качественнаго измѣненія существующаго.

Конечно, фактъ противопоставленія, въ лицѣ большинства 4-й Думы, цензовой, буржуазной, по существу, Россіи—„Россіи“ Маклаковской, могъ вылиться въ болѣе яркія, и главное, понятныя и близкія для всей страны формы, и въ этихъ иныхъ формахъ навѣрное получилъ бы иной вѣсъ и иную внушительность. Но блокистская оппозиція не могла скочить выше своей головы,—выше компримисса: Милюковъ—Вл. Бобринскій.

Программный ублюдокъ блока не даетъ, конечно, ни малѣйшаго представленія странѣ, что необходимо ей уже теперь для своего самоспасенія, но онъ все же вырываетъ непроходимую пропасть между новымъ и старымъ, намѣчаетъ первый шагъ къ тому, что необходимо демократіи. Но не „рѣшительность“, не „радикализмъ“ требованій думскаго большинства тому причиной, а полное отщепенство и неподвижность стараго.

Блокированіе думскаго большинства есть кристаллизація того, что имѣло мѣсто въ началѣ думской сессіи. „Слова“ закрѣпились, въ формѣ перехода правой части Думы въ оппозицію, и это самое цѣнное но слѣва демонстративнымъ и безтактнымъ поведеніемъ к.-д. фракціи, въ лицѣ г. Милюкова, эти слова, способныя оставить слѣдъ въ странѣ, оказались противопоставлены народной массѣ. Дума, безъ сомнѣнія полѣвѣла, полѣвѣла цензовая Россія. Но опять, какъ раньше, не чувствуя подъ собой жизненнаго реагированія демократіи, она попыталась (который ужъ разъ!), путемъ отгораживанія отъ Россіи народной, сдѣлать свою программу пріемлемой для тѣхъ, для кого она означаетъ—самоустраненіе.

Безплотныя „слова“ въ Думѣ не обрѣли плоти и въ блокѣ. Жизнь столкнула старое и претендующее на его наслѣдство новое въ условіяхъ почти полнѣйшаго отсутствія организованнаго самоопредѣленія массъ и прежде всего рабочей демократіи При отсутствіи организованности, и при закрѣпляемомъ поведеніемъ буржуазіи отсутствіи въ массахъ яснаго пониманія того, что—не въ мягкотѣлости и „преда-

тельствахъ“ либерализма, всегда ему присущихъ, надо искать положительную сторону буржуазнаго движенія, а въ объективно навязанной ему позиціи,—рѣзкое и полное значеніе столкновеніе силъ, выявившееся въ Думѣ и блокѣ, неизбѣжно должно было остаться формой безъ содержанія.

Оппозиція капиталистическая.

Не исправила, къ сожалѣнію, этого положенія и чисто-капиталистическая струя, влившаяся къ этому времени въ буржуазное движеніе—въ формѣ организаціи военно-промышленныхъ комитетовъ. Проникнутыя предпринимательскимъ духомъ, особенно наиболѣе крупныя (столичныя, напр.) изъ этихъ организацій, *не могли или не считали возможнымъ*, подобно земской и городской буржуазіи въ Гос. Думѣ и въ Союзахъ, отгораживать себя отъ демократіи. Происходило это, конечно, не изъ-за ихъ большаго, чѣмъ у земцевъ, добросердечія или радикализма, а по причинамъ вполнѣ трезваго матеріалистическаго разсчета. Матеріальные интересы если не городскихъ, то земскихъ людей, превалирующихъ въ организаціяхъ устроенія тыла и снабженія мало соприкасались съ интересами городской демократической массы. Наоборотъ, положеніе капиталистическихъ группъ, родъ ихъ дѣятельности, проникнутой стремленіемъ къ прибылямъ, были слишкомъ тѣсно связаны именно съ тѣмъ классомъ, который представляетъ авангардъ демократіи. Настроенія этого класса не могли быть для нихъ безразличны: они задѣвали ихъ самые близкіе матеріальные интересы. Военно-промышленные заказы и вообще обстановка производства на дѣйствующую армію до крайности обостряли вопросъ о взаимоотношеніи труда и капитала, требуя того или иного его регулированія.

Конечно, и тутъ въ основѣ лежала не идеалистическая „патріотическая тревога“, а тревога гораздо болѣе прозаическая, тревога прежде всего за свой карманъ. Обостренная эксплуатація на почвѣ интенсификаціи труда и сопровождающія ея экстроординарныя сверхприбыли, при наличности экономическихъ конфликтовъ, легко могли обратить на себя общественное, а затѣмъ, и правительственное, вниманіе. Дамокловъ мечъ государственнаго вмѣшательства въ капиталистическій пиръ во время... войны, носящій названіе промышленной „свободы“, былъ страшенъ особенно въ теперешнее время... Всякое производственное потрясеніе отнесено было бы за счетъ капиталистовъ и угрожало имъ лишеніемъ выгоднѣйшихъ привилегій. Наивыгоднѣйшіе заказы,—ибо „въ настоящее время, по откровенному признанію „Промышл. и Тор-

говли", вопросъ о цѣнѣ на товары отодвигается на задній планъ",— могли легко ускользнуть за границу.

Какъ же отвести отъ себя эту опасность? Чѣмъ заслонить себя и свои сверхприбыли въ томъ случаѣ, если съ истощаемыми интенсивностью труда рабочими начнутся конфликты?

Для этого имѣлся стародавній рецептъ, и рецептъ какъ разъ обратный современной оффиціальной модѣ дня: политика—противъ экономики, политическая бравада противъ... „щей съ мясомъ и хлѣбомъ". Вотъ гдѣ, кромѣ общихъ условій, надо искать источника припадковъ капиталистической оппозиціи! И вотъ откуда ея политическая шумливость, нервозность, наконецъ, благодушное отношеніе къ политическимъ настроеніямъ въ рабочей средѣ. Господствующій-же „курсъ", занявшійся въ разныхъ областяхъ „регулированіемъ" экономической жизни еще болѣе подогрѣлъ эти политическія настроенія...

Типичный примѣръ этой двуединой души, живущей въ капиталистической груди, представляетъ собой герой недавнихъ дней, представитель промышленной Москвы, г. П. Рябушинскій. Съ высокими, почти истерическими политическими нотами, прозвучавшими въ его извѣстныхъ рѣчахъ, онъ сумѣлъ и цѣльно и причудливо сплести кряжистое упорство европеизированнаго купца, воспѣвающаго съ высоко-поднятой головой законность и „естественное право" барыша.

Эти противорѣчивыя настроенія, подчеркиваемыя внѣшними событіями, объясняютъ склонность промышленныхъ верховъ предоставить рабочему классу нѣкоторыя возможности для организаціоннаго, а, слѣдовательно, и политическаго самоопредѣленія. Изъ этихъ настроеній и родился тотъ исходящій отъ центральнаго военно-промышленнаго комитета относительно смѣлый и широкій проектъ приглашенія рабочихъ, посредствомъ всеобщихъ выборовъ, участвовать въ рабстахъ военно-пром. организацій.

То, на что—при обсужденіи общественнаго представительства въ „особыхъ совѣщаніяхъ"—не рѣшалась Дума или цензовые земскіе и городскіе круги, на то вынуждена была пойти политически менѣе подвижная промышленно-капиталистическая среда. Роль побудителя въ этомъ дѣлѣ сыграла не позиція рабочихъ и не ихъ требовательность,— все это почти отсутствовало,—а одна лишь близость массы къ промышленнымъ кругамъ...

Вытекая изъ соціальнаго консерватизма и даже изъ враждебности въ этой области къ рабочимъ, капиталистическое свободолюбіе неожиданно раскрывало рабочему классу такія возможности для его организаціоннаго оформленія, какія круто противорѣчили тенденціямъ го-

сподствующаго „курса“. Буржуазно-капиталистическія стремленія, впавшія въ противорѣчіе съ „курсомъ“, въ данномъ случаѣ совпадали съ интересами рабочаго класса. Это открывало рабочимъ богатую почву не только для ихъ независимаго вмѣшательства въ чрезвычайно важное дѣло (общественной и технической) организаціи обороны страны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для координаціи своихъ усилій съ самыми различными слоями оппозиціи *). Неожиданный бойкотъ выборовъ петроградскими рабочими пошелъ съ очевидностью, бьющей въ глаза, прямо на потребу... г.г. Глинкамъ изъ „Земщины“ и Марковымъ изъ Думы. Это они и ихъ единомышленники скрѣпя сердце, терпѣли „опасную“ затѣю военно-промышл. комитетовъ! Характеризуя значительную общественно-политическую отсталость руководящихъ рабочихъ круговъ, за что большая доля вины лежитъ на буржуазіи, петроградскій бойкотизмъ лишній разъ подчеркнулъ, съ одной стороны, подоснову безсилія Думы и ея „блока“, съ другой—близорукость цензовыхъ земскихъ и городскихъ круговъ, старающихся еще больше отгородить отъ себя народныя массы.

Роспускъ Думы.

Довольно широкій откликъ, полученный Гос. Думой и ея „блокомъ“ въ многочисленныхъ резолюціяхъ земскихъ собраній и гор. думъ, поставилъ передъ господствующимъ „курсомъ“ вопросъ рѣзко и недвусмысленно: быть или не быть. Ждать больше было невозможно. Изолированность цензовой Россіи не могла продолжаться безпредѣльно. Задачи же обслуживанія обороны выросли до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, жизнь такъ далеко ушла въ своихъ требованіяхъ, что помощь цензовой Россіи и только ея помощь, какъ бы она сама по себѣ ни была велика и плодотворна, уже не представляла выхода изъ положенія, по крайней мѣрѣ, не могла круто измѣнить его. При теперешнихъ обстоятельствахъ выходомъ могла быть лишь всенародная мобилизація обороны. Но это рѣшительно исключалось. А если такъ, то изъ-за чего же было церемониться съ „блокомъ“? Не лучше ли было вовсе сбросить надоѣдливо будирующіе цензовые элементы?..

Выборъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній . . . . . подготовившихъ впослѣдствіи новое „обновленіе“ кабинета, былъ ясенъ. . . . . Дума была

*) Надо замѣтить, что въ военно-промышл. комитеты, особенно провинціальные входятъ весьма разные элементы и даже политически-радикальные не за страхъ, а за совѣсть.

распущена. Блокистская „дѣловая“ работа прервана въ самомъ разгарѣ. Вполнѣ понятно, поэтому, почему вспыхнувшія было на первыхъ порахъ послѣ роспуска Думы въ лѣвой (к.-д.) части блока желанія уйти изъ особыхъ совѣщаній, *должны* были погаснуть такъ же скоро, какъ загорѣлись. Трезвые совѣты справа *должны* были оказать своедѣйствіе.

Въ самомъ дѣлѣ: что изъ этого ухода могло выйти? Надо полагать, въ совѣщаніяхъ обошлись бы и безъ ушедшихъ. На кого опирался уходъ, къ кому бы онъ апеллировалъ? Въ тѣхъ условіяхъ, *въ которыхъ поставила себя блокистская оппозиція*, уходъ далъ бы лишь демагогическій поводъ указать на ушедшихъ, какъ на дезорганизаторовъ дѣла обороны. Изъ этихъ трагическихъ противорѣчій дѣйствительно гнѣздящихся въ созданномъ войной положеніи вещей, выйдти можно было лишь особо-энергичнымъ усиліемъ. Но не цензовая Россія могла это слѣлать, а если и могла, то не въ томъ положеніи, въ которое, въ значительной степени, сама себя поставила. И поэтому совершенно естественнымъ и логически-вытекающимъ отсюда „лозунгомъ момента“, притомъ единственнымъ лозунгомъ, на которомъ сошлись всѣ „блокисты“, было: „спокойствіе“... Правда, на этотъ разъ не было сказано: „грозное спокойствіе“...

Нашумѣвшіе земскій и городской съѣзды были нѣсколько запоздавшей поддержкой Думы и „блока“, вызвавъ новый рядъ повторяющихъ блокистскія требованія, земскихъ и городскихъ резолюцій. Роспускъ Думы объединилъ еще болѣе широкіе круги цензовыхъ элементовъ и въ то же время поставилъ цензовую Россію передъ тупымъ угломъ. Ея послѣднимъ, наиболѣе рѣшительнымъ шагомъ была попытка петиціи. Положеніе закрѣплялось. Двѣ формулы жизни непримиримо стояли другъ противъ друга. Время уходило, и съ каждымъ днемъ наростающая трагическая коллизія между состояніемъ страны и потребностями ея защиты уничтожали одну возможность за другой, и фактически намѣчали одинъ выходъ,—самый непріемлемый для народныхъ интересовъ... Меньше всего боялись этого выхода сторонники и вдохновителя черной прессы. Интересы народныхъ массъ и особенно интересы рабочей демократіи, къ сожалѣнію, въ недостаточной степени отчетливо понимаемые ими, диктовали отношеніе къ защитѣ страны, какъ къ властному и безкомпромиссному требованію жизни.

И даже въ этотъ моментъ цензовая Россія, въ лицѣ земскаго и городского съѣздовъ, не откликнулись, какъ бы должна была, обнаруживъ отсутствіе самаго элементарнаго чутья.

Вслѣдъ за жестомъ г. Милюкова въ Думѣ, затѣмъ такимъ же жестомъ въ его отзывахъ послѣ роспуска Думы, г. Челноковъ успѣвшій

въ этомъ смыслѣ прославить себя, еще разъ на городскомъ съѣздѣ поставилъ барьеръ между цензовой оппозиціей и народомъ. Правда, на этотъ разъ онъ встрѣтилъ негодующій протестъ со стороны части собранія; однако, большинство и теперь поддержало его, и даже аплодировало. Такая „лойяльность", разумѣется, не измѣнила судьбы городской и земской резолюцій, но еще разъ закрѣпила въ демократическихъ массахъ то психологическое предрасположеніе къ бойкоту буржуазіи въ которомъ фигуры г.г. Челноковыхъ заслоняютъ, къ сожалѣнію, объективную сущность самого движенія.

Впрочемъ, г-да Челноковы и аплодирующіе имъ теперь пожинаютъ то, что старались посѣять. „Курсъ", противопоставившій себя всей странѣ, имѣетъ пока что всѣ основанія быть послѣдовательнымъ. Думу отложили. Но если Дума будетъ собрана, а блокъ въ ней не распадется—реакціонная пресса обѣщаетъ ей печальную участь. А чтобы печальная участь была обезпечена и закрѣплена, г.г. Дубровины, Глинки и весь ихъ черный синклитъ надумываютъ опереться на тотъ самый народъ, отъ котораго съ такимъ рвеніемъ отгораживались г.г. Челноковы и Милюковы. „Щи съ мясомъ и хлѣбомъ" противъ политики и Думы! Таковъ теперь лозунгъ дня, выдвинутый тѣми, кто не хочетъ ни Думы, ни блока, ни г-на Челнокова съ Милюковымъ. Конечно, этотъ „лозунгъ", если онъ не выродится въ кое что напоминающее антинѣмецкіе московскіе черные дни, или по-октябрьское время, настолько же устарѣлъ, насколько утопиченъ. Но—это урокъ буржуазіи. На этотъ разъ она создавала себѣ иллюзіи своего всемогущества, она хотѣла сдѣлать все сама...

Рабочая демократія, хотя она еще и бродитъ въ темнотѣ, надо полагать, не заблудится вовсе. Отнесясь по заслугамъ къ буржуазнымъ представителямъ оппозиціи, ничего не имѣвшимъ противъ отстраненія рабочихъ отъ дѣла обороны, къ самому факту оппозиціи раб. классъ отнесется такъ, какъ диктуютъ ему его собственные, правильно понятые интересы.

Ему нельзя забывать, что старыя ошибки въ теперешнее время, когда надъ страной нависла огромная опасность, могутъ нанести ему—и прежде всего ему—самыя тяжкія, неизлѣчимыя раны.

Этотъ третій, съ начала войны, только что развертывающійся періодъ исторіи цензовой Россіи можно озаглавить: „буржуазія въ тупикѣ". Рабочая демократія—и это въ ея интересахъ, ибо это въ интересахъ обороны страны—должна вывести буржуазную оппозицію изъ этого положенія...

ЕВГ. МАЕВСКІЙ.

Организація общественныхъ силъ и защита страны.

I.

Война застала общественныя силы Россіи дезорганизованными, распыленными. Семь лѣтъ третьеіюньскаго режима съ его неуклоннымъ подавленіемъ общественной самодѣятельности и подозрительнымъ отношеніемъ ко всякимъ организаціямъ снова вернули пробудившуюся десять лѣтъ тому назадъ Россію въ дооктябрьское состояніе.

Задача обновленія страны, поставленная тогда исторіей передъ буржуазнымъ обществомъ, осталась не разрѣшенной, его политическія потребности не удовлетворенными, благодаря недостаточной организованности тѣхъ общественныхъ группъ, которыя могли бы стать на мѣсто временно „ушедшаго—по выраженію В. Розанова—начальства". Послѣдствіемъ же неудачи движенія 1905—07 г.г. явилась еще большая распыленность и политическая дезорганизація русскаго общества. Вернувшись къ политикѣ „твердой власти", бюрократія сумѣла не только механически подавить проявленія общественнаго недовольства, но, до поры до времени, и психологически примирить съ собой нѣкоторыя общественныя группы. Компромиссъ, заключенный бюрократіей съ верхними слоями буржуазіи, которые получили рядъ экономическихъ компенсацій за отказъ отъ борьбы за политическую власть, примирялъ ихъ съ преобладающей политической ролью класса землевладѣльцевъ. Конечно, этотъ компромиссъ не могъ пріостановить общественнаго развитія и предотвратить возникающихъ время отъ времени отдѣльныхъ конфликтовъ между бюрократіей и различными группами буржуазнаго общества, но конфликты эти, не выходя за предѣлы легкой буржуазной фронды, не принимали о б о б щ е н н а г о характера и не

превращались въ этапы осознанной борьбы класса за власть. При такихъ условіяхъ оппозиціонное движеніе буржуазіи, не ставившее въ порядокъ политическаго дня общенаціональной задачи, съ одной стороны, не могло привлечь къ себѣ вниманія и дѣятельнаго сочувствія демократіи; съ другой, не вырабатывало изъ себя никакихъ творческихъ элементовъ для своего организаціоннаго закрѣпленія. Соотвѣтственно этому, политическія партіи буржуазіи превратились постепенно въ чисто-парламентскія группы, лишенныя всякаго вліянія и организованныхъ силъ въ странѣ. Способныя въ отдѣльныхъ случаяхъ на болѣе или менѣе удачную критику, онѣ, всякій разъ, когда дѣло шло о проведеніи сколько-нибудь послѣдовательной политической тактики, пасовали передъ „служителями реакціи—не краснобаями".

Такъ обстояло передъ войной въ лагерѣ буржуазіи. Не очень отрадную картину хотя и въ другомъ отношеніи, представлялъ лагерь демократіи.

Послѣдняя меньше всего могла примириться съ положеніемъ, установившимся послѣ 3-го іюня 1907 г. при Столыпинѣ и его преемникахъ. Но послѣ понесеннаго пораженія демократія не имѣла никакихъ шансовъ на успѣхъ непосредственныхъ попытокъ коренного измѣненія этого положенія. Естественно поэтому, что въ первые годы „успокоенія" общественная активность демократіи, поскольку она проявлялась, почти исключительно направлялась въ область экономическую. Въ деревнѣ аполитическое общественное настроеніе выразилось въ быстромъ, несмотря на неизбѣжныя препоны, ростѣ сельскохозяйственной кооперации, въ городѣ—въ попыткахъ рабочаго авангарда создавать и укрѣплять профессіональные союзы, культурно-просвѣтительныя общества, мѣстами—рабочіе кооперативы. Если верхи буржуазіи использовали эпоху политической депрессіи главнымъ образомъ, для снманія сливокъ экономическихъ выгодъ, то крестьянская и рабочая демократія стремилась въ эту переходную эпоху сорганизовать свои силы на основѣ относительно устойчиваго „новаго" режима.

Несмотря на свой безусловно демократическій и прогрессивный характеръ, крестьянская кооперація до самаго послѣдняго времени отличалась аполитицизмомъ и потому не оказывала никакого вліянія на общественно-политическую группировку въ странѣ. Нельзя того же сказать о рабочихъ организаціяхъ. Даже въ самые глухіе годы этого періода въ нихъ пробивается политическая мысль; съ возобновленіемъ же массового рабочаго движенія, вызваннаго экономическимъ подъемомъ (1910—11), открытыя рабочія организаціи,

созданныя въ годы политической депрессіи, сразу становятся политическими центрами. Впрочемъ, организованность пролетаріата въ этотъ періодъ надо принимать съ довольно существенными оговорками. Организованнымъ былъ только верхній, очень тонкій, слой его, да и то лишь въ важнѣйшихъ промышленныхъ центрахъ. Не объединенныя между собой, рабочія организаціи представляли собой оазисы, вкрапленные на огромномъ разстояніи другъ отъ друга, среди огромной пустыни россійской распыленности; да и степень организованности передовыхъ элементовъ оставляла желать многаго.

Но главной слабой стороной рабочаго движенія до войны было то, что политически оно было совершенно изолированно, что его лозунги не становились, какъ въ 1905 г., лозунгами общенародными, что борьба, веденная имъ за общегражданскія свободы (напр., свобода печати) не встрѣчала ни поддержки, ни сочувствія „общества“. Эта изолированность, вытекавшая изъ общаго подавленнаго состоянія эпохи, рѣзко проявилась наканунѣ войны во время движенія петербургскихъ рабочихъ, которое окончилось ихъ полнымъ пораженіемъ, и свидѣтельствовало о безысходности движенія въ окружающей его атмосферѣ политической апатіи.

При такомъ состояніи общественныхъ силъ вспыхнула война.

II.

Война внесла оживляющую струю въ сонное болото россійской обывательщины: среди самыхъ разнообразныхъ круговъ народа она вызвала подъемъ гражданскихъ чувствъ и пробудила сознаніе необходимости защиты страны отъ угрожающаго ей непріятельскаго вторженія. Благодаря отсутствію въ этотъ моментъ на политической сценѣ организованной демократіи и замѣшательству въ рядахъ ея руководителей и идеологовъ, это почти инстинктивное стремленіе къ защитѣ безъ всякаго сопротивленія и критики вылилось въ безоговорочное объединеніе „общества“ вокругъ бюрократіи. Параллельно съ мобилизаціей арміи въ странѣ началась своего рода общественно-политическая д е м о б и л и з а ц і я, яркое проявленіе которой мы видимъ въ „историческомъ засѣданіи“ Госуд. Думы 26-го іюля 1914 г., когда даже такъ назыв. „отвѣтственная оппозиція“ призывала къ забвенію старыхъ счетовъ съ бюрократіей и къ сплоченію вокругъ нея. Произошло то, что годъ спустя Н. И. Астровъ формулировалъ на совѣщаніи городского союза слѣдующими словами: „Русскіе города, русское земство, общество и

весь (?) народъ... все довѣрили органамъ власти и всемѣрно стали содѣйствовать той же власти, въ рукахъ которой находились теперь честь, достоинство, можетъ-быть—самая судьба Россіи, глубоко сознавая, что только въ единеніи всѣхъ силъ можетъ быть достигнута побѣда“ [1]).

Задача обороны, которая могла быть дѣйствительной только при всесторонней организаціи общественныхъ силъ и устраненіи всѣхъ путъ, сковывающихъ всю присущую демократіи энергію, буржуазными партіями и группами была подмѣнена задачей „объединенія“ общества вокругъ бюрократіи, и поддержки ее во что бы то ни стало, безъ всякихъ условій. Такимъ образомъ, получилось, что огромной важности національная задача, которая въ западно-европейскихъ демократическихъ государствахъ вызвала огромный подъемъ народнаго творчества и энтузіазма и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, породила на время дѣйствительное единство различныхъ, но признанныхъ равноправными, классовъ и партій, у насъ съ самаго начала войны сдѣлалась монополіей бюрократіи и узко-цензовыхъ общественныхъ группъ. Аннексіонистскія стремленія нашей буржуазіи и ея либерально-прогрессивныхъ идеологовъ, въ свою очередь, не могли содѣйствовать превращенію лозунга защиты страны въ лозунгъ общенаціональный.

Организаціонная практика русской буржуазіи вполнѣ соотвѣтствовала ея опредѣлившемуся съ начала войны пониманію задачъ войны и обороны.

Уже въ первые мѣсяцы войны цензовые элементы общества сплотились въ два крупные союза—всероссійскій земскій и городской. Поставивъ передъ собой первоначально весьма узкую, чисто-техническую задачу—устройство лазаретовъ для раненыхъ—оба союза, по мѣрѣ роста выдвигаемыхъ войной задачъ и обнаруженія невозможности справиться съ ними бюрократическими средствами, въ своемъ родѣ явочнымъ порядкомъ стали значительно расширять свои функціи, замѣщая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ официальныя вѣдомства. Борьба съ эпидеміями, устройство питательныхъ пунктовъ, организація лазаретовъ и санитарныхъ поѣздовъ, размѣщеніе бѣженцевъ, мѣры по борьбѣ съ дороговизной и доставленіе продовольствія населенію, снабженіе арміи продовольствіемъ, амуниціей, а потомъ и боевымъ снаряженіемъ—таковы задачи, которыя въ теченіе $1^1/_2$ лѣтъ войны выполняли общеземскій и общегородской союзы и на почвѣ которыхъ они сложились въ широко развѣтвленныя организаціи, необходимыя

[1]) «Изв. всеросс. союза городовъ», № 15, 5—6.

для нуждъ обороны страны и признаваемыя таковыми правительствомъ.

Дѣятельность обоихъ союзовъ содѣйствовала организаціи опредѣленныхъ элементовъ буржуазнаго общества. При этомъ надо отмѣтить нѣкоторое различіе въ соціальной физіономіи обоихъ союзовъ. Земскій союзъ, менѣе демократичный, благодаря своему землевладѣльческому происхожденію, чѣмъ городской; и объединялъ гораздо болѣе узкіе круги; въ то время, какъ послѣдній стремился привлечь къ своей дѣятельности въ большомъ количествѣ болѣе демократическій „третій элементъ“ и сумѣлъ подчинить своему вліянію различныя мѣстныя демократическія интеллигентскія организаціи (попечительства, продовольственныя; „бѣженскія“ и др. комиссіи при городскихъ самоуправленіяхъ и т. п.), земскій союзъ настолько отгородился отъ „народа“, что возникавшія въ деревнѣ на почвѣ обслуживанія арміи крестьянскія организаціи, не только не подпадали, какъ правило, подъ вліяніе работающихъ на той же территоріи организацій земскагосоюза, но, наоборотъ, зачастую становились къ нимъ въ явную оппозицію. Но, несмотря на нѣкоторое различіе, на дѣятельности того и другого союзовъ сказывалось ихъ недемократическое происхожденіе: оба они боялись опереться въ своей работѣ на организованныя народныя массы и, подобно всей буржуазіи, долгое время сознательно закрывали глаза на внутренніе вопросы, которые не только не исчезли, но еще болѣе обострились съ началомъ войны.

Тѣмъ не менѣе энергичная дѣятельность обоихъ союзовъ создала имъ авторитетъ . . . . . ; въ сознаніи широкихъ слоевъ общества, включая интеллигенцію, оказавшуюся теперь, въ отличіе отъ 1905 г., неспособной къ самостоятельному организаціонному творчеству, союзы являлись истинными представителями страны и выразителями ея надеждъ и стремленій. Оппортунистическая, недемократическая по всему своему существу, политика заправилъ этихъ организацій оказывала свое разлагающее вліяніе на все буржуазное общество, усиливала объективно реакцію, превращая общественныя организаціи въ придатокъ къ бюрократической машинѣ и поддерживала политическое распыленіе демократіи.

Рабочая демократія и до войны была организована въ весьма слабой степени. Чрезвычайныя мѣры, сопровождавшія объявленіе войны, не могли увеличить ея силы. Экономическое и правовое положеніе рабочихъ, въ значительной своей части работающихъ на нужды войны, тоже не благопріятствовало ихъ организованности. Но не однѣ эти причины помѣшали русскимъ рабочимъ организоваться въ первый годъ

войны. По всему своему прошлому пролетаріатъ Россіи психологически абсолютно не былъ подготовленъ къ тому, чтобы „принять“ при извѣстныхъ условіяхъ навязанную ему войну и встать на защиту страны, какъ это сдѣлалъ пролетаріатъ другихъ воюющихъ странъ. Передовые и наиболѣе способные къ организаціи элементы рабочаго класса въ своемъ большинствѣ заняли, если не прямо „пораженческую“, то нейтрально-бойкотистскую позицію по отношенію къ войнѣ и выдвигаемымъ ею задачамъ—защиты страны, и помощи ея жертвамъ и „организаціи тыла“. А по условіямъ военнаго времени организація широкихъ массъ внѣ вопросовъ, прямо или косвенно связанныхъ съ войной, оказывалась невозможной.

Въ итогѣ первый годъ войны прошелъ подъ знакомъ безыдейнаго аполитическаго объединенія цензовыхъ элементовъ, и отчасти крестьянства, поскольку имѣть въ виду дѣятельность кооперативовъ и распыленія демократіи въ лицѣ пролетаріата. Буржуазія создавала организаціи безъ политическаго содержанія, рабочій классъ оставался при общихъ лозунгахъ и идеяхъ, но безъ организаціи. Первая организовывалась, говоря о всенародной защитѣ и великихъ національныхъ задачахъ, второй отсиживался въ окопахъ своего „непріятія“ обороны, не проявляя никакой активности и отказываясь отъ организаціоннаго строительства. Эти роковыя противоположныя, но вытекавшія изъ однѣхъ и тѣхъ же историческихъ причинъ, ошибки на обоихъ полюсахъ нашей общественности, неизбѣжно вели къ торжеству „третьяго радующагося“ и пониженію общаго пульса жизни въ странѣ именно тогда, когда ея интересы настоятельно требовали максимальнаго напряженія энергіи, когда исторія предъявила спросъ на самую широкую общественность и величайшее народное творчество. Оппортунизмъ однихъ и бойкотизмъ другихъ фатально велъ къ той всеобщей разрухѣ, которая обнаружилась черезъ годъ послѣ начала войны.

III.

„Громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится“. Нужно было грянуть грому весенняго галиційскаго отступленія, должна была раскрыться во всей ужасающей полнотѣ картина нашихъ неурядицъ, чтобы цензовые элементы Россіи пробудились и увидѣли то, на что въ теченіе года сознательно закрывали глаза. Передъ угрозой военнаго разгрома не приходилось уже тѣшить себя мечтами о проливахъ: надо было думать о спасеніи страны.

Даже людямъ, вовсе не склоннымъ къ критикѣ властей предержащихъ—Гучковымъ, Бобринскимъ, Шульгинымъ и Родзянко — стало ясно, что безъ участія общественныхъ силъ не только въ техническомъ содѣйствіи правительству, но и въ организаціи и руководствѣ всѣмъ дѣломъ обороны, послѣдняя немыслима; мысль о неразрывной связи внѣшнихъ успѣховъ съ внутренними порядками, въ теченіе года считавшаяся признакомъ неблагонадежности, стала теперь столь популярной, что только лѣнивый ее не повторялъ.

„Патріотическій восторгъ“ смѣнился „патріотической тревогой“.

На іюльскомъ съѣздѣ городского союза по борьбѣ съ дороговизной одинъ изъ главныхъ его дѣятелей, Н. И. Астровъ, выражая общее настроеніе, говорилъ: „Мало однихъ словъ о взаимномъ довѣріи, о готовности вѣрить другъ другу, мало однихъ пожеланій о сложеніи всѣхъ силъ страны,—нужно дѣйствительно эти силы сложить,—направить въ одно стремленіе, къ одной цѣли. Мало одного лозунга „объединеніе всѣхъ силъ страны для побѣды“,—нужно, чтобы началась работа, облекающая это стремленіе въ живую „реальную силу“.

То же самое говорилось и на съѣздахъ промышленниковъ и въ другихъ буржуазныхъ организаціяхъ. Сознаніе опасности, угрожающей странѣ, вызвало не панику, но лихорадочное стремленіе къ организаціи. Началась промышленная мобилизація, которая въ сущности была политической мобилизаціей нашей буржуазіи подъ знаменемъ опредѣленныхъ требованій, предъявленныхъ власти. Въ короткое время Россія покрылась сѣтью военно-промышленныхъ комитетовъ — уѣздныхъ, губернскихъ, областныхъ, во главѣ съ центральнымъ. Эти комитеты поставили своей цѣлью обслуживаніе арміи снарядами и другими необходимыми военными предметами, но съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности они вышли за предѣлы чисто-техническихъ задачъ. Они объединили существующія промышленныя организаціи и раскрыли свои двери для представителей общественныхъ организацій (городской и земскій союзы, техническія и научныя организаціи) и для рабочихъ. На засѣданіяхъ и съѣздахъ военно-промышленныхъ комитетовъ промышленники въ уніссонъ съ земскими и городскими дѣятелями, использовавшими теперь свои созданныя за первый годъ войны организаціи для предъявленія политическихъ требованій, заявляли о необходимости скорѣйшаго созыва Госуд. Думы, смѣны правительства, министерства общественнаго довѣрія, равноправія національностей, амнистіи, свободы рабочихъ организацій и т. п. Приходя подъ трескъ рвущихся нѣмецкихъ снарядовъ къ своему политическому самоопредѣленію и спѣшно организуясь, русская буржуазія подвергла рѣзкой критикѣ бюрократи-

ческіе порядки. Военно-промышленные комитеты и ихъ съѣзды, съѣзды союзовъ городовъ и земствъ и объединеніе дѣятельности обоихъ союзовъ при помощи „главнаго комитета по снабженію арміи“, образованіе „лѣвоцентроваго блока“ въ Гос. Думѣ и Гос. Совѣтѣ, какъ политическаго представительства начавшагося движенія, резолюціи городскихъ думъ, земскихъ собраній, биржевыхъ комитетовъ, „коноваловскія“ совѣщанія и т. п.—все это различные этапы политическаго и организаціоннаго объединенія нашего „третьяго сословія“ въ борьбѣ за власть, ибо всѣ созданныя и окрѣпшія въ этотъ періодъ общественныя организаціи были въ сущности тѣми укрѣпленіями, изъ-за которыхъ буржуазія начала правильную осаду власти.

Стремленіе къ власти—самая главная отличительная черта движенія буржуазныхъ круговъ, придающая ему серьезное историческое значеніе. Война безпощадно вскрыла затушевывавшееся повседневной обстановкой мирнаго времени непримиримое противорѣчіе между буржуазной сущностью нашего экономическаго строя и добуржуазными формами управленія. Дезорганизація, обнаруженная весной этого года какъ въ арміи, такъ и въ тылу, показала, что „не пойдетъ нашъ поѣздъ, какъ идетъ нѣмецкій“, что Россія избавится отъ такъ называемаго „нѣмецкаго засилья“, т.-е. пріобрѣтетъ свободу экономическаго развитія, не прежде, чѣмъ формы управленія въ ней придутъ въ соотвѣтствіе съ условіями, необходимыми для этого развитія, иначе говоря, не прежде, чѣмъ буржуазія пріобщится къ власти. Но, въ отличіе отъ 1905 года, на этотъ разъ въ наличности оказались быстро растущія организованныя силы буржуазіи, которыя имѣютъ отъ исторіи мандатъ быть замѣстителями теперешней бюрократіи и которыя протянули руку къ власти, потребовавъ ее въ мягкой формѣ „министерства общественнаго довѣрія“.

Политическая мобилизація буржуазіи имѣетъ еще другую сторону. Собственными силами, безъ демократіи, буржуазія неспособна достигнуть власти, къ которой стремится. Но изъ исторіи мы знаемъ многочисленные примѣры того, какъ, ставя себѣ „эгоистическія“ классовыя задачи, буржуазія тѣмъ самымъ вызывала движеніе народныхъ массъ, иногда непосредственно апеллируя къ нимъ, иногда смертельно опасаясь этого движенія. Въ такихъ случаяхъ дѣло буржуазіи, борящейся за власть, часто противъ ея собственной воли становилось общенаціональнымъ дѣломъ. Челноковы, Львовы, Рябушинскіе и Гучковы тоже меньше всего думали о вызовѣ духа демократіи, когда вступали въ конфликтъ съ Горемыкинымъ, но каждый ихъ шагъ, каждая ихъ резолюція отдавались гулкимъ резонансомъ въ широкихъ демократическихъ

массахъ и подливали масла въ огонь начинающагося среди нихъ движенія.

Вслѣдъ за политической мобилизаціей буржуазіи, по ея пятамъ, какъ неизбѣжный ея спутникъ тронулась демократія. Она вышла изъ состоянія политическаго небытія и заговорила на своемъ языкѣ.

Ея первое публичное выступленіе произошло на томъ самомъ іюльскомъ городскомъ съѣздѣ по борьбѣ съ дороговизной, который вообще можно считать рубежнымъ пунктомъ въ мобилизаціи общественныхъ силъ и на которомъ впервые полнымъ голосомъ было сказано о нуждахъ страны. На этомъ съѣздѣ, рядомъ съ городскими головами и другими городскими дѣятелями, присутствовали делегаціи двухъ демократическихъ группъ—кооперативовъ (преимущественно сельскихъ) и рабочихъ организацій,—до 100 человѣкъ въ обѣихъ. Эти делегаціи наложили замѣтный отпечатокъ на работы съѣзда и его резолюціи. Рабочая делегація, вслѣдствіе слабой организованности пролетаріата, была составлена довольно случайно и въ большей степени отражала настроеніе его передовыхъ слоевъ, чѣмъ его сознательное убѣжденіе и организованную волю. Напротивъ того, тѣ нѣсколько десятковъ делегатовъ, которые составляли делегацію кооперативовъ и были избраны областными кооперативными союзами, являлись дѣйствительными выразителями организованныхъ въ кооперативы демократическихъ элементовъ страны.

Подобно городской буржуазіи, и крестьянская демократія была пробуждена весенними событіями и отозвалась на начавшуюся промышленно-политическую мобилизацію. Кооперативная делегація іюльскаго съѣзда, признавая необходимость обороны страны вмѣстѣ съ его большинствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ вопросахъ внутренней жизни поддержала значительную часть политическихъ требованій, выдвинутыхъ рабочей делегаціей въ противовѣсъ болѣе умѣреннымъ пожеланіямъ этого цензоваго большинства. Въ начавшемся вскорѣ послѣ іюльскаго съѣзда движеніи, начало которому было положено резолюціями московскаго съѣзда земскаго и городского союзовъ, кооперативныя организаціи и ихъ совѣщанія приняли живое участіе, вынося аналогичныя резолюціи, но болѣе опредѣленно проникнутыя демократическимъ духомъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, параллельно съ политическимъ объединеніемъ цензовыхъ элементовъ вокругъ созданныхъ на почвѣ войны организацій и объединеніе самоопредѣляющейся крестьянской демократіи вокругъ кооперативныхъ союзовъ и комитетовъ. Движеніе, вызванное потребностями обороны страны и разстройствомъ тыла, какъ

въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, приводитъ къ организаціонному и политическому оформленію.

Наконецъ, въ самое послѣднее время, подъ дамокловымъ мечомъ дороговизны и продовольственнаго голода, дѣлаются попытки объединенія интеллигентныхъ и обывательскихъ нецензовыхъ городскихъ слоевъ. Сюда относятся шаги по организаціи обывательскихъ комитетовъ въ Петроградѣ, участіе этихъ слоевъ въ городскихъ санитарныхъ попечительствахъ въ Москвѣ и въ различныхъ полуобщественныхъ, полуфилантропическихъ организаціяхъ въ провинціи.

IV.

Страна организуется. Организуется на почвѣ нуждъ и заботъ, выдвигаемыхъ необходимостью защиты страны и устройства тыла. Организующіеся элементы общества неизбѣжно должны были столкнуться съ силами бюрократіи. Первый же серьезный конфликтъ между бюрократіей и страной привелъ къ новой попыткѣ мобилизовать силы реакціи въ противовѣсъ силамъ общественнаго движенія: письмо Струкова, выступленіе Тихановича—Савицкаго мобилизація черныхъ и ихъ съѣзды, перемѣны въ съѣздѣ правительства. Натискъ, произведенный буржуазіей на бюрократію, не увѣнчался успѣхомъ, и вызвалъ съ ея стороны противодѣйствіе, хотя первая организована значительно лучше, чѣмъ десять лѣтъ назадъ, а вторая, казалось, находилась въ довольно критическомъ положеніи.

Потерпѣвъ неудачу, лидеры оппозиціи растерялись и не знаютъ, что дѣлать, пожиная въ сущности плоды того, что сами посѣяли. Выступая въ походъ противъ бюрократіи, буржуазная оппозиція не запаслась всѣмъ необходимымъ для успѣха, подобно критикуемой ею бюрократіи, и надѣялась „шапками закидать“ вооруженнаго до зубовъ противника. Поставивъ въ довольно опредѣленной формѣ вопросъ о власти, наше третье сословіе не сумѣло подкрѣпить своихъ требованій, никакими опредѣленными дѣйствіями и ослабила собственныя силы, отгородившись глухой стѣной отъ демократіи, конкурренціи которой въ борьбѣ за власть она опасается. Ограниченность руководителей буржуазной оппозиціи, по истинѣ не вѣдающей того, что она творитъ, губитъ ея собственное дѣло, парализуя ея политическую активность. Эта ограниченность не является, впрочемъ, имманентнымъ свойствомъ, присущимъ буржуазіи, какъ классу. Объективно она способна перешагнуть черезъ свое недовѣріе къ демократіи и стать выше оппор-

тюнистическаго политиканства Маклаковыхъ и Милюковыхъ. И она сдѣлаетъ этотъ необходимый въ ея собственныхъ интересахъ шагъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ скорѣе демократія проявитъ себя въ качествѣ организованной и дѣйственной силы.

Слово, слѣдовательно, за демократіей.

Въ теченіе перваго года войны пролетарскій авангардъ занялъ бойкотистскую позицію въ вопросѣ о защитѣ страны и проявилъ полную обществ.-политическую пассивность, проходя мимо выдвигаемыхъ войной задачъ. Но годъ войны и начавшаяся экономическая разруха не могли не оставить слѣда на рабочемъ классѣ. Независимо отъ своего принципіальнаго отношенія къ войнѣ о защитѣ страны, во многихъ городахъ рабочіе начинаютъ принимать участіе какъ въ различныхъ организаціяхъ, обслуживающихъ интересы населенія, такъ и въ организаціяхъ, связанныхъ съ выдвинутыми войной задачами (продовольственные комитеты, биржи труда, комитеты помощи бѣженцамъ, военно-пром. комитеты, организація новыхъ кооператировъ). Такимъ образомъ и рабочіе постепенно втягиваются въ общій процессъ организаціи, происходящій на почвѣ нуждъ, вызываемыхъ войной и связанныхъ съ нею, а втягиваясь, понемногу проникаются сознаніемъ необходимости обороны, такъ какъ на практикѣ наблюдаютъ самую тѣсную связь, какъ между своимъ экономич. положеніемъ и завоевательнымъ движеніемъ непріятельскихъ войскъ, такъ и задачъ обороны съ задачей внутреннихъ реформъ. Среди рабочихъ, въ противовѣсъ „пораженцамъ“ все больше увеличивается число такъ-наз. „оборонцевъ“.

Въ этомъ смыслѣ были знаменательны выступленія петроградскихъ и особенно московскихъ рабочихъ въ связи съ роспускомъ Гос. Думы, а также заявленія, раздававшіяся на собраніи делегатовъ 27-го сент. для выборовъ въ военно-промышленный комитетъ, въ Петроградѣ окончившемся побѣдой бойкотистовъ. Одинъ изъ ораторовъ, выступавшихъ за участіе, говорилъ: „намъ не безразлично, будетъ-ли поражено наше отечество, государство, въ которомъ мы живемъ. Врагъ вторгается въ глубь страны все больше и больше. Пораженіе грозитъ намъ промышленнымъ застоемъ... Только... демократія можетъ привести эту борьбу къ желанному концу“... Другой ораторъ заявлялъ: „Интернаціоналъ никогда не отрицалъ необходимой защиты отечества... Для того, чтобы впослѣдствіи самому рѣшать вопросъ о мирѣ, пролетаріатъ долженъ выйти на открытую политическую арену, знать все и вмѣшиватся во все“.

Въ томъ же 8 № самарской рабочей газеты „Нашъ Голосъ“, по которой я цитирую эти рѣчи, въ редакціонной статьѣ мы читаемъ:

„Въ ходѣ войны вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ она стала у насъ оборонительной. Даже больше—наша родина сейчасъ стоитъ передъ угрозой нашествія германскихъ войскъ къ центрамъ ея общественно-политической жизни. Ей угрожаетъ смертельная опасность быть разбитой, разгромленной прусскимъ юнкерствомъ. Въ такія минуты нельзя отдѣлываться трафаретомъ „мы противъ“... Пролетаріатъ всѣхъ странъ, стремящійся къ интернаціональному единству, вмѣстѣ съ этимъ признающій право каждой націи на самоопредѣленіе, именно поэтому за оборону страны, когда ей угрожаетъ опасность разгрома ея культурныхъ и національныхъ богатствъ и замедленія роста ея производительныхъ силъ. И стоя за оборону страны, онъ остается вѣренъ завѣтамъ международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ“. Такія и подобныя заявленія все чаще раздаются теперь изъ рабочихъ круговъ, свидѣтельствуя о томъ, что и пролетаріатъ начинаетъ пріобщаться къ общенаціональному процессу организаціи, происходящему въ странѣ, на почвѣ признанія защиты страны и вытекающихъ отсюда внутреннихъ задачъ, хотя, какъ всегда онъ идетъ своимъ собственнымъ путемъ.

Пока этотъ отмѣчаемый нами въ различныхъ классахъ общества процессъ находится еще въ своей начальной стадіи, пока между участвующими въ немъ отдѣльными группами не достигнуто никакого согласованія въ дѣйствіяхъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ дальнѣйшемъ развитіи событій между этими различными группами протянутся нити и установится взаимодѣйствіе, необходимое для того, чтобы совмѣстными усиліями преодолѣть стоящія на пути къ общимъ задачамъ препятствія.

Рабочій классъ, въ противоположность тому, что было въ 1905 году, приходитъ на политическую сцену съ большимъ опозданіемъ. Отсутствіе рабочаго класса накладываетъ отпечатокъ на движеніе, дѣлая его болѣе блѣднымъ и менѣе демократичнымъ, чѣмъ это требуется стоящими на очереди историческими задачами. Но жизнь властно зоветъ и съ каждымъ днемъ будетъ усиливать мобилизацію пролетаріата.

„Мобилизовать же и организовать нашъ пролетаріатъ въ условіяхъ настоящаго момента—говоритъ заявленіе московскихъ марксистовъ, сторонниковъ обороны [1])—значитъ прежде всего мобилизовать и организовать на почвѣ обслуживанія нуждъ защиты страны и смягченія бѣдъ военнаго времени.... Важно, чтобы процессъ организаціоннаго сплоченія пролетаріата оказался возможно болѣе вліятельнымъ слагае-

[1]) газ. „День“ № 280 отъ 11 окт. 1915 г. ст. „Русскіе с.-д. о защитѣ страны“.

мымъ въ той суммѣ организаціонныхъ процессовъ другихъ классовъ и группъ, которая при достаточной напряженности усилій превратится въ... органъ общенародной защиты страны"...

Движеніе, ставящее себѣ широкія общенаціольныя задачи и охватывающіе различные классы общества, которые испытываютъ сильный гражданскій подъемъ въ силу величія этихъ задачъ, одно только способно вывести Россію изъ тѣхъ внѣшнихъ внутреннихъ затрудненій, въ которыхъ она очутилась. Это движеніе будетъ успѣшнымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой соотвѣтствующее ею исторической миссіи положеніе займетъ въ немъ передовой классъ современнаго общества.

В. ЛЕВИЦКІЙ.

Въ плащѣ Гамлета.

Сколько новыхъ чувствъ, сколько мыслей вызвала война въ русскомъ рабочемъ, и какихъ яркихъ, сложныхъ!

Ни бельгійскому, ни французскому рабочему не приходилось долго раздумывать. Тамъ тяжкое прошлое давно уже покоится въ могилахъ, не мѣшаетъ нормальному ходу мышленія, и не вноситъ вопіющаго разлада разсудка и чувства. Тамъ есть „родина"—широкое обобщеніе понятія культуры, языка, привычекъ, быта, пережитыхъ страданій въ прошломъ и надеждъ будущаго. „Родина"—была непреложная истина „фактъ" изъ котораго оставалось лишь сдѣлать соотвѣтствующіе выводы.

И какъ только германскія арміи вторглись въ Бельгію, направляясь къ Парижу—выводъ былъ сдѣланъ.

Пусть эти арміи были на треть изъ вчерашнихъ сотрудниковъ на великой нивѣ братства труда и народовъ, но разъ эта „треть" явилась, какъ послушное орудіе прусскаго юнкера, то и эту треть надо было встрѣчать не въ бѣлыхъ одеждахъ и не съ пальмовой вѣтвью въ рукахъ.

И любопытно, что огромное большинство русскихъ эмигрантовъ, находившихся въ Бельгіи, Франціи, также стало подъ ружье. Были тамъ интеллигенты и рабочіе, и представляли они, въ миніатюрѣ, пролетарскую Россію. Но если только и коснулись ихъ колебанія—то были они коротки.—Демократія въ опасности—ее нужно было спасти!

Несомнѣнно, что каждый изъ записавшихся въ волонтеры зналъ что безъ помощи Россійскихъ полковъ не устранить грозной опасности. Но тамъ, на мѣстѣ, эта опасность была слишкомъ очевидна, и мало было времени на раздумье.

Дома кошмарное прошлое не лежало въ гробахъ... оно внесло

разладъ въ сознаніе и чувство русскаго пролетарія и вмѣсто дѣятельнаго, активнаго участника огромныхъ событій оно превратило его въ... Гамлета.

Да, вотъ: былъ Гамлетъ—принцъ Датскій; былъ Гамлетъ—Щигровскаго уѣзда, а сегодня въ Россіи цѣлый общественный слой, слушаетъ оглушительные стоны, смотритъ на великую міровую драму, смотритъ глубоко запавшими глазами и мучительно вопрошаетъ.

— „Быть или не быть“?

Это муки не пресыщеннаго барчука или бездѣльничающаго принца, не знающаго ни широкихъ задачъ, ни достиженій. Это муки силача съ желѣзными мускулами, привыкшими къ дѣйствію, къ самой тяжелой работѣ.

Я далекъ, разумѣется, отъ мысли изобразить эту муку... Слишкомъ сложно и огромно это замѣчательное явленіе. Мнѣ только хотѣлось хотя бы ненадолго остановиться на нѣкоторыхъ моментахъ раздумья Гамлета.

Мысли о „войнѣ“, какъ мысли о Богѣ, обществѣ и соціализмѣ возбуждались у насъ давно уже. Но до самаго момента войны рѣшались они не въ порядкѣ срочности, а скорѣе мимоходомъ, и интересъ имѣли больше теоретическій.

Даже въ Русско-Японскую войну, унесшую не мало человѣческихъ жертвъ, мысли, въ общемъ, не выходили за предѣлы теоріи и вопросъ о поведеніи какъ-то „счастливо“ разрѣшился символической картинкой братанья представителя русскаго пролетаріата Плеханова съ т. Катаямой, представлявшимъ пролетаріатъ Японіи. Вѣроятно многіе помнятъ то чувство удовлетворенія, которое испытывали тогда.

Балканская война оставила тревогу; начались поиски рѣшеній.

Легче всего было найти рѣшеніе „принципіальное“ и оно было найдено и запротаколировано на нѣсколькихъ партейтагахъ и соціалистическихъ конгрессахъ.

— Долой войну!—твердо говорили представители всѣхъ странъ и народовъ. На случай же конкретной постановки вопроса—полагалось, что онъ будетъ рѣшенъ также совмѣстно и дружно.

По крайней мѣрѣ въ это вѣрилъ едва ли не весь россійскій пролетаріатъ. Вотъ почему, какъ только была объявлена война, всѣ мы напряженно прислушивались къ тому, что дѣлаетъ германская соціальдемократія.

Съ какой жадностью набрасывались на всякую случайно—проскользнувшую замѣтку, на всякое случайное сообщеніе.

Тому, что писалось въ „буржуазной“ прессѣ, не хотѣлось вѣрить:

„тамъ“ была колыбель великаго токаря, „тамъ были заключены соглашенія, и оттуда должно было прійти рѣшеніе.

Уже германскіе полки перешли, съ огнемъ и мечемъ, границу Бельгіи, а мы все ждали... Весь ходъ событій показывалъ, что „начала“ Германія, но это не имѣло значенія: были объективны до пристрастія. И все ждали, ждали.

Каково же было разочарованіе, смущеніе, негодованіе, когда стало извѣстно, что „старшій нашъ братъ“ отказался обсуждать вопросъ съ своими меньшими братьями? *)!

Когда Франкъ надѣлъ мундиръ волонтера, а Зюдекумъ поѣхалъ съ своей позорной миссіей?!

Когда старшій братъ голосовалъ за военные кредиты! И разъ, и другой и третій!

Теперь, когда горечь притупилась или болѣешь другимъ, начинаешь видѣть, что разочарованіе въ германской с—д. было продуктомъ нашего же невѣденія, неправильной оцѣнки, какъ фактической мощности тамъ ортодоксальнаго марксизма, такъ и степени отрѣшенности германскаго пролетарія отъ обывательской психики. Но тогда мы были прямо ошеломлены.

Было похоже на то, что вотъ стояли на полочкахъ, въ аккуратномъ порядкѣ, мысли, положенія, рѣшенія... все цѣнное, освященное высокими цѣлями, а пришелъ насмѣшникъ, хватилъ рукою по полкамъ—разъ, разъ!—и сбросилъ все въ кучу.

— Мы идемъ освобождать!—доносилось оправданіе „оттуда“. А „освобождаемые“ стояли въ тяжелой, гнетущей тоскѣ передъ сброшенными въ кучу драгоцѣнностями...

Потомъ захотѣлось дать отвѣтъ. „Настоящій“! Расчетливому мѣщанству хотѣлось противопоставить высшую форму человѣческаго: правду! Подвигъ! Самоотреченіе!

— Пусть ими забыты принципы братства... тѣмъ выше поднимаемъ ихъ мы!

Для здороваго человѣка это похоже было на своего рода политическое хара-кири,—на то, какъ обиженный китаецъ вѣшается на воротахъ своего обидчика.

Но это имѣло корни въ глубокихъ, сложныхъ и болѣзненныхъ переживаніяхъ.

---

*) Я имѣю въ виду попытку нѣкоторыхъ нашихъ товарищей при самомъ началѣ войны обсудить создавшееся положеніе съ германскими соціалъ-демократами. *А. Б.*

Я боюсь сказать, что это черты русскаго рабочаго, полуромантика, что здѣсь отразились и ширь степей, и лѣсная непроходь, и выстраданность, и расовое разнообразіе и все то, что такъ располагаетъ къ душеискательству... Но былъ порывъ самоотреченія... И нельзя не склониться предъ этимъ въ глубокой почтительности.

Но между порывомъ и дѣйствіемъ сталъ инстинктъ самосохраненія: вѣдь подъ ружье стали милліоны знакомыхъ и близкихъ. То, что было сдѣлано съ Бельгіей, могло повториться съ Франціей, Россіей. Воли не хватило. Мысль упорно и судорожно искала, работала. Искала, быть-можетъ, компромисса?..

То, что было опрокинуто, пришлось подбирать и терпѣливо ставить въ новый порядокъ. И прежде всего важно было знать: дѣйствительно ли принципіальное отрицаніе войны, обязываетъ соціалиста отрицать ее во всѣхъ случаяхъ?

И вотъ оказалось, что соціалистическая мысль вполнѣ допускаетъ вооруженную самозащиту. Послѣ долгихъ поисковъ лишній разъ убѣдились, что соціализмъ никогда не благоволилъ непротивленчеству.

Да, соціализмъ настойчиво звалъ къ дѣйствію. Къ дѣйствію, т.-е. къ помощи, призывали и наши товарищи изъ Бельгіи и Франціи. Нужно было сдѣлать выборъ между борющимися. Но какой примѣнить критерій? Грѣхи были какъ на той, такъ и на другой сторонѣ.

И когда русскій пролетарій очутился въ роли судьи — выборъ оказался чрезвычайно труднымъ.

До сихъ поръ ему приходилось имѣть дѣло съ двумя ясными, ярко враждебными другъ другу положеніями: міромъ старымъ и міромъ новымъ; трудомъ и капиталомъ.

Принять надо было или то или другое. Теперь же вмѣсто истинъ были полуистины. Плюсы и минусы такъ перемѣшались, что нужно было взять счеты и сдѣлать кропотливый подсчетъ плюсамъ и минусамъ той и другой стороны.

При отсутствіи печати и вообще всякой возможности коллективной работы мышленія, задача подсчета и вообще—„оріентаціи“ оказалась длительной и тяжелой. Съ первыхъ же дней было ясно, что надѣяться на выработку мнѣнія единаго для всего пролетаріата не приходится. Не было его и среди интеллигенціи.

Зато вполнѣ возможно было объединеніе совпадающихъ, индивидуальныхъ мнѣній, и въ этомъ отношеніи наша ителлигенція и „руководящіе“ органы могли оказать громандную помощь. Но... какъ поняли свою задачу эти учрежденія,—достаточно извѣстно.

Не удалось объединиться и вокругъ борьбы съ народнымъ бѣдствіемъ.

Правда, „принципіальный“ отказъ отъ широкой организаціи помощи не мѣшалъ нашему Гамлету посылать въ армію и одежду и табачокъ... но—это уже было „личнымъ дѣломъ“.

Что подѣлаешь съ сердцемъ?!..

Шли побоища, одно—кровавѣе другого; измѣнялась ситуація, накоплялись факты, и все болѣе расчищалась дорога для рѣшенія.

Исчезла боязнь шовинизма.

Даже слѣпому стало видно, что въ „дракѣ буржуазіи“ больше всего достается и достанется трудящемуся люду.

Яснымъ становилось и то, что рѣчь можетъ идти не о разгромѣ Берлина уральскими казаками, а лишь о спасеніи самостоятельности Бельгіи, Сербіи, Франціи, Россіи...

И, минуя хитроумныя силлогизмы и узкое доктринерство, вопросъ все отчетливѣе становился, какъ диллема: и л и—западная демократія и скорѣйшее раскрѣпощеніе Россіи, и л и—прусскій сапогъ.

Но „ориентація“ все еще не давалась нашему Гамлету. И если раньше сознаніе стремилось къ міровому и жаждало самоотреченія, то теперь оно, неожиданно, оказалось пропитано узкимъ раціонализмомъ.

— Ужъ не „роскошь“ ли—борьба за попранную Бельгію? Не разумнѣе ли „использовать моментъ для закрѣпленія классовыхъ позицій“?

Пришлось недавно разговориться съ пріятелями по душамъ. И вотъ что сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Мнѣ кажется—усталъ я послѣ всего передуманнаго, переспореннаго, пережитаго. Подъ видомъ „нейтральности“ на самомъ дѣлѣ переживаешь огромную боль и ни минуты не бываешь спокоенъ.

„Подъ парами“. Вотъ теперь—болгары туда перешли. Вѣдь когда я оглянусь кругомъ—становится жутко: почти всѣ мои знакомые и товарищи—тамъ, подъ огнемъ.

...Иногда... знаешь, чего хочется? Просто хватить сивухи, чтобы перестало сверлить, чтобъ обалдѣть окончательно!

...Посмотришь—дѣла такъ много, упущено столько, что не знаешь, съ какого края и подойти. А когда рѣшился, подошелъ — тебя по башкѣ: враз! Либо хвостомъ, либо копытомъ.

— Все это такъ,—соглашаюсь.—Но необходимо же подавлять это чувство противъ разныхъ тамъ окончностей? Нужно же не терять перспективу?!

— Конечно. Да въ сущности—всякій изъ насъ, сознательныхъ вспоминаетъ объ этихъ перспективахъ.

— Вспоминаетъ?..

— Ну-да, т.-е. помнитъ.

— Тогда—въ чемъ же дѣло? Откуда этотъ параличъ?

Онъ прошелся разъ-другой и выпалилъ:

— А знаешь—хорошо бы, если бъ сюда, на этотъ гнилозубый городъ залеталъ иногда Цеппелинъ!

— Цеппелинъ?

— Ну-да. Не за кровью, а такъ... пошумѣть мало-мало. Въ родѣ будильника.

— Будильника совѣсти, что-ли?

— Видишь ли. То, что мы можемъ подниматься до самоотреченія—это фактъ. Но что мы стремимся поскорѣе „спланировать"—это тоже фактъ. Не англичане мы и не нѣмцы. Да. А въ общемъ—довольно еще подлъ человѣкъ, хотя бы и нашъ братъ. Всѣхъ насъ тянетъ къ „бойкоту". Объявилъ бойкотъ—и полѣзай на печь. И лежишь себѣ тамъ не потому, что ты—лодырь, а по „принципіальнымъ соображеніямъ"!

...Вотъ... Я на минуту представляю себѣ ужасъ и бойни, и разгрома очаговъ культуры, и бѣженство это самое, и все прочее. Голова прямо кружится! Но какъ часто я ловлю себя на томъ, что я, въ сущности, „обтерпѣлся"! Будто въ теплую воду окунулся, а въ ушахъ—вата. Крики гдѣ-то тамъ, далеко-далеко. Гдѣ-то жгутъ, рѣжутъ,—но пока до тебя не дошла еще очередь?! Насилуютъ женщинъ,—такъ не твою же жену?! Вотъ она, мерзость-то обывательская! И такъ же, если хочешь, и съ интернаціоналомъ: разгромили Бельгію, разгромятъ Францію,—но вѣдь до Петрограда-то еще далеко?!

...Праздно, конечно, мечтать о „будильникѣ"... Но когда смотришь вокругъ и видишь, что даже „презрѣнный" обыватель проявляетъ иниціативу, ищетъ разрѣшенія общенаціональныхъ задачъ, а тотъ, кому иниціатива принадлежитъ по праву, бродитъ, безпомощный, скулящій въ плащѣ Гамлета, становится горько и обидно до слезъ.

Общественная мысль нашего самаго крупнаго рабочаго коллектива замкнула, наконецъ, свой кругъ: „У русскаго рабочаго также есть Родина, и эта Родина—въ опасности".

Нужна огромная работа. Силы можно утроить, удесятерить, но Гамлету нужно примирить чувство съ разсудкомъ. Нужно „обрѣсти душу". Но какъ, но гдѣ обрѣтешь ее?

„Патріотизмъ" запатентованъ. И будто нарочно, съ тончайшимъ разсчетомъ дѣлается все, чтобы принизить, извратить чувства русскаго рабочаго. Гдѣ его печать? Гдѣ союзы? Гдѣ просвѣтительныя общества?

Нѣтъ души, нѣтъ и энтузіазма. Цеппелинъ смогъ бы вызвать животный страхъ и злобу, но не пробудить ему „л ю б в и" къ дѣлу.

И все же, хочется вѣрить, что россійскій пролетарій сброситъ съ плечъ своихъ плащъ Гамлета,—черный, какъ сама ночь безправія, и предастъ землѣ черепъ схоластики.

А. П. БИБИКЪ.

Какъ было тогда.

Въ грозные дни міровой войны, когда народы, истекающіе кровью, переживаютъ свою страстную седьмицу, когда передъ нашей страной поставленъ вопросъ—быть иль не быть, современная русская литература никого изъ насъ не можетъ удовлетворить: она назойливо кричитъ о томъ, о чемъ лучше молчать, и она убійственно молчитъ о томъ, о чемъ вопіютъ даже камни. Барабанная дробь Петровыхъ, пустозвонство Сѣверяниныхъ, пустопатріотизмъ Сологубовъ изъ „Лукоморья“ только раздражаютъ. Передъ цѣлымъ народомъ выдвинута общенаціональная задача, дѣло спасенія страны становится нашимъ дѣломъ, объ этомъ дѣлѣ только и хочется думать... Какъ-то невольно ищешь намековъ и уроковъ въ прошломъ, настороженно прислушиваешься къ отвѣту нашихъ писателей-классиковъ.

Нѣкоторые изъ любимыхъ стали излюбленными. Дорогія черты знакомаго съ дѣтства лица попали подъ ослѣпительный лучъ историческаго прожектора и обрисовались по-новому съ подчеркнутою отчетливостью. Далекое стало близкимъ.

У каждаго на столѣ „Война и Миръ“, мы переживаемъ вновь событія 12-го года, насъ потянуло къ А. С. Пушкину, творчество котораго родилось и окрѣпло въ Наполеоновскую эпоху. А. С. Пушкинъ не только—наша первая любовь, но и—наше первое предчувствіе новой Россіи.

Мы вновь перечитываемъ страницы, посвященныя Отечественной войнѣ, навѣявшей „вольнолюбивыя мечты“ и страстную жажду „свободы просвѣщеной“, и мы невольно ставимъ на очную ставку пережитое тогда съ переживаемымъ нынѣ.

И тогда, какъ и теперь передъ многомилліоннымъ народомъ стоялъ вопросъ о бытіи страны.

„Владыка Запада“ возвѣстилъ всему міру, что идетъ въ Россію, чтобы „изгнать русскихъ варваровъ, которымъ противно всякое просвѣщеніе, въ азіатскія степи“.

„Владыка Сѣвера“ проявилъ полную растерянность.

По словамъ Пыпина, послѣ отдачи Москвы при дворѣ Александра I „образовалась цѣлая партія, говорившая о невозможности бороться съ Наполеономъ“...

И тогда спасъ страну закрѣпощенный народъ, а лучшіе русскіе люди мучительно-остро перижили историческій урокъ и воплощія противорѣчія россійской дѣйствительности: „Освободитель Европы“ былъ у себя дома рабомъ, отъ имени страны говорили люди, чуждые народу.

И тогда Отечественная война выдвинула вопросъ объ отечествѣ и объ отношеніи Россіи къ Европѣ.

Въ своей блестящей статьѣ „Онѣгинъ и его предки“ историкъ Ключевскій разсказываетъ, къ чему привели горячіе разговоры будущихъ декабристовъ объ отечествѣ, разговоры, которые они вели вокругъ бивуачныхъ костровъ на поляхъ Прейсишъ-Эйлау, подъ Бородиномъ, на поляхъ Лейпцига и подъ стѣнами Парижа.

„Русскіе люди сдѣлали два важныхъ открытія: они съ прискорбіемъ узнали, что Россія единственная страна, въ которой образованнѣйшій руководящій классъ пренебрегаетъ роднымъ языкомъ и всѣмъ, что касается родины, потомъ еще съ большею скорбію они убѣдились, что въ русскомъ народѣ таятся могучія силы, лишенныя простора и дѣятельности, скрыты умственныя и нравственныя сокровища, нуждающіяся въ разработкѣ, безъ чего все это вянетъ, портится и можетъ скоро пропасть, не принося никакого плода въ нравственномъ мірѣ. Съ этой минуты они круто и прямо повернули къ русской дѣйствительности, къ которой отцы старались поставить ихъ спиной. Отцы не знали ея и игнорировали, дѣти продолжали не знать ея, но перестали игнорировать“.

Было сдѣлано еще и третье открытіе при близкомъ знакомствѣ съ Европой, что европейскій лоскъ и европейская внѣшность только прикрываютъ азіатчину русской жизни и что спасеніе Россіи въ ея дѣйствительномъ пріобщеніи къ Европѣ, въ ея глубокой и внутренней европеизаціи.

Тѣ разговоры, которые вело поколѣніе „дѣтей“ вокругъ „бивуачныхъ костровъ“, потомъ продолжались вокругъ „Зеленой лампы“ и въ „Союзѣ благоденствія“.

А. С. Пушкинъ вмѣстѣ съ будущимъ декабристомъ Пущинымъ въ 1811 году попалъ въ Царскосельскій лицей и былъ захваченъ основной темой историческаго момента. Жизнь лицея текла подъ знакомъ Отечественной войны, ея событія приковали къ себѣ умы и сердца.

„Эти событія—говоритъ декабристъ Пущинъ—задушевный другъ А. С. Пушкина—сильно отразились на нашемъ дѣтствѣ“...

Пущину вторитъ его лицейскій товарищъ:

«Вы помните, текла за ратью рать.
Со старшими мы братьями прощались,
Подъ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умираль
Шелъ мимо насъ»...

Подъ сѣнью лицея другъ Чаадаева и Пущина, ученикъ Куницына сдѣлалъ тѣ же самыя открытія, которыя переродили русскихъ людей у бивуачныхъ костровъ.

„Родовъ униженныхъ обломокъ“, выросшій на французской литературѣ XVIII вѣка, говорившій и мыслившій по-французски, воспитанникъ гувернера-француза, прозванный товарищами по лицею „французомъ“ открылъ въ себѣ русскаго человѣка, связаннаго кровными узами съ русской дѣйствительностью; въ географическомъ пространствѣ именуемомъ Россія онъ открылъ живую Россію, въ крещенной собственности открылъ народъ, въ которомъ таятся могучія силы, въ „подломъ“ языкѣ простого народа открылъ источникъ неувядаемой красоты, и языкомъ литературы послѣ А. С. Пушкина сталъ не „высокій штиль“ двора, а „низкій штиль“ простонародья. Поэтъ раскрѣпостилъ языкъ народа великій, правдивый и свободный.

Наконецъ, „образованнѣйшій человѣкъ“ того времени—европеецъ-Пушкинъ открылъ въ европеизированныхъ барахъ „обезьянъ просвѣщенія“, чуждыхъ подлинному европеизму.

Только послѣ всѣхъ этихъ открытій родилась русская литература, достойная многомилліоннаго народа.

У колыбели русской литературы стоялъ 1812 годъ, крестной матерью самоопредѣленія націи была Отечественная война.

На войну, потрясшую всю Россію, „Россія отвѣтила Пушкинымъ“, а А. С. Пушкинъ показалъ, чѣмъ былъ 1812 годъ для русской литературы, для русской общественности и русскаго самосознанія, чѣмъ сталъ необычайный образъ Наполеона для цѣлаго поколѣнія русскихъ людей, когда былъ, по выраженію Тютчева, „и умъ людей великой тѣнью полнъ“.

Въ 1821 году молодой поэтъ А. С. Пушкинъ пишетъ изумительныя по своей зрѣлости строки объ этомъ властителѣ думъ:

Хвала!... Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ...

Сознаніе этого „высокаго жребія“ сообщало особенную силу творчеству поэта.

Если раньше русскій писатель, какъ шутъ былъ „рожденъ царей забавить“, какъ льстецъ воспѣвалъ „богоподобную царевну киргизкайсацкія орды“, какъ приживалка припадалъ къ плечику знатнаго мецената, и голосъ придворнаго піиты былъ эхо передней, то теперь поэтъ, какъ пророкъ и гражданинъ, могъ сказать о себѣ: „и неподкупный голосъ мой былъ эхо русскаго народа“.

Послѣ Отечественной войны кончился иностранный періодъ русской литературы, періодъ „пустого, рабскаго, слѣпого подражанья“, когда литература, подобно пушкинской Татьянѣ, „по-русски плохо знала... и выражалася съ трудомъ на языкѣ своемъ родномъ“. Переводную и переписанную литературу замѣняетъ подлинное творчество, посвященное общенаціональнымъ задачамъ.

Послѣ войны появился новый слой читателей, пришелъ читатель-другъ, на смѣну читателю-меценату. Консервативный писатель Головинъ въ своей книгѣ, посвященной русскому роману и русскому обществу, „главнымъ факторомъ“ перемѣны считаетъ не геній А. С. Пушкина, а выступленіе новой, болѣе широкой среды. По его словамъ, „1812-й годъ былъ моментомъ пробужденія второго русскаго слоя—средняго дворянства“.

Симпатіи поэта были на сторонѣ этого слоя. Его герои не представители „свѣтской черни съ тупыми лицами и тупою важностью“, а—Бѣлкины, „родовыя имѣнія которыхъ раздробились и пришли въ упадокъ“ и которые принимали близко къ сердцу „Лѣтопись села Горюхина“, Езерскіе—„родовъ униженныхъ обломки“, Гриневы, Ларины и Дубровскіе, заклятые враги сановныхъ Троекуровыхъ.

Въ эпоху Отечественной войны столкнулись Старая Россія Карамзина и Новая Россія Рылѣева. Уже тогда ярко обнаружилась разница между патріотизмомъ барства дикаго, охраняющаго незыблемыя основы Старой Россіи, на которую смотрѣли, какъ на свою наслѣдственную отчину, и пламенной любовью къ будущему родины со стороны лучшихъ образованнѣйшихъ людей изъ „второго слоя“, готовыхъ жить и умереть для Новой Россіи.

А. С. Пушкинъ глубоко прочувствовалъ эту разницу.

Когда читаешь теперь его „Рославлева“—„отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ одной дамы (1811 годъ)“, точно видишь переживаемое нынѣ.

Героиня отрывка не—мечтательная Татьяна, не—барышня уѣздная „съ печальной думою въ очахъ, съ французской книжкою въ рукахъ“, а—русская дѣвушка-гражданка, жаждущая дѣйствія, подвига и готовая на подвигъ.

Княжна Полина принадлежитъ къ высшему кругу, но она глубоко презираетъ свѣтскую чернь, презираетъ показной, лживый, фразистый и шкурный патріотизмъ „сановныхъ дядюшекъ“, свѣтскихъ балагуровъ, подражающихъ легкомысленному французскому тону Людовику XV.

Когда пришло извѣстіе о нашествіи французовъ въ Россію, всѣ эти господа перетрусили и обнаружили всю пошлость и все ничтожество ихъ патріотизма.

„Гонители французскаго языка и Кузнецкаго моста взяли въ обществахъ рѣшительный верхъ, и гостиныя наполнились патріотами. Кто высыпалъ изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русскій; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюрокъ; кто отказался отъ лафита, а принялся за кислыя щи. Всѣ закаялись говорить по-французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ саратовскія деревни.

Полина не могла скрыть свое презрѣніе, какъ раньше не скрывала своего негодованія. Такая проворная перемѣна и трусость выводили ее изъ терпѣнія. На бульварѣ на Прѣсненскихъ прудахъ она нарочно говорила по-французски; за столомъ въ присутствіи слугъ она нарочно оспаривала патріотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновыхъ войскъ, о его военномъ геніи. Присутствующіе блѣднѣли, опасаясь доноса, и спѣшили укорить ее въ приверженности къ врагу отечества. Полина презрительно улыбалась.— Дай Богъ—говорила она — чтобы всѣ русскіе любили свое отечество, какъ я его люблю“.

Полина воспиталась на литературѣ XVIII в., она говорила и думала по-французски, даже для самыхъ завѣтныхъ мыслей у нея, какъ и у Татьяны, не было русскихъ словъ, въ библіотекѣ отца былъ одинъ лишь русскій авторъ—Сумароковъ, но сочиненія его никогда не раскрывались. И вотъ теперь, когда Наполеонъ готовился офранцузить варварскую Россію, она почувствовала себя живой частицей живого цѣ-

лаго, и она не спрашивала себя, есть ли у нея отечество и что тамъ стоитъ, да и стоитъ ли защищать?.. Убогая, некультурная Россія, „эти бѣдныя селенья“, для нея не—отчина, а—отчизна, которую она любитъ той „странною любовью“, мучительной и гнѣвной, какой любилъ ее М. Ю. Лермонтовъ.

Она—патріотка-гражданка, ея патріотизмъ—цивизмъ, ея любовь—подвигъ. Въ этой любви—римская доблесть и римская твердость, она ведетъ къ борьбѣ за дѣло общее—„res publica“.

Шестнадцатилѣтній А. С. Пушкинъ въ своей сатирѣ „Лицинію“ съ гордостью римлянина говоритъ:

«Я сердцемъ Римлянинъ; кипитъ въ груди свобода,
«Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа...
...«Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ»...

Рылѣевъ—сверстникъ А. С. Пушкина и декабристъ, повѣшенный въ 1826 году, хотѣлъ вдохнуть въ своихъ читателей такой цивизмъ—„любовь къ общественному благу“, и съ пророческимъ прозрѣньемъ говорилъ о себѣ устами своего героя:

Погибну я за край родной!
Я это чувствую и знаю...
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю».

Если „негодяи знатные“,—по терминологіи Грибоѣдова, „жадною толпой стоящіе у трона свободы, генія и славы палачи,“—по терминологіи М. Ю. Лермонтова, въ интересахъ кучки готовы были погубить страну, какъ погубили они съ легкимъ сердцемъ и Пушкина, то Рылѣевы готовы были въ родномъ краю погибнуть за край родной, за его лучшее будущее.

И они погибали!

Передъ такой любовью къ отчизнѣ, надо склонить свою голову; она требовательна и ревнива. Она не мирится съ отсталостью страны, она ненавидитъ отжившія формы, она хочетъ порвать со всѣмъ, что мѣшаетъ развитію новыхъ силъ. Она не боится критики.

Юноша восемнадцати лѣтъ пишетъ посвященіе, законченное шуткой, но первыя строфы его горятъ этой любовью.

«Краевъ чужихъ неопытный любитель,
А своего всегдашній обвинитель
Я говорилъ: въ отечествѣ моемъ,
Гдѣ вѣрность, умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?..
...Отечество порой я ненавидѣлъ»...

Такую же ненависть-любовь переживалъ позднѣе Некрасовъ, который въ „Италіи писалъ о русскихъ ссыльныхъ“; такую ненависть-любовь испытывалъ мучительно-остро Неистовый Виссаріонъ, соціалистъ Бѣлинскій; какъ онъ томится въ блестящемъ Парижѣ по отчизнѣ! Тамъ на Площади Согласія онъ любовно вспоминаетъ Гоголевскаго Тараса Бульбу и тамъ же за границей онъ пишетъ свое негодующее письмо къ Гоголю и почти умирающій съ пламеннымъ гнѣвомъ клеймитъ

„подлую“ дѣйствительность;

Когда истинно-русскіе Бенкендорфы и Дуббельты подмораживали Россію и „патріотически“ возвѣщали, что прошлое Россіи великолѣпно, настоящее не заставляетъ желать ничего лучшаго, будущее блестяще, уже тогда, такъ называемые, „внутренніе враги“ безстрашно вскрывали мертвечину русской жизни. За это „патріоты“ Дуббельты готовили имъ „тепленькій казематъ“...

А. С. Пушкинъ послѣ войны 1812-го года однимъ изъ первыхъ вскрылъ фальшь и реторику показного, дѣлающаго карьеру, казеннаго „патріотизма“—антиобщественнаго и антинароднаго. Онъ показалъ, какое глубокое чувство любви-ненависти горитъ въ суровыхъ словахъ всегдашнихъ обвинителей своего края.

Любовь къ общественному благу обязываетъ.

Послѣ войны 12-го года, образованнѣйшіе русскіе люди уже не хотятъ оставаться въ сторонѣ отъ всего, что касается родной дѣйствительности. Они жаждутъ простора и дѣйствія. Они чувствуютъ огромное превосходство Европы и они мучительно сознаютъ свое отщепенство отъ Европы.

Исторія этого поколѣнія это—исторія декабристовъ, это—милліонъ терзаній Чацкаго...

Въ своихъ показаніяхъ на слѣдствіи декабристъ Фонвизинъ свидѣтельствуетъ совершенно чистосердечно, что великія событія Отечественной войны, оставивъ въ душѣ его глубокое впечатлѣніе, произвели въ немъ „какое-то безпокойное желаніе дѣятельности“. Возвратясь въ Россію послѣ двукратнаго пребыванія въ Европѣ, онъ „читалъ разныя теоріи политическія и мечталъ о приноровленіи ихъ къ Россіи“...

Уже тогда, въ 1814—15 годахъ, новое поколѣніе, горѣвшее любовью-ненавистью, задыхается въ затхлой атмосферѣ прошлаго, среди тѣхъ стариковъ, которые стояли спиной къ Новой Россіи, пресмыкались передъ прошлымъ и славословили его, среди тѣхъ стариковъ, отъ которыхъ молодежь, побывавшая въ Европѣ, ушла, по признанію Якушкина, „на сто лѣтъ впередъ“.

Но когда Н. Тургеневъ вернулся въ концѣ 1816 г. въ Россію, онъ увидѣлъ яркое пробужденіе общественности:

„Толчокъ, данный умамъ происшедшими событіями или скорѣе возбужденіе, ими произведенное, были очевидны; именно съ момента возвращенія русскихъ армій въ свою страну, либеральныя идеи, какъ говорили тогда, начали распространяться въ Россіи... Я слышалъ, какъ люди, возвращавшіеся въ Петербургъ, изумлялись при видѣ перемѣны, происшедшей во всемъ укладѣ жизни, въ рѣчахъ, даже поступкахъ молодежи столицы: она какъ будто пробудилась къ новой жизни, вдохновляясь всѣмъ, что было самаго благороднаго и чистаго въ нравственной и политической атмосферѣ“.

Лучшіе русскіе люди принесли съ полей смерти, какъ пасхальную свѣчу, вѣру въ ея воскресеніе, и страстную жажду стать своими среди чужихъ.

Эти чужіе—крѣпостные рабы—принесли домой чувство свободы: „мы избавили родину отъ тирана, а насъ снова тиранятъ господа“,—говорили они. Они жаловались, но не боролись и только кой-гдѣ вспыхивали волненія и быстро угасали.

Послѣ Отечественной войны „Радищевская тема“ стала мучить русскихъ писателей, стала „ганнибаловой клятвой русской“ литературы.

А. С. Грибоѣдовъ, вернувшійся съ полей сраженія къ роднымъ полямъ, набрасываетъ конспектъ своей драмы „1812 годъ“, главнымъ героемъ которой является крѣпостной, проявившій выдающееся мужество на войнѣ. Послѣ освобожденія Европы и Россіи этотъ крѣпостной снова отправленъ „подъ палку своего господина“... „Снова начинаются прежнія мерзости“,—пишетъ А. С. Грибоѣдовъ. Вчерашній герой, которому сбрили бороду и снова погнали подъ ярмо раба, не вынесъ рабства и покончилъ съ собой. Характерно, что весь протестъ крѣпостнаго свелся къ самоубійству...

Конспектъ этой ненаписанной драмы былъ отзвукомъ великой драмы, переживаемой народомъ, который не находилъ съ себѣ достаточно активныхъ силъ для рѣшительной борьбы. Эта драма терзала

сердца лучшихъ людей, родоначальниковъ кающихся дворянъ, терзала поэтовъ и художниковъ.

„Долго ль русскій народъ будетъ рухлядь господъ и людями, какъ скотами, долго ль будутъ торговать?!“—негодовалъ Рылѣевъ.

„Увижу ли народъ неугнетенный!?“—съ тоской спрашивалъ А. С. Пушкинъ...

Царство мертвыхъ душъ на фонѣ „Освободительной“ войны было вопіющимъ и невыносимымъ зломъ...

Взоры умѣренныхъ либераловъ обращались къ Владыкѣ Сѣвера и Пушкинъ готовъ былъ вѣрить, что увидитъ рабство, падшее по манію царя“...

Въ годы „Освободительной войны“ Александръ I тоже, казалось, былъ захваченъ либеральными идеями. Когда въ 1815 году въ Парижѣ въ салонѣ M-me de Staël, ему, возмущавшемуся рабствомъ въ Америкѣ, замѣтили, что въ Россіи—то же рабство, онъ отвѣтилъ:

„Я объявляю, что крѣпостное право также дурно, что оно должно быть уничтожено и что съ Божіей помощью оно прекратится еще въ мое правленіе“.

Въ томъ же 1815 году при открытіи польскаго сейма онъ произнесъ рѣчь, въ которой обѣщалъ „съ помощью Божіей“ распространить „правила законосвободныхъ учрежденій“ и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію его ввѣренныя.

Благими намѣреніями былъ вымощенъ адъ русской жизни, но претворить обѣщанія въ жизнь такъ и не пришлось.

Зато съ помощью... Метерниха и Аракчеева, удалось укрѣпить иго самовластья и господство насильственной лозы. Вмѣсто „рабства падшаго“ увидѣли рабство утвержденное. „Освободитель“ Европы шелъ, съ помощью Божіей, отъ вольнолюбивыхъ мечтаній къ военнымъ поселеніямъ, отъ Сперанскаго—къ Аракчееву, отъ Лоренца Штейна—къ Меттерниху, и скоро „дней Александровскихъ прекрасное начало“ пришло къ печальному концу. Колебаніямъ и заигрываніямъ съ общественностью былъ положенъ предѣлъ.

Тѣ, которые были „сердцемъ римляне“, не могли и не хотѣли мириться съ такимъ овидіевымъ превращеніемъ. Началась борьба, и А. С. Пушкинъ помогалъ этой борьбѣ.

Вдохновители и сподвижники „Освободителя Европы“, временщики, идеологи, святоши упокоились навсегда въ эпиграммахъ поэта, какъ въ нетлѣнныхъ гробахъ. Тутъ цѣлое кладбище!

Аракчеевъ—„всей Россіи притѣснитель“, въ лицо которому поэтъ-

гражданинъ бросилъ смѣлый вызовъ: „ты стоишь лавровъ Герострата иль смерти нѣмца Коцебу“.

Голицынъ—„холопская душа... просвѣщенія губитель“.

Карамзинъ, въ сочиненіяхъ котораго „изящность, простота доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья необходимость Самовластья и прелести кнута“.

Архимандритъ Фотій, „полуфанатикъ полуплутъ“, а рядомъ—Чесменская княжна, которая „душою Богу предана, а грѣшною плотію архимандриту Фотію“. Такихъ полуплутовъ и просто плутовъ и такихъ преданныхъ плотію знала достаточно русская исторія!

Пѣвецъ „вольности“ становится поэтомъ молодежи: „Не было живого человѣка, который бы не зналъ его стиховъ“,—вспоминаетъ Пущинъ. Онъ „наводнилъ Россію возмутительными стихами. Вся молодежь ихъ читаетъ“,—жаловался Александръ I Энгельгардту и собирался сослать поэта въ Сибирь.

Уже высланный, а потомъ сосланный поэтъ молодого поколѣнія подводитъ итоги, пишетъ въ X главѣ поэмы „Евгеній Онѣгинъ“ нѣсколько строфъ о декабристахъ и тамъ же бросаетъ убійственныя строки:

«Властитель слабый и лукавый,
«Плѣшивый щеголь, врагъ труда,
«Нечаянно пригрѣтый славой»...

Въ „Отрывкахъ“, написанныхъ въ 1823 году, А. С. Пушкинъ ставитъ лицомъ къ лицу Александра I и грозную тѣнь Владыки Запада, Наполеона I, уже сошедшаго въ могилу.

„Освободитель Европы“ съ гордостью говоритъ:

«И гдѣ же вы, зиждители свободы?..
... Цѣлуйте жезлъ Россіи,
И васъ поправшую желѣзную стопу».

Въ этотъ моментъ появляется призракъ Наполеона, не униженнаго, а непобѣдимаго и великаго. „Владыкѣ Полунощи Владыка Запада г р о з я щ і й предстоялъ“.

О чемъ говорилъ Владыка Запада,—мы не знаемъ. Надо думать—онъ напомнилъ Александру I о его благихъ намѣреніяхъ въ годы Отечественной войны. Все, что Владыка Сѣвера обѣщалъ предъ лицомъ Европы въ моментъ опасности, все это было забыто теперь передъ лицомъ реакціоннаго „Священнаго Союза“. И напомнилъ ему объ этомъ Наполеонъ—Владыка З а п а д а, „сей ратникъ вольностью вѣнчанный».

Отечественная война пробудила чувство родины, чувство свободы, неутолимую и неутоленную жажду дѣятельности, стремленіе примѣнить европейскія теоріи къ русской жизни. Но, увы, не надолго! Уже черезъ десять лѣтъ всѣ эти цвѣты были убиты морозомъ свинцовой эпохи, да и молодое поколѣніе погибло... „за край родной“, погибло безъ отклика и безъ поддержки.

Протестующихъ патріотовъ Чацкихъ смѣнили хандрящіе скитальцы Онѣгины, насильно оторванные отъ страны и отъ всякой общественной работы. Теперь эта „оторванность отъ всего, что касается родины“ была глубоко осознана и мучительно пережита.

Челнокъ смѣлыхъ иловцовъ разбился о скалу, ихъ „таинственный пѣвецъ“ былъ „на берегъ выброшенъ грозою“. И не онъ одинъ! Цѣлое поколѣніе было выброшено на берегъ.

Снова передъ нами—чужіе среди своихъ. Снова Владыка Полунощи охраняетъ царство мертвыхъ домовъ и мертвыхъ душъ.

Нуженъ былъ пламенный энтузіазмъ Отечественной войны и освободительныхъ мечтаній, чтобы за статикой вскрылась динамика, чтобы зашатались незыблемыя основы Мертваго царства. Отечественная война нанесла страшный ударъ рабьему состоянію, рабьимъ чувствамъ и рабьему языку, вѣчному переодѣванію и безпріютному скитальчеству.

Къ сожалѣнію, этотъ энтузіазмъ быстро угасъ, а съ нимъ угасли и вольнолюбивыя мечты и надежда, и вѣра... Угасла жизнь. И снова безвременье кропитъ своей мертвой водой печальное поле русской жизни, усѣянное мертвыми костями... И самое страшное на этомъ полѣ равнодушіе и безразличіе смерти.

„Тогда,—разсказываетъ Вигель въ своихъ запискахъ,—по мѣрѣ удаленія Наполеона угрюмость стала исчезать съ лицъ, но, увы, какъ будто началъ слабѣть энтузіазмъ соотечественниковъ. Таковъ-то еще народъ русскій въ своей незрѣлости отъ барина до мужика. Бѣда проходитъ, бѣда едва прошла, а ея какъ будто уже никогда и не бывало“.

Общественность и литература не смогли во всей широтѣ использовать творческую силу этого энтузіазма, не смогли, потому что въ тотъ моментъ, когда кучка энтузіастовъ-дворянъ шла на гибель, народу она была чужда, и онъ безмолвствовалъ.

Со времени Отечественной войны страна не даромъ прожила 100 лѣтъ. На Севастополь Россія отвѣтила 61 годомъ, на Портъ-Артуръ — пятымъ годомъ,

Въ моменты историческихъ потрясеній среди грома и молніи гре-

мѣлъ призывъ къ пробужденію новой, осмысленной жизни, точно съ высоты Синая, и этотъ призывъ ничего не имѣлъ общаго съ истерическимъ воплемъ Ѳ. М. Достоевскаго, раздавшимся на Пушкинскихъ торжествахъ. Этому воплю надломленнаго человѣка изъ Мертваго дома: „Смирись гордый человѣкъ“, проснувшееся человѣческое достоинство противопоставляло иную формулу: „Встань смирный человѣкъ!“ „Встань во имя спасенія страны!“

И никогда этотъ призывъ не раздавался такъ мощно и властно, какъ въ наши дни.

Вокругъ бивуачныхъ костровъ и зеленыхъ лампъ снова говорятъ объ отечествѣ, о гражданскомъ патріотизмѣ, о живой общественной работѣ и спорятъ, какъ тогда не спорили о задачахъ демократической Европы, о международности. Но говоритъ сейчасъ не кучка образованнѣйшихъ дворянъ, не горсточка европейцевъ-просвѣтителей, которыми „Вольтеръ всѣхъ больше перечитанъ“, а—почти вся страна. Если тогда въ центрѣ была Москва—дворянская, то теперь—буржуазная.

Противъ „свободы просвѣщенной“, противъ европеизаціи страны выступаетъ сейчасъ кучка объединенныхъ дворянъ-зубровъ и тѣ темные антиобщественные элементы, которые покоятся „на днѣ“ русской жизни. Противъ свободы и свѣта—верхи и подонки.

Въ гражданскомъ патріотизмѣ демократическихъ элементовъ—готовность идти на подвигъ, но сейчасъ въ этой любви къ общественному благу неизмѣримо больше сознательности, и пребываніе теперь въ Европѣ усилило ростъ сознанія не кучки дворянъ, а широкихъ слоевъ народа. Въ любви ненависти нашихъ современниковъ нѣтъ рылѣевской погибельной ноты.

То чувство протеста и глубокаго возмущенія, которое заставляло переживать Чацкаго-Грибоѣдова „милліонъ терзаній“, которое превращало А. С. Пушкина въ „таинственнаго пѣвца“ декабристовъ, а Рылѣева вело на гибель за край родной, родилось уже послѣ того, какъ „прекрасное начало“ свелось къ грубому господству Аракчеевщины и Фамусовщины, уже послѣ 12-го года...

Открытое вступленіе на путь европеизаціи и демократизаціи осознано, какъ условіе спасенія страны и отраженія чужеземнаго нашествія, какъ условіе акрѣпленія прочной связи съ демократической Европой.

Сто лѣтъ тому назадъ нуженъ былъ наглядный урокъ, который давала культурная Европа варварской странѣ, нуженъ былъ урокъ, чтобы вскрылись язвы того царства „Мертвыхъ душъ“ и „Мертвыхъ домовъ“, гдѣ „тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ, надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя“, нуженъ былъ урокъ, чтобы русскіе люди *посмѣли* питать надежды и склонности.

Въ настоящій моментъ въ такомъ урокѣ страна не нуждается, у всѣхъ на глазахъ незаживающія язвы! Сейчасъ центръ тяжести въ другомъ.

Волею историческихъ судебъ наша страна вмѣстѣ съ демократической Европой, какъ ея часть, вынуждена бороться противъ натиска новаго „Священнаго союза“ правительствъ, противъ тѣхъ силъ, которыя въ интересахъ юнкерства цѣлыхъ сто лѣтъ питали русскую реакцію и русскую отсталость. И эта борьба должна привести къ полной европеизаціи и демократизаціи Россіи, ибо это въ интересахъ всей демократической Европы.

Мы хотимъ, чтобы демократическая Европа отразила натискъ „Священнаго союза“, потому что она поднялась, выражаясь словами короленковской „Легенды о Флорѣ“ „на дѣло *защиты*, а не *утѣсненія*“.

Мы глубоко убѣждены, что только при торжествѣ этого „дѣла защиты“ укрѣпится не священный союзъ реакціонныхъ правительствъ, а братскій союзъ народовъ.

Только при торжествѣ дѣла защиты весь міръ станетъ ближе къ тѣмъ временамъ, о которыхъ сто лѣтъ тому назадъ мечтали Мицкевичъ и А. С. Пушкинъ, ко временамъ, „когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся“.

Этого достаточно, чтобы дѣло защиты зажгло огнемъ энтузіазма милліоны сердецъ и разбудило чувство кровной связи съ родиной, чувство кровной связи съ Европой, съ человѣчествомъ и разбудило великое чувство человѣческаго достоинства и глубокое чувство возмущенія противъ „тягостнаго ярма“.

Тѣ слова, которыя говорилъ когда-то въ утѣшеніе А. С. Пушкинъ своему учителю и другу Чаадаеву, сейчасъ пріобрѣтаютъ новый проро-

ческій смыслъ, и я слышу, какъ ихъ повторяютъ все громче и громче и вокругъ костровъ, и вокругъ зеленыхъ лампъ:

Товарищъ, вѣрь! Взойдетъ она
Заря плѣнительнаго счастья:
Россія вспрянетъ ото сна,
И свергнетъ иго самовластья.

Къ этому приведетъ дѣло защиты! Дѣло защиты заставитъ встрепенуться, заставитъ „вспрянуть ото сна“. Оно громко и властно зоветъ:

„Встань, смирный человѣкъ! Встань во имя спасенія страны!“

В. ЛЬВОВЪ-РОГАЧЕВСКІЙ.

Оглавленіе.

Стран.

Предисловіе.

О войнѣ.—В. И. Засуличъ . . . . . 1—4

О патріотизмѣ и о международности.—А. Н. Потресовъ . . . . . 5—21

Рабочій классъ и національное чувство.—Иванъ Кубиковъ . . . 22—28

Экономическое значеніе войны для Россіи.—П. Масловъ . . . 29—41

Народное хозяйство въ началѣ второго года войны.—К. Дмитріевъ. 42—56

Статья Л. Сѣдова „Вчера—Сегодня—Завтра", по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, появиться въ сборникѣ не могла. 57—70

Марксизмъ и радикализмъ.—Анъ . . . . . 71—78

Замѣтки по поводу войны.—Владиміръ Вольскій . . . . . 79—91

Цензовая Россія и демократія.—Евг. Маевскій . . . . . 92—107

Организація общественныхъ силъ и защита страны.—В. Левицкій. 108—120

Въ плащѣ Гамлета.—А. Бибикъ . . . . . 121—127

Какъ было тогда.—В. Львовъ-Рогачевскій . . . . . 128—141